

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи

Ван Жань

Ван Жань

**Инаугурационный дискурс РФ и КНР:
лингвосемиотическое описание**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Боженкова Наталья Александровна

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3-13
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНАУГУРАЦИОННОГО ДИСКУРСА	14-56
1.1 Дискурс в контексте современных междисциплинарных исследований..	14-25
1.2 Политический дискурс: общая характеристика.....	25-35
1.3 Категориальные признаки инаугурационного дискурса	35-53
Выводы по главе 1	53-56
Глава 2. СЕМИОТИКО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНАУГУРАЦИОННОГО ДИСКУРСА РФ И КНР	57-134
2.1 Конститутивные параметры инаугурационного дискурса РФ и КНР	57-75
2.2 Невербальные компоненты инаугурационного дискурса РФ и КНР	75-106
2.3 Вербальные компоненты инаугурационного дискурса РФ и КНР	106-131
Выводы по главе 2	131-134
Глава 3. ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНАУГУРАЦИОННОГО ДИСКУРСА РФ И КНР	135-193
3.1 Прагмалингвистический инструментарий инаугурационного дискурса РФ и КНР.....	135-151
3.2 Лингвостилистические особенности инаугурационного дискурса РФ и КНР	151-175
3.3 Ценностно-культурные маркеры инаугурационного дискурса РФ и КНР...	175-190
Выводы по главе 3	190-193
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194-199
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	200-223
Приложение А (обязательное) Основные источники исследования	224-225
Приложение Б (справочное) Артефактные знаки инаугурационного дискурса РФ и КНР	226-227
Приложение В (справочное) Кинесические знаки процедуры присяги глав государств РФ и КНР	228-229
Приложение Г (справочное) Общая типология кинесических знаков инаугурационного дискурса РФ и КНР	230-234
Приложение Д (справочное) Сравнительно-сопоставительная характеристика инаугурационного дискурса РФ и КНР.....	235-240

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и степень научной разработанности темы исследования

Как известно, основные принципы политического взаимодействия вырабатываются и «кристаллизуются» в процессе культурно-исторического и этноментального развития определенной нации. Соответственно, политический дискурс не только репрезентирует типичные модели социальной интеракции конкретного этнического сообщества, но и оказывает влияние на дальнейшее «конструирование» действительности.

Значимое место в генристической палитре политического дискурса занимает дискурс *инаугурационный*, который маркирует характер институциональности политического строя значительного числа стран и демонстрирует устройство отдельного общества с его идеологическими установками, аксиологическими законами, этическими правилами, ментальными символами и др.

Инаугурационный дискурс как особый тип политического взаимодействия формально организуется и реализуется в *семиотически сложной процедуре вступления в должность главы государства*: в рамках акта инаугурации фиксируется исторический этап развития общества, определяется философия управления государством избранного лидера, закрепляется стратегический курс нового правительства в области внутренней и внешней политики и – самое важное – предъявляются гражданам «ключевые слова политики» [Whissell, Sigelman, 2001, p. 255].

Отличаясь строго заданной формальной сценарностью и относительной содержательной предсказуемостью, инаугурационный дискурс оказывается «точкой пересечения» многих типов / видов дискурсивных практик – от собственно политических до ритуальных. Ритуал инаугурации, будучи символической деятельностью, выполняющей роль мощного орудия в конструировании политической реальности [Kertzer, 1988], является «наглядно-демонстрационным» способом приобщения широких масс к политике и тем самым обеспечивает устойчивость процесса легитимизации власти. Учитывая тот факт, что социальный институт власти всегда «подкрепляется» определенными аксиологическими

знаками и опирается на «манипуляцию символами и распределение символических наград» [Шейгал, 2004, с. 16], инаугурационный дискурс, ориентированный на наделение индивида властной ролью и возвышение статуса персоны, содержит (как никакой другой) значительную по объему и разнообразию информацию, эксплицируемую различными знаковыми (в широком смысле) системами. Соответственно, в инаугурационном дискурсе как общественно-культурной форме организации коммуникативных отношений ярко актуализируются социально важные значения – репрезентанты этноментальной сферы, которые весьма многообразны и включают в себя как вербальный, так и невербальный код: «язык проявляет себя и в графическом изображении, и в «словесном» тексте, и в телесных жестах, и в иных семиотических формах» [Боженкова, 2018, с. 40], что позволяет рассматривать признаковые особенности инаугурационного дискурса как *доминантные характеристики национальной политической практики*.

Отметим, однако, что, несмотря на довольно длительную историю изучения специфики политических интеракций, инаугурационный дискурс долгое время находился на периферии научного описания. Основной массив работ, выявляющий особенности *инаугурационной речи*, принадлежит американским исследователям: важность ее рассмотрения в американской политической риторике обусловлена уже тем фактом, что данный текст представляет собой интерпретацию истории президентства в США. В российских и китайских академических кругах инаугурационный дискурс стал объектом описания лишь в последние 10–15 лет, при этом авторы фокусируются на *инаугурационных обращениях* (т.е. вербальный уровень) через призму лингвоперсонологии (М.Г. Асланова, А.П. Чудинов, Л.Г. Ким), лингвокогнитивных исследований (М.В. Гаврилова, Е.А. Моргун, Сунь И, Ли Цюань /孙毅, 李全), Цзи Янь, Ван Шаохуа /纪燕, 汪少华), жанроведения (В.В. Ильичева, В.В. Кашпур, Е.И. Шейгал), прагмалингвистики (П.С. Акинина, Е.С. Беляева, Е.В. Пильгун, Н.Г. Склярова), лингвостилистики (Р. Шимуля, Чжун Лицзюнь /钟丽君, Ян Цзяцинь, Лю Дандань /杨家勤, 刘丹丹), тогда как особая конвергентность семиотической организации инаугурационного дискурса, включающего вербальные и невербальные знаки в единстве их содержательной и

выразительной составляющих, остается не вполне охарактеризованной как в аспекте *моно*-лингвокультурной (русскоязычной или китайскоязычной) объективации, так и в разрезе компаративного освещения способов репрезентации основных идеологем России и Китая.

Все сказанное, с нашей точки зрения, не только свидетельствует об **актуальности настоящего исследования**, направленного на системное описание инаугурационных дискурсивных практик РФ и КНР, лингвосемиотические конститuentы которых получают специфическое национально-культурное преломление в русскоязычной и китайскоязычной социальной реальности, но и обуславливает значительный исследовательский интерес к фигурам лидеров РФ и КНР, занимавшим и занимающим посты глав государств с 1990-х годов по настоящее время (2023 г.), чей «политический вес» и длительность нахождения в статусе первого лица страны оказываются близкими.

Цель настоящего исследования – комплексная сравнительно-сопоставительная характеристика системы знаковых средств, маркирующих специфичность российского / китайского лингвокультурного контекста в акте инаугурации.

Цель исследования обусловила необходимость решения **следующих задач**:

- рассмотреть принципы и базисные механизмы организации и реализации политических дискурсивных практик как важнейшей разновидности институциональной коммуникации;
- вычленив дифференцирующие признаки инаугурационной дискурсивной практики как особого вида политического дискурса;
- установить и описать структурно-конститутивные компоненты инаугурационного дискурса;
- выявить и охарактеризовать прагматико-функциональные особенности инаугурационного дискурса;
- провести компонентный и контекстуальный анализ системы невербальных знаков, создающих «орнамент» процедуры инаугурации в РФ и КНР;

- провести комплексный анализ текстов инаугурационных обращений глав государств и охарактеризовать вербальные средства экспликации идеологием китайско- и русскоязычного универсума;
- выявить лингвопрагматический инструментарий инаугурационных выступлений и таксономизировать кластер коммуникативных стратегий и тактик, применяемых российскими / китайскими лидерами;
- осуществить компаративный анализ системы знаковых конститuentов, организующих синергетическое пространство инаугурационных дискурсивных практик РФ и КНР;
- выявить ценностные компоненты российской и китайской лингвокультур, актуализирующиеся в акте инаугурации.

Объектом исследования является совокупность невербальных элементов и вербальных конструкторов, принадлежащих к различным ярусам русской / китайской языковых систем, репрезентующих каноничность / вариативность реализации процедуры инаугурации в РФ и КНР с учетом определенных этносоциокультурных факторов.

Предметом исследования выступают лингвосемасиологические, лингвопрагматические, лингвоаксиологические механизмы экспликации концептуализированных знаков политического взаимодействия, обеспечивающие создание конвенциональных ценностей страны и символизированной государственной роли ее руководителя.

Материалом исследования послужили скрипты инаугурационных речей российских президентов (Б.Н. Ельцина, Д.А. Медведева, В.В. Путина) и китайских председателей (Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина), опубликованные на правительственных сайтах Российской Федерации (<http://kremlin.ru>) и Китайской Народной Республики (<https://www.gov.cn>) в период с 1991 по 2023 годы; видеозаписи процедуры инаугурации, представленные на государственных каналах российского и китайского телевидения (общая длительность – более 1200 мин.)

Методологической и теоретической основой работы являются исследования в области *семиотики и лингвосемиотики* (Т.Н. Астафуровой, И.В. Бугаевой, Г.Е. Крейдлина, Ю.М. Лотмана, Н.Б. Мечковской, А.В. Олянича, Е.И. Шейгал, Е.В. Шелестюк, Г. Кресса, Ч. Морриса, Ч. Пирса, Ван Мин-юй /王铭玉, Дай Шулан /代树兰, Синь Чжиин /辛志英, Ху Чжуанлинь /胡壮麟 и др.); *лингвокультурологии* (Н.Д. Арутюновой, Е.М. Верещагина, В.И. Карасика, В.Г. Костомарова, В.А. Масловой, С.Е. Никитиной, Ю.С. Степанова, Г. Хофстеде и др.); *теории дискурса* (Н.Д. Арутюновой, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, Т.А. ван Дейка, Дж.П. Джи, М. Пешё, М. Фуко, Н. Фэркло, З. Харриса, М. Халлидея, Ши Сюй /施旭); *политического дискурса* (А.Н. Баранова, Н.А. Боженковой, Э.В. Будаева, М.В. Гавриловой, В.З. Демьянкова, М.Р. Желтухиной, В.И. Карасика, Е.А. Кожемякина, О.П. Малышевой, В.А. Масловой, О.Л. Михалевой, П.А. Катыева, С.В. Оленева, А.А. Романова, Л.Н. Синельниковой, О.В. Спиридовского, А.П. Чудинова, Р. Водак, Т.А. ван Дейка, П. Серио, П. Чилтона, К. Шеффнера, Сунь Юхуа /孙玉华, Тянь Хайлун /田海龙); *инаугурационного дискурса* (П.С. Акининой, Е.С. Беляевой, М.В. Гавриловой, В.В. Ильичевой, В.В. Кашпур, Л.Г. Ким, Е.А. Моргун, Е.В. Пильгун, Е.И. Шейгал, К. Кэмпбелла, К. Джеймисон, Ван Шаохуа /汪少华, Сунь И /孙毅, Цзи Янь /纪燕, Ян Цзяцин /杨家勤).

В процессе решения задач научного исследования использовались следующие **методы и приемы**:

- описательный метод, используемый для семиотико-семасиологической характеристики инаугурационного дискурса и установления его базовых параметров;
- функциональный анализ текстов обращений глав государств, выявляющий композиционную специфику и особенности реализации жанрового канона акта инаугурации;

- метод контекстуального и компонентного анализа, состоящий в выделении системы невербальных знаков, обрамляющих русскоязычные и китайскоязычные инаугурационные дискурсивные практики;
- метод лингвистилистического анализа текста, выявляющий систему языковых средств и приемов, эксплицирующих идеологемы русскоязычных и китайскоязычных инаугурационных речей;
- метод прагмалингвистического анализа коммуникативных актов, направленный на установление вербального инструментария инаугурационных обращений глав государств с последующей таксономизацией;
- сравнительно-сопоставительный метод, устанавливающий сходства и различия лингвосемиотического пространства инаугурационного дискурса РФ и КНР;
- метод лингвокультурологических истолкований и описательно-логические приемы сопоставления вербальных / невербальных знаков как репрезентантов ценностных доминант акта инаугурации российских / китайских лидеров;
- приемы критического и культурологического дискурс-анализа, предполагающие компаративное рассмотрение аксиологических систем инаугурационного дискурса РФ и КНР.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: несмотря на общее представление, что процедура инаугурации как «ядро» инаугурационного дискурса, детерминированная *однозначностью* его цели, предполагает строгую, ритуальную реализацию жанрового канона и явную «штампованность» речевых формул, актуализация значимых социальных факторов – политические интенции лидера-актора, его идеологическое кредо, модальность акта инаугурации в целом, напрямую подчиняющиеся запросам и (особо важно) ожиданиям электората в определенных культурно-исторических условиях – обуславливают «включение» *личностного* компонента, что приводит как к языковой вариативности инаугурационной речи, так и к видоизменению семиотической палитры инаугурационного дискурса в целом. Тем самым разнообразные вербальные и невербальные знаки, эксплицирующие ценностно-культурные доминанты

русскоязычных и китайскоязычных инаугурационных дискурсивных практик, оказываются маркерами аксиологической устроенности конкретного лингвокультурного универсума (в нашем случае – КНР и РФ), а инаугурационный дискурс приобретает статус некоего «индексального знака» политической системы государства.

На защиту выносятся следующие положения

1. Инаугурационный дискурс как разновидность дискурса политического с присущими ему прагматико-функциональными особенностями представляет собой особый тип институционально-персонального взаимодействия, жанровый канон которого обусловлен юридизированными коммуникативными нормами и ритуальным сценарием, при этом процессуальное развитие инаугурационной дискурсивной практики напрямую зависит как от этнокультурной организации социума, так и от субъектных (индивидуально-личностных) особенностей избранного главы государства, что позволяет рассматривать инаугурационную интеракцию как важнейший маркер политической культуры общества.

2. Семиотико-семасиологическое пространство инаугурационного дискурса образуется путем конвергентного «наложения» различных систем знаковых компонентов в формах вербальных и невербальных реализаций, специфически интерпретированных лингвокультурным сообществом в соответствии с общественно-политической обстановкой в стране, тогда как контекстуальная модель политического ритуала инаугурации характеризуется трафаретной заданностью, формальной упорядоченностью и обладает относительно фиксированными конститутивными параметрами.

3. Знаковые (вербальные/невербальные) компоненты инаугурационного дискурса имеют строгую функциональную «нагруженность» и определенную иерархическую устроенность, однако дихотомичность интенциональной направленности церемонии инаугурации, ее композиционная структура и сама двойственная природа знаковых единиц обуславливают расширение семантического пространства дискурсивной практики, что позволяет выделить четыре группы лингвосемиотических компонентов: (1) конституенты, задающие

формальную рамку инаугурационного дискурса и придающие «орнаменту» процедуры инаугурации символичность и театральность; (2) конститuentы, формирующие / транслирующие идеологемы политической коммуникации; (3) конститuentы, маркирующие российскую / китайскую ценностно-культурную специфичность; (4) конститuentы, репрезентирующие идиопредпочтения актора инаугурационного дискурса – избранного лидера страны.

4. Инаугурационный дискурс отражает и определяется уникальностью(ю) политической реальности, в контексте которой осуществляется национально-культурная экспликация важнейших аксиологических констант России и Китая: синергетическое единство знаковых элементов инаугурационного дискурса обеспечивает функциональную целостность «пресуппозиционного фонда» и одновременно детерминирует создание мифосценария, на основании которого сохраняются / формируются ценностные доминанты этнокультурного социума; в свою очередь именно данные ценностные воззрения во многом определяют «тональность» церемонии инаугурации, формируют когнитивное пространство взаимодействия между новоизбранным лидером и аудиторией и придают акту инаугурации как в РФ, так и в КНР статус социально значимого продукта культуры.

Научная новизна диссертационной работы заключается в комплексном лингвосомиотическом, лингвосемасиологическом, лингвопрагматическом лингвоаксиологическом анализе категориальных признаков русскоязычных и китайскоязычных инаугурационных дискурсивных практик в сопоставительном аспекте и определяется следующими результатами:

– описан категориальный статус инаугурационного дискурса как коммуникативного акта закрепления статуса избранного президента, соответствующего юридическим нормам государства, где институциональные и персонифицированные конститuentы представлены в синкретическом единстве;

– проведен системный, компонентный и контекстуальный анализ структурно-композиционных признаков инаугурационного дискурса РФ и КНР;

– выявлены и описаны кластеры вербальных и невербальных знаков русскоязычных и китайскоязычных инаугурационных дискурсивных практик и

осуществлена их компаративная характеристика в контексте процессуального развития данной политической интеракции;

– проведен сравнительный лингвопрагматический анализ языковых конструкторов, репрезентирующих корпус коммуникативных стратегий и тактик, совокупность которых детерминирует особую этноментальную организацию инаугурационного дискурса в русской и китайской лингвокультурах;

– осуществлен комплексный анализ текстов инаугурационных обращений глав государств и охарактеризованы лингвостилистические средства экспликации идеологем китайско- и русскоязычного универсума;

– выявлены и описаны лингвоаксиологические особенности инаугурационного дискурса РФ и КНР, детерминирующие сохранение / формирование / трансляцию ценностно-культурных смыслов лингвокультурных универсумов России и Китая.

Теоретическая значимость диссертации определяется сочетанием исследовательских установок социальной семиотики, дискурсологии лингвокультурологии, прагмалингвистики, лингвоаксиологии и ряда других научных дисциплин, что позволило выработать комплексный подход к анализу, систематизации и оценке инаугурационной дискурсивной практики как экспликанту политико-культурных, этноментальных и идиосубъектных признаков юридизированного коммуникативного взаимодействия. Изучение и выявление знаковых способов организации и трансляции идеологем и аксиологем русскоязычного и китайскоязычного социумов и полученные результаты формируют системное представление о лингвокультурных характеристиках российского / китайского политического дискурса в целом. Выявленные и систематизированные в исследовании данные и эмпирический материал исследования могут быть включены в общую парадигму описания лингвoseмиотических особенностей разнокодовых политических интеракций и служить базой для дальнейшего изучения структурно-семасиологической устроенности политической логосферы.

Практическая ценность работы обусловлена возможностью интегрирования его материалов и выводов в преподавание вузовских курсов по лингвосомиотике, лингвокультурологии, социолингвистике, прагмалингвистике, лингвоаксиологии, общей теории дискурса, в спецкурсы по проблемам политической коммуникации, теории речевого воздействия, а также в практические занятия по культуре межнационального речевого общения.

Достоверность результатов и выводов исследования подтверждается исходными методологическими позициями; широкой исследовательской и теоретической базой, учитывающей данные, накопленные отечественными и зарубежными учёными; использованием терминологического аппарата и научных методов, соответствующих целям, задачам и предмету исследования; последовательной аргументацией; репрезентативным объемом исследуемого языкового материала.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены на 11 конференциях различного уровня, в числе которых: II Международная научная конференция «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности» (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, г. Москва, 2022); IV Международная конференция студентов и молодых исследователей «Русский язык в контексте открытого диалога языков и культур» (ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, 2022); II Международная научно-практическая конференция «Социально-педагогические инновации в образовании» (ИФ ЕГУ, г. Иджеван, 2023); XXIV Международная научно-практическая конференция «Кирилло-Мефодиевские чтения» (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, г. Москва, 2023); II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Обучение и адаптация иностранных студентов в вузе: российский и зарубежный опыт» (РАНХиГС, г. Москва, 2023); Научно-практическая конференция молодых ученых «Современные дискурсивные практики: проблемы и перспективы» (НГЛУ, г. Нижний Новгород, 2023); II Национальная научно-практическая конференция научно-педагогических и практических работников с международным участием «Коммуникация – Общество – Человек» (Ярославский филиал ФУ, г. Ярославль, 2023); Всероссийская научная

конференция с международным участием «Филология, культура и религия на перекрестке гуманитарных исследований» (РГУ им. А.Н. Косыгина, г. Москва, 2023); I Международный лингвокультурологический форум «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление» (РУДН, г. Москва, 2023); VI Международная научно-практическая конференция «Магия ИННО: Перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях» (МГИМО, г. Москва, 2023); IX Международная научно-практическая конференция «Би-, поли-, транслингвизм и лингвистическое образование» (РУДН, г. Москва, 2023).

По результатам исследования опубликовано 8 статей, в том числе 4 – в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК при Минобрнауки России.

Объем и структура диссертации. Диссертационное исследование общим объемом 240 страниц включает введение, 3 главы, заключение, список литературы и 5 приложений.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНАУГУРАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Как известно, понятие *дискурса*, ставшее междисциплинарным и широкоупотребительным, обладает лингвистическим, социально-политическим, культурным и др. измерениями значимости, в результате чего активно используется как в научной деятельности, так и в различных сферах человеческой жизни. Значимая его разновидность – политический дискурс, – с одной стороны, контролирует власть, с другой же, сам контролируется властными отношениями. При этом важнейшим маркером политической культуры общества, бесспорно, является *дискурс инаугурационный*, который, будучи подвидом политического дискурса, характеризуется уникальными дискурсивными параметрами. Однако наличие многочисленных интерпретаций термина *дискурс* обуславливает необходимость уточнения как категориальной сущности инаугурационного дискурса, так и его признаков особенностей.

1.1 Дискурс в контексте современных междисциплинарных исследований

После «лингвистического поворота» [Rorty, 1992], многие ученые в рамках междисциплинарных исследований сфокусировались на изучении различных аспектов дискурсивного взаимодействия¹: дискурс сегодня является центральным понятием лингвистики, философии, психологии, политологии, социологии и др. Как отмечает Р. Водак, дискурс рассматривается как сложная категория по причине многих противоречивых и несовпадающих интерпретаций [Wodak, 1996].

С этимологических позиций дискурс, происходящий от фр. *discours*, понимается как «связное выражение с широким значением, речевая деятельность, и поведение с психологическим механизмом» [Чжао Ифань /赵一凡, 2006, с. 224], что может выражать как динамический процесс, так и результат процесса. В свою очередь во французский язык данный термин попадает в V веке н.э. из латыни – от латинского глагола *discursus*, являясь причастием прошлого времени *discurre*,

¹ Отметим, что «отправной точкой» дискурсивных исследований считается статья З. Харриса «Анализ дискурса», опубликованная в 1952 г.

состоящем из двух частей ‘dis-’ и ‘currere’ (‘dis-’ имеет значение ‘покидать’ и ‘двойственность’, ‘currere’ имеет прямое значение ‘бегать, быстро перемещаться, мельтешить’) [Демьянков, 2022]. Следовательно, семантически данный глагол есть ‘быстрое перемещение в определенном пространстве’, при этом имеет производное значение ‘рассуждение, беседа’, за которым стоит метафора быстрого перемещения смыслов и диалога между участниками коммуникативного взаимодействия.

Для уточнения «первичного» значения данного термина обратимся к лексикографическим источникам. Так, в Новом Оксфордском словаре английского языка *discourse* характеризуется двояко – как имя существительное и глагол; в качестве имени существительного обозначается как «письменное или устное общение или дебаты; формальное обсуждение темы в устной или письменной форме; связный ряд высказываний, текст или разговор» [Pearsall, 1998, p. 527]. Словарь «*Routledge dictionary of language and linguistics*» определяет дискурс как общий термин для различных типов текста [Routledge, 1998, p. 320]. Д. Кристал в словаре «*A dictionary of linguistics and phonetics*» предлагает следующую трактовку: «Дискурс используется в лингвистике для обозначения непрерывного отрезка (особенно разговорного) языка, превышающего размер предложения, но в рамках этого широкого понятия можно найти несколько различных применений. В самом общем виде дискурс – это поведенческая единица, имеющая теоретический статус в лингвистике: это набор высказываний, составляющих любое распознаваемое речевое событие (без ссылки на его лингвистическую структуру, если таковая имеется), т.е. разговор, шутка, проповедь, интервью» [A dictionary of linguistics and phonetics, 2003, p. 148]. Соответственно, дискурс относится не только к языковым единицам, большим, чем предложения, но и к речевым событиям, состоящим из этих языковых единиц.

В русскоязычных словарях данная лексема фиксируется только в конце XX века, что свидетельствует о недолгой истории ее использования. Согласно дефиниции Большого англо-русского словаря, «дискурс – это трактат, рассуждение; разговор, беседа» [Большой англо-русский словарь, 1987, с. 447]. Большой

иллюстрированный словарь иностранных слов определяет дискурс как «связный текст в совокупности с некоторыми внетекстовыми параметрами и факторами – событиями, являющимися предметом повествования, условиями порождения текста и пр.» [Большой иллюстрированный словарь иностранных слов, 2002, с. 259]. Новейший философский словарь описывает дискурс в широком смысле – как «единство языковой практики и экстралингвистических факторов, <...> необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения» [Новейший философский словарь, 1999, с. 222]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре указано, что дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие» [ЛЭС, 1990, с. 136], отсюда самое известное его определение – это речь, «погружённая в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136].

Оглядываясь назад на историю китайской лексики, можно сказать, что слово «дискурс» (Хуа Юй /话语) встречается еще в древних документах династий Юань и Мин: например, в трактате «Путешествие на Запад» существует выражение с использованием «Хуа Юй /话语». Однако научно считается, что китайские лингвисты «ввели» теорию дискурса лишь в 1980-е годы и использовали термин «Хуа Юй /话语», который в академических кругах рассматривается как новое слово, созданное в процессе перевода [Ши Сюй /施旭, 2008, с. 132-133].

В целом толкование дискурса в китайских словарях тяготеет к описанию его статических характеристик. Например, Китайский энциклопедический словарь предлагает следующую дефиницию: «Семантически он может выражать относительно полное значение или мысль, более чем одно предложение или письменный абзац» [Китайский энциклопедический словарь /中国百科大辞典, 1990, с. 506]. Словарь «Цы Хай /辞海» («Море слов») характеризует термин «дискурс» таким образом: «Дискурс относится к используемому языку. Его

структурная единица эквивалентна предложению или речевому произведению, которое больше, чем предложение. Такие дисциплины современной лингвистики, как текстология и анализ дискурса, в основном изучают языковую структуру гиперсинтаксиса от фрагментов диалогов до законченных романов» [Цы Хай/辞海, 2000, с. 479]. Словарь современного китайского языка утверждает, что «дискурс в разговорном виде может выражать мысли» [Словарь современного китайского языка /现代汉语词典, 2016, с. 565].

Таким образом, можно утверждать, что современная научная парадигма европейских, российских и китайских дискурсивных исследований трактует дискурс как ключевую категорию для целого ряда отраслей знания.

В лингвистике появление термина *дискурс* связано с двумя исследовательскими потребностями: с одной стороны, эта лексема используется для обозначения языковой единицы, образование которой выше уровня предложения (а это важно в аспекте иерархической организации языковой системы); с другой стороны, она характеризует социальную природу человеческой коммуникации.

Отметим, что на начальном этапе дискурс рассматривают в рамках «собственно лингвистики», без учёта социальных, культурных, психологических и др. факторов. Так, со структурно-синтаксической точки зрения рассматривает дискурс В.А. Звегинцев, понимая его как «два или несколько предложений, которые находятся в смысловой связи друг с другом (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац), при этом связность рассматривается как один из основных признаков дискурса» [Звегинцев, 1976, с. 16]. Китайский ученый Фань Сяо отмечает: «Дискурс состоит из двух взаимообусловленных частей, одна часть – содержание, выраженная в речи мысль; другая часть – форма, посредством которой говорящий выражает мысль и которая представляет собой реалистический и конкретный язык», иначе – дискурс есть «сочетание языка и мысли» [Фань Сяо / 范晓, 1994, с. 4]. В англоязычной лингвистике (где представлено самое большое число интерпретаций) наиболее распространены следующие точки зрения: дискурс

– это языковая единица, образование которого выше уровня предложения; используемый язык; семантическая единица, маркирующая значение [Stubbs, 1983].

Сегодня ученые едины во мнении, что дискурс представляет собой конвергентное соединение многих параметров и признаков, «осмысление которых должно строиться с учетом всей совокупности языковых и неязыковых факторов» [Маслова, 2008, с. 44], при этом в научной литературе явно выделяются различные подходы – с позиций антропологической / когнитивной / социальной / прагматической / аксиологической лингвистики, лингвокультурологии, семиотики и социологии.

В разрезе антропологического подхода дискурс, опирающийся на производство или социальную практику, тесно связан с человеческим поведением и идеологией, следовательно, он рассматривается как собственно человеческое общение или социальная деятельность [Paltridge, 1997, p. 10-11]. В соответствии с этим ученые выделяют различные жанры, такие как шутки, рассказы, приветствия и разговоры. Здесь оказывается значимыми (1) понятие *контекста* дискурса, которое было предложено антропологом Б. Малиновским, подчеркивает важную роль ситуации в дискурсе и описывает вневингвистические факторы, состоящие из «соответствующих социальных, интеллектуальных и эмоциональных отношений говорящего» [Malinowski, 1922, p. 312]; (2) отношения, существующие между событиями в определенной ситуации, т.е. актуализируется «интертекстуальная» сущность дискурса (по мнению ученых, производство и интерпретация дискурса не начинается с одного отдельного акта, а интегрируется с предшествующими событиями, действиями и интерпретациями). Развивая идею контекста дискурса, Д. Хаймс предложил модель ситуации «SPEAKING», обобщив восемь контекстуальных компонентов, в числе которых обстановка, участники, цели коммуникации, последовательность действий, атмосфера происходящего, языковые средства, специфика норм и правил и жанровый состав [Hymes, 1974, p. 55-62], а В.И. Карасик уточняет, что это «некая знаковая структура, которую делают дискурсом её субъект, объект, место, время, обстоятельства создания

(производства)» [Карасик, 1999, с. 5], что в совокупности позволяет расширить категориальные параметры данного явления.

С точки зрения когнитивной лингвистики многие ученые отмечают, что дискурс – это процесс, подчеркивая тем самым его динамическую природу. Так, Е.С. Кубрякова под дискурсом понимает когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является результатом процесса речевой деятельности [Кубрякова, 1995, с. 164]. Ю.С. Степанов считает, что дискурс – это «особое явление языка <...> для выражения особой ментальности <...> особой идеологии. Особое использование влечет <...> активизацию некоторых черт языка <...> особую грамматику и особые правила лексики. И в конечном счете создает <...> особый ментальный мир» [Степанов, 1995, с. 38-39, 44]. В.З. Демьянков рассматривает дискурс как «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора», содержание которого концентрируется вокруг некоторого «опорного» концепта, называемого «топиком дискурса», а в процессе интерпретации воссоздается (реконструируется) мысленный мир интерпретатора, в котором находим «характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий и т.п., а также домысливаемые детали и оценки» [Демьянков, 2002, с. 31-32]. В этой связи ученые используют различные концепции когнитивной науки для интерпретации дискурса, такие как теория концептуальных метафор, теория реляционных сетей, теория концептуальной интеграции и теория релевантности.

В рамках системно-функциональной лингвистики М. Халлидей интерпретирует дискурс как семантическую единицу, являющуюся конкретным воплощением языковой системы и смыслового потенциала, на основании чего выделяет три основные метафункции языка (понятийную, межличностную, текстуальную) в качестве теоретической основы для конкретного анализа дискурса.

В аспекте социолингвистики обращается внимание на правила, определяющие использование языка (включая отношения власти), и дискурс рассматривается как часть социального поведения, сочетающего общепризнанный вербальный и невербальный материал [Gee, 2014]. Дискурс «существует» во

множестве социальных институтов, воплощается посредством книг, зданий, технологий и т. д., является барометром социальных изменений и – самое важное – становится средством контроля общества над людьми. Из этого видно, что дискурсивное взаимодействие осуществляется в социальных условиях, в социальных структурах, под влиянием властных отношений; что дискурс в широком социальном контексте организуется, реализуется и контролируется через определенные процедуры. Поскольку субъект дискурса имеет определенную позицию и ценностную ориентацию, сам дискурс «приобретает» функцию конструирования социального порядка и становится связующим звеном многообразных общественных отношений. Соответственно, ученые, рассматривая дискурс как область соприкосновения идеологии и языка, исследуют изменчивость дискурсивных смыслов в зависимости от трансформации смыслов социально-идеологических [Пешё, 1999, с. 225-290]. Об этом же пишет и Н. Фэркло: «Дискурс — лишь один из множества аспектов любой социальной практики. Для критического дискурс-анализа основной областью интереса является исследование изменений дискурса, которые происходят благодаря интертекстуальности – механизму, с помощью которого отдельный текст привлекает элементы и дискурсы других текстов. Комбинация элементов различных дискурсов ведёт к изменению определённого дискурса, и, следовательно, – к изменению социокультурного мира» [Fairclough, 1992, p.7-10].

Согласно М. Фуко, дискурс, являющийся основным инструментом освоения окружающей действительности, есть «совокупность анонимных исторических правил, установившие в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [Фуко, 1996а, с. 118], иначе – дискурс содержит в себе как исторические процессы, так и борьбу социальных сил, тем самым эксплицируется симбиотическая связь между властью и знанием в обществе. См. также: «Дискурс представляет собой синтез *уже-сказанного* и *никогда-не-сказанного*. Дискурс – это пространство коммуникативных практик. Дискурсивные отношения <...> характеризуют не язык, который использует дискурс, не обстоятельства, в которых

он разворачивается, а самый дискурс, понятый *как чистая практика*» [Фуко, 1996а, с. 26, 46].

Наиболее системные воззрения на категориальную природу дискурса представлены в работах Т.А. ван Дейка, который рассматривает дискурс как «коммуникативное событие» и «речевой продукт», как то, что «происходит между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном контексте» [ван Дейк, 1998]. Расширяя рамки исследования, ученый обогащает понятие дискурса: «<Дискурс> является интерфейсом между личностью и обществом, между познанием и коммуникацией, между социальными убеждениями и способами выражения и воспроизводства информации членов группы» [van Dijk, 1993, p. 36], тем самым актуализируются многоуровневые связи между дискурсом и когнитивным процессом. Близкой точки зрения придерживается и В. И. Карасик, который пишет, что «дискурс – речевая практика, т.е. интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [Карасик, 2000, с. 5].

В последующих работах Т.А. ван Дейк указывает, что «дискурс – это не только объект автономного вербального выражения, но и взаимодействие в контексте, социальная практика, способ коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте» [van Dijk, 2008, p. 3] (и здесь очевидно согласие с позицией Н. Фэркло). Разрабатывая отношения между дискурсом, обществом и познанием, ученый рассматривает его как «форму социального взаимодействия и в то же время выражение и воспроизведение социального познания» [van Dijk, 2014, p. 12], делая тем самым акцент на *междисциплинарном исследовании дискурса*.

В этой связи очевидно внимание многих исследователей (Ю. С. Степанов; Н.Д. Арутюнова; Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров) к «взаимопересечению» проблематики теории дискурса и лингвокультурологии. Так, Е. Ф. Киров отмечает,

что дискурс – это «совокупность письменных и устных текстов на том или ином языке в рамках той или иной культуры за всю историю их существования» [Киров, 2004, с. 16-24]. Методология лингвокультурологии в сочетании с дискурсивным подходом позволяет «анализировать “живой” язык в его функционировании в различных дискурсах и глубинно-семантическую структуру языковых единиц как знаков культуры» [Ольшанский, 2000, с. 25], целью чего, по В.Н. Телия, является «выявление культурно-языковой компетенции субъектов лингвокультурного сообщества и получение из них культурно-языковой информации» [Телия, 1999, с. 24]. В результате дискурс сегодня понимается как языковая единица лингвокультурологии, обладающая структурной и функциональной спецификой, как «новая черта в облике языка» [Степанов, 1995, с. 71].

Особый взгляд на дискурс представлен в семиотических исследованиях, где нередко отрицается лингвоцентризм, поэтому понятие дискурса сводится к «паутине значения». Представители семиотических школ придерживаются взгляда на язык как на *знаковую систему*, в силу чего сложные комплексные речевые структуры дискурса рассматриваются как знаковые. Важную роль в данном трактовании сыграла позиция М. Халлидея, предложенная в книге «Язык как социальная семиотика: социальная интерпретация языка и значения» [Halliday, 1978]. Социальная семиотика изучает функционирование языкового знака в обществе, в особых исторических, культурных и институциональных контекстах, во властных институтах, совмещая диахронический и синхронический подходы к изучению знака. Дискурс, являясь одной из основных категорий социосемиотического анализа, становится ключевым параметром для изучения того, как языковые ресурсы используются для конструирования представлений о мире [Гаврилова, 2016, с. 109]. Некоторые ученые полагают, что социосемиотика является одним из направлений критического дискурс-анализа [Гаврилова, 2003].

Под влиянием социальной семиотики формируется новое важнейшее направление в изучении дискурса – мультимодальные исследования. Р. Ходж и Г. Кресс, «адаптируя широкую трактовку дискурса как социально обусловленной когнитивной структуры, находящей свое материальное воплощение в текстах-

репрезентациях» [Вдовина, 2012, с. 5], считают, что дискурс – это тексты, которые вплетены наряду с другими символическими образованиями – визуальными, звуковыми, тактильными и т.д. [Кресс, 2016]. Соответственно, для анализа мультимодальных текстов применяется мультимодальный дискурс-анализ, разработанный как междисциплинарный теоретико-методологический подход. При этом социосемиологи полагают, что в организации мультимодальных текстов используются четыре разновидности семиотических ресурсов – ритм, композиция, связность информации, диалог [van Leeuwen, 2005, p. 180-267].

В этой связи В. И. Карасик предложил семиотический подход к моделированию дискурса, представляющий собой его характеристику с позиций соотношения его формы и содержания, и к определению типов содержания. По мнению ученого, «осмысление дискурса как сигнального, иконического или символического знакового образования дает возможность осветить его фатическое осуществление, тематику в связи с обстоятельствами общения и правила, лежащие в основе его организации» [Карасик, 2020, с. 97]. Данная методологическая установка позволила Т.Н. Астафуровой и А.В. Оляничу ввести и многократно апробировать лингвосемиотический исследовательский алгоритм «знак → слово → текст/дискурс». Его объяснительная сила осуществляется через следующие исследовательские процедуры: описание качества знаков окружающей человека действительности; анализ значения этих знаков; исследование собственно процесса специфического дискурсоразвертывания [Астафурова, Олянич, 2012, с. 248-249]. Именно такой вектор, с нашей точки зрения, суммирует многочисленные описания дискурса как научного концепта, объединяющего три его измерения (текст, дискурсивная практика, социальная практика) и комплекс лингвистических, культурологических и социальных явлений, в котором релевантную роль играют все аспекты.

Таким образом, как утверждает Ж.-Э. Сарфати, все известные подходы к определению дискурса можно обозначить следующим образом: (1) дискурс связан с речью, является практическим применением «языка» и представляет собой целостную и связную языковую единицу, используемую для реализации

коммуникативных намерений (что является «отражением» сосюрговской дихотомии 'язык – речь'); (2) дискурс – это использование комбинаций предложений и конкретная форма текста (диада 'текст – дискурс'); (3) дискурс как диалог есть повествовательный процесс, основанный на предпосылках говорящего и слушающего (в аспекте интеракции); (4) дискурс является продуктом процесса взаимодействия социального и культурного контекста (лингвосоциокультурный подход); (5) дискурс есть воплощение различных знаковых систем (семиотическая трактовка) [Сарфати, 2006, с. 7-10].

Вместе с тем представляется, что современная лингвистика не может ограничиться только одним из перечисленных ракурсов. Дискурс, бесспорно, есть некое «сверхфразовое» единство в его текстовом / речевом воплощении наряду с другими знаково-символическими образованиями, создаваемые социальным, культурным, психологическим и историческим контекстами. Дискурс одной своей стороной обращен к внешней прагматической ситуации, другой же – к ментальным процессам адресатов, поэтому категория дискурса «фиксирует результат взаимодействия внешней действительности, внутренне психической реальности и знаково-символической системы, дающей описание первой, преломленное через вторую» [Романов, 2007, с. 35-36]. Дискурс регламентирует социальную и культурную жизнь, включая различные социальные отношения, институты, системы ценностей, и *одновременно*, являясь и частью социального поведения, и сочетанием «нормированных» обществом вербальных и невербальных знаков, реагирует на социальные запросы и находится под их влиянием. Иначе – дискурс есть актуализация языка, сопряженная с иными знаковыми системами, интерактивный поликодовый текст, продуцируемый с прагматической целью в этносоциальном контексте с учетом конситуативных условий и в зависимости от идеологических и лингвокультурных факторов.

Такое понимание дискурса определяет и дальнейший вектор исследования: в данной работе исследуются лингвистические и экстралингвистические компоненты дискурса, диалектическая связь дискурса с социальным, этнокультурным, идеологическим и аксиологическим контекстом, что позволит не

только познакомиться с языковыми особенностями дискурсивных практик, но и увидеть национально-культурный ментальный мир и составляющие этот мир структурные элементы.

1.2 Политический дискурс: общая характеристика

Политический дискурс как вид институционального типа дискурса [Карасик, 2002], являясь неким символическим носителем политической информации и инструментом политической коммуникации, используется в политической деятельности не только для социальной коммуникации или описания и отражения объективной реальности, но и для выполнения функции конструирования или реконструирования действительности. Политический дискурс, будучи ключевым понятием в рамках взаимоотношения между языком и политикой, широко исследуется в лингвистике и других дисциплинах, таких как политология, социология, философия. В связи со сложностью политической жизни государства, которая напрямую влияет на понимание и «принятие» политического дискурса, лингвисты исследуют политический дискурс с разных точек зрения. В этой связи можно выделить три основных позиции на описание «взаимоотношений» политики и дискурса: политический дискурс как политическая практика; политическая цель и функции дискурса; политическая сфера реализации разных видов дискурса.

Некоторые западные постмодернистские мыслители (например, Х. Уайт) считают, что дискурс используется не для выражения истины, а для *деконструкции* концепции истины. По их мнению, при обсуждении общедоступных вопросов высказывания людей, которые кажутся объективными и выражающими факты, являются, скорее, описанием их собственных субъективных ощущений. Поскольку дискурс возникает из человеческого желания и воли, то в этом смысле он отражает интересы и стремления людей. Как указывает американский ученый В.А. Шмидт, «...концепция и дискурс говорящего об осуществлении власти могут усиливать или ослаблять власть, основанную на статусе» [Шмидт, 2016, с. 71].

Соответственно, ученые придерживаются мнения, что политический дискурс – это политическая практика, «в широком смысле всякое использование языка

социальными группами в конечном итоге приводит к тому, что мы называем «политикой» [Chilton, Schaffner, 1997, p. 207]; Р. Лакофф также предполагает, что «политика – это язык, а язык – это политика» [Lakoff, 1990, p. 13]. В аспекте онтологии, как пишет М. Хайдеггер, «язык есть дом бытия, в жилище которого обитает человек» [Хайдеггер, 1993, с. 192], иначе – человек воспринимает бытие посредством языка. Таким образом, политическое явление или политическая власть как форма бытия также представляют собой бытие языка.

Реализация политики неотделима от языка, поскольку язык имеет решающее значение в процессе воплощения политических устремлений в социальные действия, «фактически любое политическое действие подготавливается, сопровождается, контролируется сквозь призму языка» [Chilton, Schaffner, 1997, p. 1]. Как отмечают ученые, что между языком и политикой существует ковариантная связь, то есть язык и политика являются независимыми и одновременно зависимыми переменными элементами общественного развития. Изменение одного элемента неизбежно влечет за собой соответствующее изменение другого элемента [Сунь Юхуа /孙玉华, 2015, с. 2], поэтому Н. Фэркло утверждает, что для политического дискурса характерна «социальная сконструированность» [Fairclough, 2006, p. 33].

Главным критерием определения дискурса как политической практики является его цель и функции. С точки зрения цели и функций, «политический дискурс не только выполняет функцию описания и объяснения политических явлений, но также реализации политического поведения и построения политической власти» [Лэй Дачуань /雷大川, 2009, с. 162]. Политический дискурс исходит из социальной власти, в то же время он сам является проявлением социальной власти и служит власти. В связи с этим политический дискурс отличается от любого другого институционального дискурса: по его содержанию можно судить о способах выражения политических взглядов для завоевания власти в конкретной социокультурно-исторической ситуации.

С точки зрения коммуникативной цели дискурса, по утверждению Б. Макнейра, «любая целенаправленная коммуникация вокруг политики» может быть

названа политическим дискурсом [McNair, 1999, p. 4]. Т.Н. Астафурова и А.В. Олянич, Э.В. Будаев, Е.А. Кожемякин, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал предполагают, что политическому дискурсу присуще обретение власти, её сохранение, легитимизация и перераспределение [Астафурова, Олянич, 2008, с. 87; Будаев, 2007, с. 90; Кожемякин, 2011, с. 62; Чудинов, 2012, с. 6; Шейгал, 2000, с. 73].

Другие ученые выступают за определение политического дискурса с точки зрения включенности в интеракцию политических субъектов, политических объектов или политического поведения. Так, Т.А. ван Дейк подчеркивает институциональный характер политического дискурса, сферой которого является деятельность политиков. «Политический дискурс, в отличие от большинства прочих дискурсивных форм, имеет отношение ко всем гражданам» [ван Дейк, 2013, с. 74]. Исследование Т.А. ван Дейка по анализу политического дискурса в основном сосредоточено на речах, произносимых политическими элитами. Это соответствует определению политического дискурса, данному ученым, которое основано на трех измерениях: действующие лица, политическая сфера дискурса и контекст коммуникации [van Dijk, 1997, p. 12-14]. Следуя этому определению, в таком случае, когда политик выполняет политическое действие (например, управления, принятия законов, протеста или голосования) в институциональном контексте коммуникации (например, парламентские дебаты, публичные выступления), дискурс рассматривается политическим. Таким образом, данное определение оставляет другие формы дискурсов (например, дискурс СМИ или гражданский дискурс по политическим вопросам) за рамками анализа политического дискурса. Дж. Уилсон также определяет политический дискурс, как и Т.А. ван Дейк, ограничивая политический дискурс речевой деятельностью политиков [Wilson, 1990, p. 179]. Об этом же пишет и Д. Грабер: это «коммуникация по политическим делам между политическими чиновниками в политических целях внутри политических институтов» [Graber, 1981, p. 196].

Российские ученые существенно расширяют это понятие. Так, А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич предполагают, что политический дискурс – это «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил

публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, 1991, с. 6]. Е.И. Шейгал утверждает, что «любое речевое образование, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики», должно рассматриваться как политический дискурс [Шейгал, 2000, с. 23]. По мнению С.В. Оленева, политическое сознание воплощается не только «в ядерных явлениях публичных выступлений политических лидеров, но и в сферах, периферийных относительно реальных политических процессов и их непосредственных участников: в повседневных разговорах обычных людей о политике, в интернет-комментариях к статьям на политические и околополитические темы и т.д.» [Оленев, 2022, с. 103]. При этом ученые отмечают, что политический дискурс существует в двух измерениях: реальном и потенциальном (виртуальном). В реальном измерении политический дискурс рассматривается как «текст в конкретной ситуации политического общения», текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, связанная с реальной жизнью и реальным временем, а его потенциальное (виртуальное) измерение включает «вербальные и невербальные знаки в семиотическом пространстве, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, а также тезаурус прецедентных высказываний» [Шейгал, 2000, с. 21].

В.З. Демьянков рассматривает политический дискурс как предмет таких дисциплин, как политологическая филология и политологическая лингвистика, и отмечает, что «понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху» [Демьянков, 2002, с. 32]. Е.В. Переверзев и Е.А. Кожемякин понимают политический дискурс «как произведенную в определенных исторических и социальных рамках институционально организованную и тематически сфокусированную последовательность высказываний, рецепция которых способна поддерживать и изменять отношения доминирования и подчинения в обществе» [Переверзев, Кожемякин, 2008, с. 76].

Таким образом, можно говорить о двух трактовках категориальной сущности политического дискурса. В узком понимании политический дискурс представлен вербальной составляющей, реализуемой в конкретных речевых жанрах, относящихся к сфере политики (дебаты, политические речи и выступления, обсуждения и т.д.). Другими словами, политический дискурс в узком смысле относится к дискурсу политических элит по конкретным политическим вопросам. В широком понимании политический дискурс включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения.

Бесспорно, политическая жизнь, определяющая восприятие текста, максимально многообразна. Поэтому в содержание политического дискурса должны быть включены все присутствующие в сознании адресатов и адресантов компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи. К числу этих компонентов относятся другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, представление автора об адресате, политическая ситуация, в которой создается и «живет» данный текст.

В этой связи Сунь Юйхуа указывает, что политический дискурс имеет двойственную природу, которую можно изучать как на уровне лингвистики, так и на уровне политологии. Он различает понятие политический дискурс и политический текст: под политическим дискурсом понимается вербализация политических текстов и речевой деятельности политических коммуникативных событий, а политический текст – материализованные результаты политических дискурсов [Сунь Юйхуа /孙玉华, 2015, с. 4].

Политический дискурс справедливо рассматривается как «процесс и результат порождения и восприятия политических текстов, сопровождающих экстралингвистические факторы в контексте, влияющие на их порождение и восприятие» [Маслова, 2008, с. 44]. Контекст политического дискурса в данном исследовании включает в себя такие субъективные и объективные факторы, как реальную ситуацию во время коммуникативной деятельности, социально-

культурный фон и другие компоненты, связанные с речевыми актами. Таким образом, содержательное наполнение контекста можно описать следующим образом: (1) внутренний контекст, который включает фонетическую, семантическую и грамматическую специфику; (2) ситуационный контекст, который включает время, место, тему, методы/способы/приемы трансляции, адресата, адресанта коммуникации и потенциального получателя; (3) социальный и культурный контекст, который включает социальные нормы, политический и экономический фон, религиозные верования и культурные обычаи.

Такой же точки зрения придерживается и А.П. Чудинов, описывающий ведущие дискурсивные характеристики в политической коммуникации: по его мнению, политический текст обязательно оцениваться в дискурсе, созданным в конкретной ситуации. Здесь принципиальны три составляющие. Во-первых, в рамках политического дискурса в отношении между текстом и его создателем существует уникальное явление – «автором текста обычно считается тот, кто берет на себя ответственность за него», на основании чего различают три типа авторства текста: прямое – собственно авторские тексты, которые написаны специалистами, а озвучены или подписаны первыми лицами страны (послание президента, выступление президента и т.п.); невыраженное – тексты без формального автора (Конституция страны, устав партии или ее программа); смешанное – тексты с авторством нескольких лиц (мемуары президентов и т.п.). Во-вторых, с точки зрения адресности специфика политического дискурса заключается в том, что наиболее для политики характерен массовый, групповой адресат. В частности, «такие жанры, как ритуальные жанры (инаугурационное обращение, радиообращение), ориентационные жанры (доклады, указы, соглашения) и агональные жанры (лозунг, рекламная речь) ориентированы на массового адресата», а в результате технологического развития в настоящее время СМИ предоставляют все более широкие возможности. В-третьих, в зависимости от поставленной цели и существующей ситуации актер в политическом дискурсе «использует» разнообразный набор коммуникативных стратегий, тактик и приемами [Чудинов, 2012, с. 74-77].

Все сказанное обуславливает общие особенности политического дискурса, которые в значительной степени связаны с его специфическими функциями и дискурсивными характеристиками осуществления. Так, Тянь Хайлун обобщает три характерные черты политического дискурса: ярко выраженная целевая установка, четкие участники и разнообразные жанровые формы [Тянь Хайлун /田海龙, 2002]. С точки зрения политологической филологии В.З. Демьянков выделяет оценочность, агрессивность, полемичность и эффективность политического дискурса [Демьянков, 2002, с. 34-43]. Н.Н. Равочкин подробнее характеризует такие особенности политического дискурса, как множественная жанровая реализация, релевантность различным социальным группам, национально-культурная предопределенность, амбивалентность, прагматическая направленность, манипулятивность, экспрессивность, высокая степень автора ответственности за коммуникативные результаты и т.п. [Равочкин, 2018, с. 244-250].

Особенно важно, что большинство из отмеченных признаков имеет градуальный характер, поскольку политический дискурс, относясь к институциональному виду дискурса, характеризуется определенной шаблонностью, степень которой варьируется от более мягких к более жестким разновидностям [Карасик, 2002, с. 195]. Характер варьирования признака обусловлен жанром политического дискурса, где явно вычленяются информационные жанры (газетная информация, обращения граждан к политикам или в СМИ, правительственные заявления, выступления на партийных конференциях, теледебаты и интервью) и ритуальные жанры (инаугурационное обращение, приветственное слово, праздничное поздравление и др.).

Приняв за основу типических характеристик политического дискурса параметры, предложенные А.П. Чудиновым [Чудинов, 2012, с. 53-71] и Е.И. Шейгал [Шейгал, 2000, с. 59-94], выделим следующие характеристики политического дискурса, представленные в виде своего рода антиномий:

- *ритуальность и информативность* – в политическом дискурсе соотношение информативности и фатики/ритуальность варьируется в зависимости

от жанра; преимущественно фатически ориентированным является жанр инаугурационного выступления [Campbell, Jamieson, 1985; 1990];

- *театральность* и *стандартизированность* – массы участвуют в политике в основном созерцательно, выступая в роли наблюдателя, который воспринимает политические события как некое разыгрываемое для них действо; в то же время эти «сценарии театра» становятся частью общественной жизни;

- *преемственность* и *динамичность* – в связи с актуальностью и злободневностью референциальной области, являющейся объектом отражения в политическом дискурсе, дискурсивные политические практики изменяются по мере развития социума, одновременно демонстрируя преемственностью политического наследия;

- *дистантность* и *близость* – пространственная, коммуникативная, информационная и психологическая дистанции политического дискурса варьируется в его разных жанрах; как правило, строго ритуальные жанры (по сравнению с информационными жанрами) имеют большую пространственную и коммуникативную дистанции, но меньшее информационное расстояние;

- *эзотеричность* и *общедоступность* – вербальное пространство политического дискурса в качестве языка власти должно быть максимально «читаемым» для адресата, чтобы народ поддерживал ту или иную политическую партию, однако нередко политические термины наполнены скрытыми смыслами, подтекстом, понимание которых доступно только политикам и/или специалистам;

- *фантомность* и *реальность* – по словам Б.Ю. Норман, в политических интеракциях активно используются «лексические фантомы», включая идеологические фантомы, в которых отрыв слова от денотата обусловлен идеологической деятельностью (см.: «Фантомность денотатов порождает мифологемы в знаковом пространстве политического дискурса» [Норман, 1994, с. 53]), но главное содержание текста основано на реальном мире и тесно связано с жизнью людей;

- *стандартность* и *экспрессивность* – в политических дискурсивных практиках многократно используются как разнообразные выразительные

стилистические средства, так и шаблоны, что обеспечивает их доступность и эффективность для самого широкого круга аудитории;

- *институциональность и индивидуальность* – адресат политического дискурса может быть массовым, групповым или – реже – индивидуальным; в целом политическая коммуникация осуществляется между институтом (представителем института) и институтом (представителем института) / гражданами, поэтому адресант принимает участие в политической деятельности от имени социального института, в то же время создает индивидуальный имидж;

- *монологичность и диалогичность* – несмотря на многообразные формы политических практик (в том числе в виде выступлений-монологов), его природа обладает диалогичностью, поскольку современный политический дискурс часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими людьми;

- *толерантность и агрессивность* – политическую деятельность отличает постоянная, по словам А.П. Чудинова, диалектика неприятия (которая растет параллельно с социальным напряжением в обществе) и притяжения, терпимости к идеям и поступкам политических единомышленников и союзников;

- *смысловая неопределенность и точность* – стремление избежать контроля за своими действиями, потребность избегать конфликтности в общении, необходимость затушевывания нежелательной информации становятся причинами, заставляющими политиков стремиться к сохранению неопределенности понятийного содержания знаков, однако в случае выражения идеологических постулатов и политической позиции используются точные термины.

Все сказанное можно представить в виде следующей схемы (см. рис.1)

Рисунок 1. Типические признаки политического дискурса (градуальная реализация)

Описанные признаки современного политического дискурса напрямую связаны с его функциями. Функциональные особенности политического дискурса могут быть рассмотрены в двух аспектах: с одной стороны, с позиции реализации общеязыковых функций, с другой – в соотнесенности с «собственной интенцией» политического дискурса.

В соответствии с классификацией Р.О. Якобсона к общеязыковым функциям политического дискурса можно отнести апеллятивную, коммуникативную, эмотивную, метаязыковую и фатическую функцию, при этом подчеркнутая креативность политического дискурса доказывает факт смыкания магической и референтной функций языка [Чудинов, 2012, с. 33-34].

Особая функциональная специфика политического дискурса проявляется в его основной интенции – осуществление власти, убеждение и манипуляция [Комарова, 2012, с. 28]. Политический дискурс как инструмент политической власти выполняет важную роль в борьбе за власть, овладении властью, ее легитимизации, сохранении, осуществлении, стабилизации и перераспределении. Это позволяет выделить главные функции политического дискурса, считающиеся аспектами проявления политической инструментальной функции: социального контроля, легитимизации власти, воспроизводства власти, ориентации, социальной солидарности, социальной дифференциации, агональную и акциональную [Шейгал,

2000, с. 49-50]. В совокупности все функции способствует «завоеванию социальной власти и управлению обществом» [Чудинов, 2012, с. 81-88].

По мере изменения организационной формы государства и развития политической деятельности, основной фигурой политического дискурса в стране является, как правило, глава государства: именно он в рамках политических дискурсивных практик определяет как «языковой вкус эпохи» [Костомаров, 1999, с. 1], так и способы знаковой (в широком смысле) экспликации аксиологических констант. Соответственно, публичная речь главы государства предоставляет богатый материал для исследований в рамках политологии, социологии, аксиологии, герменевтики и др. В лингвистическом же рассмотрении в фокус попадают жанры, с которыми может выступать только руководитель страны: выступление перед высшим законодательным органом, кризисная речь, иногда – прощальная речь и, конечно, речь инаугурационная, что неслучайно.

Выступления высших руководителей страны как жанр политического дискурса отражают политические установки, интересы, ценности и ориентации, а также показывают динамику политического процесса. Принципиально, что языковая личность главы государства реализует себя как синкретическое единство институциональной и личностной составляющих: каждая дискурсивная манифестация «самости» лидера напрямую интегрируется не только в мировое политическое, но и в лингвокультурное пространство. Соответственно, изучая структурно-функциональную организацию дискурсивных практик руководителя страны, представляющего как субъектные, индивидуально-личностные особенности, так и предпочтения социальной группы или целой лингвокультурной общности, имеющей собственный этноментальный специфический код, можно опосредованно изучать конструирование картины мира в индивидуальном или коллективном сознании.

1.3 Категориальные признаки инаугурационного дискурса

Политический дискурс представителей верховной власти вырабатывает по мере изменения политической системы новые, востребованные самой

политической ситуацией речевые формы. Сегодня таковым оказывается *дискурс инаугурационный*, который актуализируется во многих странах мира, даже в отсутствии института президентства. Инаугурационный дискурс, будучи юридическим актом формального введения нового лидера страны в должность, трактуют, в первую очередь, как политическое и юридическое действие, соблюдающее юридизированные коммуникативные нормы, «отражающие идеалистические реалии, традиционные идейные ценности и национальные ментальные особенности общества в условиях перехода и легитимизации государственной власти» [Моргун, 2009, с. 192]. В лингвистике инаугурационный дискурс рассматривается как субдискурс президентского дискурса в системе общеполитического дискурса (Ефремова, 2000; Шейгал, 2000; Моргун, 2009; Гаврилова, 2013 и др.).

Инаугурационный дискурс, имеющий явный ритуальный характер, обладает жесткой структурой, строгой последовательностью коммуникативных (в широком смысле) шагов. Будучи неким кульминационным событием в политической жизни страны, оно «однозначно маркировано единичным адресантом, жестко привязано к определенному политическому событию, фиксировано во временном и пространственном плане» [Шейгал, 2002, с. 206]. Традиционность церемонии инаугурации предоставляет исследователям богатый материал: акт инаугурации в наибольшей степени отражает идеологическую позицию лидера, что позволяет гражданам страны «узнать» своего президента, а представителям других государств – ключевой вектор будущего правления. По словам К. Кэмпелла и К. Джеймисон, «инаугурационная речь – это значимая церемония передачи власти от одного лидера к другому, посредством которой перестраиваются и укрепляются отношения между гражданами и лидерами» [Campbell, Karlyn, 1985, p. 395].

Поскольку инаугурационный дискурс репрезентирует план нового правительства, включая политику в различных аспектах, таких как благосостояние, экономика, дипломатия, военные дела, культура и другие, ученые в области политологии, экономики, социологии и лингвистики проводят обширные исследования, выявляя и эксплицируя скрытые за речевыми клише смыслы. Так,

значительный ряд работ посвящен изучению инаугурационного дискурса президента США с политической, исторической и психологической точек зрения. Например, политолог Дж. Барбер обращает внимание на личность лидера, так как прежде всего идеология и психология президента отразились в его действиях и словах [Barber, 2019]. Л. Шигельман указывает, что в течение двух столетий инаугурационный дискурс все чаще использовались в качестве инструмента управления [Sigelman, 1996]. Г. Уайтхед и С. Смит использовали теорию стратегической самопрезентации для сравнения поведения современных и традиционных президентов США в рамках процедуры инаугурации [Whitehead, Smith, 1999].

Другие ученые изучают инаугурационные выступления президентов США с позиции лингвистического описания. Анализу подвергаются речи американских президентов прежде всего в риторическом (Leith, 2016; Lim, 2002; Rowland, 2019; Savoy, 2017), критическом дискурсивном (Horvath, 2009), жанроведческом и стилистическом (Campbell, Jamieson, 1985, 1990; Jordan, 2019; Vigil, George, 2013), религиозном (Сое, Domke, 2006; Frank, 2011; Goldman, 1996), прагматическом (Altikriti, 2016) аспектах. Можно утверждать, что исследования инаугурационного дискурса в западных странах в основном концентрируются на специфике риторики, прагматики, жанра в целом и т.д., для чего используются методы контент-анализа, текстологического анализа, а также прагматического анализа.

В российской лингвистике в связи с изменением государственного устройства и укреплением института президентства интерес к специфике инаугурационного дискурса актуализировался лишь XXI веке, но сегодня мы можем констатировать наличие значительного числа работ, авторами которых являются известные ученые – П.С. Акинина, М.Г. Асланова, Е.С. Беляева, М.В. Гаврилова, Д.Б. Гарифуллина, В.В. Ильичева, В.В. Кашпур, Л.Г. Ким, Е.А. Моргун, Е.В. Пильгун, А.П. Чудинов и др.

Китайская же филологическая наука основное внимание уделяет исследованию признаков черт инаугурационных выступлений американских президентов (Чжун Лицзюнь /钟丽君, 2010; Сунь И, Ли Цюань /孙毅, 李全, 2019;

Цзи Янь, Ван Шаохуа /纪燕, 汪少华, 2019; Ян Цзяцинь, Лю Дандань /杨家勤, 刘丹丹, 2021), тогда как процедура инаугурации главы КНР и языковая экспликация основных идеологем ее лидера не нашли отражения в современной китаистике. Вместе с тем в настоящее время мало кто сомневается, что инаугурационный дискурс (1) играет значительную роль в политическом взаимодействии власти и общества; (2) существенно отличается от всех других политических интеракций.

Особо отметим, что само понятие *инаугурационный дискурс* в современной лингвистике дефинируется различным образом, поскольку в русскоязычном пространстве существует три варианта именования выступления главы государства при вступлении в должность – *инаугурационная речь*, *инаугурационное обращение* и собственно *инаугурационный дискурс*, при этом семантические «акценты» оказываются неодинаковыми.

Так, *инаугурационная речь* характеризуется как «публичное словесное выступление» [Евгеньева, 1983, с. 714] – разновидность эпидейктической речи, – которое представляет собой содержательную сердцевину театрализованного политического события, своеобразный праздник государственности [Гаврилова, 2013, с. 116].

Инаугурационное обращение (происходящее от английского «*inaugural address*» по причине долгой истории традиции инаугурации в США) определяется как «просьба, призыв, речь, обращенные к кому-чему-л.» [Евгеньева, 1983, с. 563] и фокусирует внимание на (1) единичном адресанте, (2) широчайшей потенциальной аудитории, (3) жестко фиксированном хронотопе, (4) явном доминировании фактики над информативностью [Шейгал, 2002, с. 205].

Термин *инаугурационный дискурс*, совмещая базисные для дискурса в целом характеристики («связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» [ЛЭС, 1990, с. 136]; «социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний» [Чудинов, 2012, с. 40], «речь, произнесенная на специальной церемонии, предназначенной для представления нового президента» [Oxford Advanced

Learner's Dictionary, 2010, p. 783]) и специфику риторического построения текста («безопасная» риторика, (*riskless rhetoric* – букв. ‘риторика без риска’) [Joslyn, 1986, p. 316]), не только маркирует конвергентность вербальной и иных семиотических систем (см.: «Инаугурационный дискурс существует в текстах речей, но таких, за которыми встает особое знаковое пространство» [Моргун, 2009, с. 193]), но и «включает» его в общую парадигму институциональных политических дискурсивных практик.

В этой связи возникает вопрос о корреляции понятий *инаугурационный дискурс* и *инаугурация*, которая во многих словарях определяется как «торжественная церемония (от лат. *inauguro* / *inauguratio* – ‘посвящение’ / ‘посвящаю’) официального вступления в должность высшего лица государства» [НПС, с. 105; БРЭ, с. 173], где каждый атрибутивный конституент имеет особое символическое значение. Вероятно, именно принципиальная сочетанность в едином акте политического действия разнообразнейших знаковых систем приводит к частотному использованию данных единиц как синонимов / эквивалентов. Представляется, что в качестве одного из разграничивающих критериев можно выбрать признак статики / процессуальности, где первый будет характеристикой процедуры *инаугурации* (как неделимого явления), второй же - *инаугурационного дискурса* (как разворачиваемого по различным векторам события).

Такое понимание, с нашей точки зрения, предоставляет широкий аналитический инструментарий для его описания и позволяет выявить как целеполагание инаугурационного дискурса, так и его основные жанровые и функциональные признаки.

Напомним, что М.М. Бахтин дал следующее определение жанру: «Устойчивый тип высказывания, выработанный в определенной сфере использования языка» [Бахтин, 1986, с. 250]. Вслед за М.М. Бахтиным учёные определяют жанр как «устойчивый тип риторического произведения, единство особенных свойств формы и содержания, определяемое целью и условиями общения и ориентированное на реакцию адресата» [Анисимова, 2000, с. 34].

Инаугурационный дискурс занимает уникальное место в жанровом пространстве современного политического дискурса и, будучи специфическим коммуникативным событием, обладает «особой коммуникативной формой, целью, структурой, стилем, содержанием и аудиторией» [Swales, 1990, p. 58]. По аристотелевской традиционной риторической классификации инаугурационная речь относится к эпидейктическому виду [Campbell, Jamieson, 1985, p. 396]. В этой связи некоторые исследователи предполагают, что «эпидейктический инаугурационный дискурс сближается с гомилетикой», цели которого свойственна направленность к сочувствующей аудитории [Спиридовский, 2011, с. 119].

Как коммуникативное событие инаугурационный дискурс включает в себя ряд элементов: адресант, адресат, хронотоп, цель и ситуация коммуникации. Опираясь на таксономию А.П. Чудинова, описывающую данные коммуникативные факторы применительно к политическому дискурсу в целом [Чудинов, 2012, с. 36-59], выделим особенности инаугурационных дискурсивных практик:

- по характеристике коммуникативного субъекта, т.е. адресанта, инаугурационный дискурс осуществляется высшим лидером государства, соответственно, он оказывается речеидеологическим образцом политического взаимодействия внутри страны;
- коммуникативным адресатом инаугурационного дискурса являются многонациональные и мультикультурные аудитории, группирующиеся независимо от профессии, возраста, места проживания и др. их членов и не общающиеся с адресантом непосредственно;
- по способу предъявления инаугурационная речь – это устное выступление перед широкой публикой, транслируемое посредством телевидения, которое может передавать звук и изображение в прямом эфире, чтобы адресат воспринимал речь главы государства во время её произнесения;
- с точки зрения формы коммуникации инаугурационный дискурс представляет собой монологический жанр, но по существу его коммуникативные факторы включают в себя не только говорящего, но и слушающего, находящегося в скрытом состоянии;

- по иерархии коммуникативных функций в инаугурационной речи преобладают как ритуальные, так и информативные признаки, поэтому она представляет собой ритуальный жанр с информативными признаками;

- с точки зрения информативности и длины инаугурационный дискурс принадлежит к среднему жанру (по причине небольшой информативности).

В аспекте функциональной специфики, как нам представляется, необходимо выделить следующие функции – кумулятивную, фатическую, социокультурную интеграционную, апеллятивную и презентационную¹.

1) кумулятивная функция. По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, кумулятивная функция языка обусловлена его способностью отражать, фиксировать и сохранять информацию о постигнутой человеком действительности, об историческом развитии и национальной культуре, передавая ее из поколения в поколение [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 10]. Кумулятивная функция в полной мере отражена в инаугурационном дискурсе, так как инаугурационный дискурс дает четкое представление не только об историческом развитии страны, ее доминирующих ценностях и национальной культурной идентичности граждан, но и о многих важных событиях и изменениях, происходящих в настоящее время в политической, экономической, культурной, научно-технической сферах, а также об общей ситуации в мире. Можно сказать, что инаугурационный дискурс, являясь микрокосмом истории и культуры, фиксирует, суммирует и обобщает исторические события страны, формируя четкое и панорамное представление о развитии общественно-политической обстановки в стране и трансформации ее идеологии. С одной стороны, инаугурационный дискурс есть общественное явление, выступающее «хранителем информации о мире, характерной для всего коллектива говорящих, для всей этнолингвистической, культурно-языковой общности» [Верещагин, Костомаров, 1980, с. 7]. С другой стороны, будучи

¹ Здесь мы развиваем идеи Е.И. Шейгал, которая выделяет четыре основные функции инаугурационной речи: интегративная функция заключается в утверждении единства нации; инспиративная функция способствует воодушевлению нации и прославлению традиционных ценностей; декларативная функция направлена на провозглашение новых принципов своего правления; перформативная функция воплощается в демонстрации символической роли лидера нации [Шейгал, 2002, с. 205-214].

речевым действием государственного лидера, он является хранителем особого уникального жизненного опыта.

2) фатическая функция заключается в установлении, поддержании, укреплении связи между адресантами и адресатами [Якобсон, 1985]. К наиболее типичными фатическим маркерам относятся строгие стандартизированные, ритуализированные формулы, такие как приветствие, прощание, благодарность и др. Кроме этих отдельных маркеров, сама композиция акта инаугурации обеспечивает доминирование фатики над информативностью (что не снижает значимости тематической линии инаугурационного выступления). Фатическая функция одновременно сокращает (в определенной мере) социальную дистанцию, принципиальную для данного вида дискурсивной практики;

3) социокультурная интеграционная функция. Согласно энциклопедическим данным, «интеграция» определяется как «степень, в которой индивидуум испытывает чувство принадлежности к социальной группе или коллективу на основании разделяемых норм, ценностей, убеждений» [Большой социологический словарь, 1999, с. 544], а одним из главным фактором социальной интеграции является политическое действие. Высшие руководители стран обращаются к гражданам страны с целью того, чтобы получить максимальное одобрение и поддержку народа, укрепить национальное единство, достичь внутренней координации целей, интересов, конвенциональных ценностей различных акторов, повысить «способность социальной системы или ее частей к сопротивлению разрушительным факторам, к самосохранению перед лицом внутренних и внешних затруднений и противоречий» [Маслова, 2009, с. 28]. Более того, процедура введения в пост главы страны рассматривается как праздничный обоюдный договор, «утверждении единство нации в знаменательный момент истории» [Шейгал, 2002, с. 206], поэтому «народ считается подобным правомочным участником инаугурации, равно как также первое лицо» [Шейгал, 2002, с. 206]. Соответственно, «единство общественного сознания» состоит не в сходстве, а «в организации, взаимовлиянии и причинной связи его частей» [Меринова, 2007, с. 14]. Социокультурная интегративная функция способствует единству в рамках

общественно-политической конструкции, объединяет усилия членов социума с целью совершения общественных важных целей;

4) апеллятивная функция, будучи типичной функцией политического дискурса, состоит в том, чтобы «оказать воздействие на адресата и вдохновить их на политические действия и принятия участие на политической деятельности» [Чудинов, 2012, с. 40], задать направление его поведения и создать благоприятные условия для поведения адресанта. Апеллятивная функция инаугурационной речи перед народом выражается в мотивации людей с помощью «вдохновляющих», стилистически маркированных лексических единиц, чтобы они могли выполнять требуемое и ожидаемое поведение адресанта для достижения цели сохранения политической власти. Новоизбранные национальные лидеры, признавая достижения страны в ходе истории, восхваляя силу народа и описывая ее успешное будущее развитие, призывают к пробуждению политического энтузиазма народа и участие в строительстве страны.

5) презентационная функция состоит в создании имиджа, привлекательного для общества, института и его агентов, а также в закреплении в сознании адресатов положительных характеристик адресантов [Бейлинсон, 2009, с. 143-145]. Презентационная функции в определенной мере соотносится с понятием драматургического действия, предложенном Ю. Хабермасом, который отмечает, что агент выступает «стилизатором» своего поведения, организуемого в виде роли, разыгрываемой перед участниками действия [Habermas, 1984, p. 86]. Одновременно данная функция инаугурационного дискурса конкретизируется в создании и углублении символической роли «первого лица» государства, «демонстрирующего свою готовность и способность выступить в качестве лидера страны и понимание ответственности и признание ограничений, накладываемых на исполнительную власть» [Campbell, Jamieson, 1985, p. 395]. Поскольку «глава государства – это представитель многого числа людей, который носит много «шляп» одновременно или играет много ролей, в том числе главного законодателя, главного администратора, партийного лидера и т. д., неразрывно слившихся в личности главы страны» [Shapiro, 2000, p. 265], его речь, отражающая философию

управления, детали его образа (и даже подробности личной жизни) получают широкое внимание во всем мире и воздействуют на общественно-политической обстановку¹.

Таким образом, предназначение инаугурационного дискурса новоизбранного лидера страны заключается в репрезентации имиджа патриотически настроенного лидера, благодарного своему электорату, завоевании и удержании высшей политической власти, обеспечении общественной поддержки в решении внешних и внутренних государственных задач. Данное целеполагание и функциональная нагруженность инаугурационного дискурса позволяет выявить и описать основные характерологические признаки, наиболее важными из которых следует считать: (1) ритуальность; (2) театральность; (3) институциональность / индивидуальность; (4) общедоступность; (5) диалогичность; (6) оценочность; (7) идеологичность; (8) законность; (9) «вневременность»².

(1) Ритуальность / стандартность. Инаугурационный дискурс в своей статической реализации опирается на канонический сценарий, проходит в определенном общеизвестном времени и фиксированном месте, символизирующем высшую власть государства посредством демонстрации государственного флага и герба. Кроме этого, подготовленный письменный текст обладает строгой структурой, проявляющейся в фиксированности формы, общей «знаемости» содержания и последовательного соблюдения движений и шагов. Первое движение – конструирование идентичности высшего руководителя страны, включающем два шага: во-первых, признание за собой ответственности главы государства, во-вторых, выражение благодарности предшественнику; второе движение – обозрение внутренней и международной политической ситуации; третье движение – обозначение очередных задач и будущей политики нового правительства; четвёртое движение – «вспоминание» о традиционных ценностях нации; пятое движение – призыв к нации, манифестирующий необходимость совместных усилий для реализации политических амбиций нового правительства.

¹ Так, физическое состояние лидера может влиять на курс валюты на международном рынке.

² От англ. *timelessness; time out of time* – некая «особая разновидность настоящего» [Campbell, Jamieson, 1985, с. 396].

(2) Театральность, которая тесно связана с инаугурационным дискурсом в аспекте лингвосемотики и характеризуется такими параметрами, как сценарность, символичность, презентационная эмоциогенность. Очевидная театральность процедуры инаугурации может рассматриваться как особый вид политической коммуникации – символической политики, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов (см.: «Символическая политика является не просто действием с применением символов, а действием, само выступающее как символ» [Поцелуев, 1999, с. 62]). Политическая театральность как лингвосемиотическая категория напрямую обеспечивает символический характер власти, поэтому в инаугурационном процессе широко представлены как невербальные компоненты – собственно символы власти (хроносемиотические, топосемиотические, звукосемиотические компоненты) или репрезентации-дескрипции (церемонии, в которые встроены торжественные манипуляции с флагом; обязательное оформление топоса инаугурации цветами национального флага; протокольные регламентаций для участников), так и вербальные компоненты – в первую очередь, прецедентные. Значимость их объясняется тем фактом, что «театральный компонент политической коммуникации проявляется в том, что базовые ценности обретают статус символов и внедряются политическими акторами в общение с социумом» [Олянич, Распаев, 2015, с. 79].

(3) Институциональность / индивидуальность. Для нас важна классификация дискурса, предложенная В.И. Карасиком, который выделяет персональный и институциональный типы дискурса, поэтому полагаем, что инаугурационный дискурс сочетает в себе характеристики обеих разновидностей. Адресант инаугурационного дискурса как профессиональный политик и самостоятельный субъект политического пространства выражает личные взгляды на философию управления страной, проявляет индивидуальность как в использовании языковых средств, так и в стилистической организации речи. В то же время адресант в качестве руководителя страны «предопределяет соблюдение установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм» [Чудинов, 2012, с. 54].

Иначе – первое лицо государства должен не только установить авторитет лидера, но и продемонстрировать личную харизму, что придаст инаугурационному дискурсу институциональные и личностные характеристики.

(4) **Общедоступность.** Инаугурационный дискурс является первым официальным контактом между лидером и жителями страны после вступления в должность, где адресант обращается к адресантам разных возрастов, убеждений, уровня знаний и жизненного опыта. В связи с разноплановой аудиторией адресат объясняет сложные политические концепции преимущественно посредством повседневной лексики и простых предложений в разговорном стиле (с целью общедоступности смысла и широкого распространения идей).

(5) **Диалогичность.** По мнению М.М. Бахтина, «слово к смыслу всегда диалогично» [Бахтин, 1986, с. 317]. В данном ракурсе это особенно значимо, поскольку монологическая форма инаугурационного обращения может рассматриваться как «непрямой разговор между лидером страны и аудиторией в социально значимом контексте» [Сескутова, Устьянцева, 2022, с. 101]. Соответственно, для незатруднительного «внедрения» новой политики и ее поддержки лидер ведёт равноправный диалог с аудиторией – со всеми слоями общества – с целью сокращения социальной дистанции между выступающим и слушателями, а также повышения эффективности реализации убеждения.

(6) **Оценочность.** Под оценочностью понимается «свойство речевой единицы, ее потенциал, способность эксплицировать положительные или отрицательные свойства объекта, его место на оценочной шкале и в аксиологическом пространстве» [Марьянчик, 2011, с. 101]. В инаугурационном дискурсе активно используются мелиоративные и пейоративные языковые средства, демонстрирующие положительное или отрицательное отношение адресанта к иным субъектам политической деятельности, политических институтов, ситуаций и действий, тем самым формируется общественное мнение о внутренних и международных политических процессах.

(7) **Идеологичность.** Инаугурационный дискурс подразумевает под собой наличие социальных представлений, групповых интересов, принципов, системы

ценностей, предпочтений, то есть именно идеологии, направленной на осуществление определенной цели политики как регулятора деятельности группы людей. Функционирование политической идеологии протекает в трех аспектах: теоретико-концептуальный, программно-политический, актуализированный [Стегний, 2011, с. 105], при этом два последних составляют суть аксиологических доминант акта инаугурации, а степень влияния идеологии на практическую деятельность людей, предполагающего восприятие и реализацию гражданами конкретных идей и принципов, считается высокой.

(8) Законность. Проведение инаугурационных мероприятий имеет правовую основу, однако степень строгости и детализации правовых норм в разных странах различна. В некоторых западных странах, таких как США и Великобритания, законодательство о церемонии инаугурации отличается строгостью. Применительно к официальной церемонии инаугурации президента РФ законодательная регламентация не имеет жестких рамок и регулируется рядом нормативных правовых актов: Конституцией РФ (статья 82), Федеральным законом «О выборах президента РФ» (статья 82) и Президентским Указом о наличии символов, необходимых для проведения церемонии вступления в должность. Согласно Статье 82 Конституции РФ при вступлении в должность президент РФ приносит присягу в торжественной обстановке в присутствии членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и судей Конституционного суда, т.е. в РФ регламентируются участники, контекстуальные компоненты и содержательное ядро – акт принятия присяги. Всекитайское собрание народных представителей как высший законодательный орган КНР регламентирует программу сессии ВСНП, где избрание председателя и выступление новоизбранного председателя представляют обязательные и важные части программы; церемония же произнесения присяги вступающего в должность председателя КНР актуализирована только с 2018 года. В этой связи считаем, что произнесение присяги может рассматриваться как современная юридизированная коммуникативная норма проведения инаугурации в РФ и КНР.

(9) Вневременность. Инаугурационный дискурс – это правовой акт, который выходит за рамки любого конкретного момента и воплощает стабильные отношения между правителем и народом. Вневременность инаугурационной речи утверждает и обеспечивает преемственность конституционной системы и стабильность президентства как института. Данный признак, несмотря на явный «диссонанс» с конкретными хронотопическими параметрами дискурсивной практики, обуславливает и принадлежность инаугурационного обращения к эпидейктическим речам (требующим тщательности не только лексическо-синтаксического и стилистического, но и фонетико-фонологического «обрамления»), и особый статус инаугурационного дискурса в иерархии видов политического дискурса.

Таким образом, инаугурационный дискурс представляет собой сложный знаковый конструкт, особенности которого напрямую связаны с его прагматико-функциональной организацией (см. рис.2).

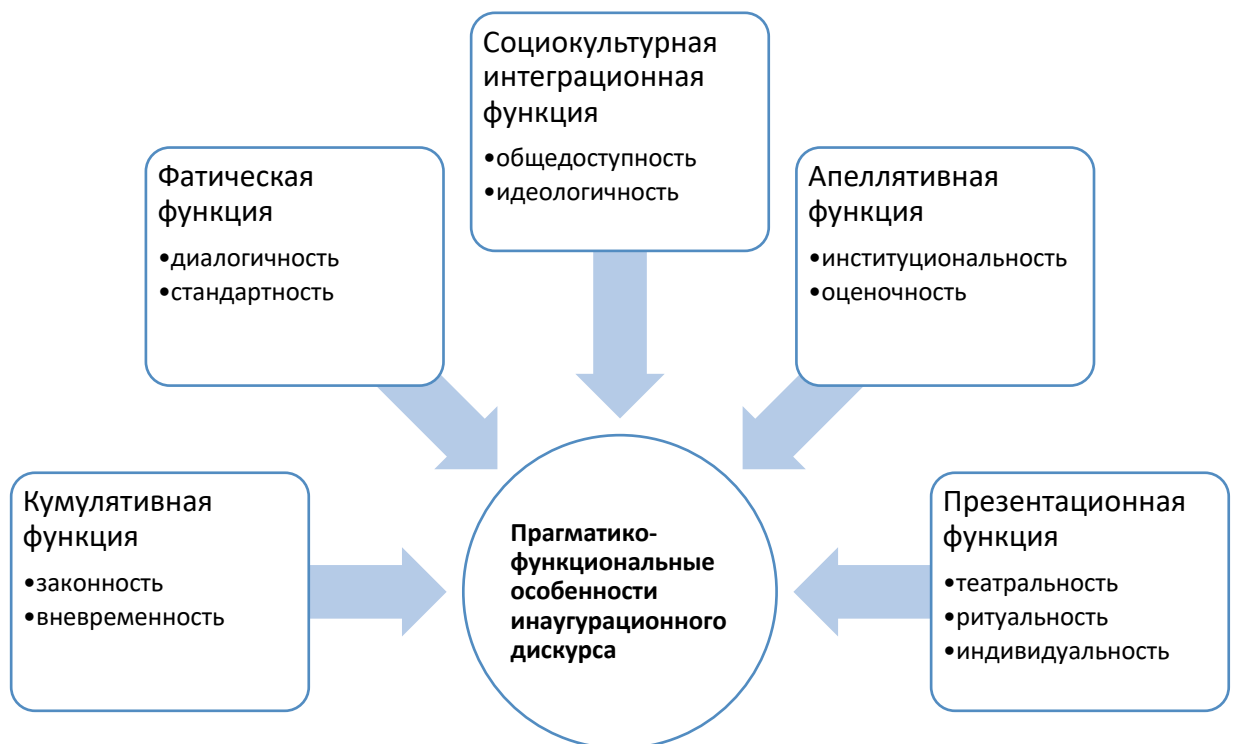

Рисунок 2. Прагматико-функциональная характеристика инаугурационного дискурса

Описанная синергетическая устроенность инаугурационного дискурса и – особенно – его цель предполагают уточнение и систематизацию параметров,

обеспечивающих сохранение канона процедуры инаугурации в современном лингвокультурном пространстве.

Как известно, познание мира и организация человеческого общества осуществляется с помощью хранения и передачи информации в некоторой системе коммуникаций, соответственно, вся воспринимаемая информация имеет знаковое или аналоговое выражение, то есть требует непременно условия – знака, которая стало фундаментальным понятием семиотики. Семиотическая система в целом имеют непосредственное отношение к реальному миру в качестве первичного способа закрепления человеком объективного мира. Как писал Ю.М. Лотман, «знаки заменяют сущности, явления и вещи и позволяют людям обмениваться информацией. Знаки с особенной активностью аккумулируют социальный опыт: ордена и звания, гербы и ритуалы, деньги и обряды – все это знаки, отражающие разные принципы организации человеческого коллектива, они используются и системами, накапливающими духовный опыт людей» [Лотман, 2000, с. 9]. Поскольку в обществе одновременно сосуществуют множество знаковых систем, исследование знаков, должно быть не только направлено на чисто семиотические системы – язык, но и принимать во внимание прикладные семиотические структуры, такие как, например, архитектура, одежда и др. [Якобсон, 1985, с. 325].

Согласно одному из определений знака, он есть «материально-идеальное образование, представляющее собой единство определенного мыслительного содержания (означаемого) и чувственно воспринимаемой формы (означающего), социальная сущность, служащая посредником между членами одного коллектива и понимаемая только на базе всей системы значимостей, обязательной для всей языковой общности» [ЛЭС, 1990, с. 168]. В связи с интенциональностью знаков, Ч. Пирс на основе отношений между знаком и объектом выделил три типа знаков: иконические знаки, формируемые на основе подобия означающего и означаемого; индексальные знаки, создаваемые отношением смежности означаемого и означающего; символические знаки, порождаемые установлением связи означающего и означаемого по условному соглашению [Пирс, 2000, с. 200-204].

Знак большинство исследователей определяют как родовое понятие, единство означающего и означаемого, тогда как символ – особая разновидность знака, который одновременно устанавливает связь означающего и означаемого по условному соглашению: «символ отличается от конвенционального знака наличием иконического элемента, определенным подобием между планами выражения и содержания» [Лотман, 1996, с. 160], символ всегда социально значим и эмоционально окрашен. «Когда человек воспринимает символ, он вживается в него, позволяя создателю апеллировать к внутреннему миру, эмоциям и чувствам реципиента. Потребители символов начинают переживать предзаданные эмоции, что приводит к определенным социальным действиям» [Бабайцев, 2010, с. 994]. Именно поэтому в настоящем исследовании большое внимание обращено на символические знаки, связанные с референтом посредством конвенций, принятых лингвокультурным сообществом, которые включают естественные языки и искусственные знаковые системы.

Дискурс, представляя собой совокупность вербальных и невербальных знаков, «ассоциируется с определенным образом организованной последовательностью знаков любой природы – звуков, жестов, цветов, артефактов, изображений и т.д., образующих смысловое целое» [Топоров, 1983, с. 234]. См. также: «Лингвосемиотическое пространство заполнено элементами, которые находятся в самых различных отношениях друг с другом, таким образом, семиотическое пространство предстает перед нами как многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт, со сложными внутренними отношениями, разной степенью переводимости и пространствами непереводимости» [Лотман, 2000, с. 30].

Одним из основных параметров структурирования семиотического пространства политического дискурса, является оппозиция в плане выражения, в связи с чем Е.И. Шейгал предлагает разграничивать вербальные, невербальные и смешанные знаки [Шейгал, 2000, с.132-141]. К вербальным знакам относятся слова и словосочетания, прецедентные высказывания и тексты; к невербальным знакам относятся флаги, гербы, эмблемы, портреты, бюсты, здания, символические

действия и знаковые или символические личности – сами политики; к смешанным знакам относятся гимн, герб или родовой знак. Н.Б. Мечковская классифицирует знаковые системы и знаки в соответствии с типом сенсорной модальности: визуальные, включая паралингвистические жесты; дистанция и положение относительно собеседника (проксемика), мимика и т.п.; аудиальные (слуховые, звуковые); обонятельные; тактильные (кинестетические); вкусовые [Мечковская, 2004]. А.А. Романов предлагает разделение знаков политического дискурса по функциям, исходя из характера (конфликт или консенсус) политической системы: интегрирующие знаки, агональные знаки и знаки ориентации.

Отметим, что данные и любые другие классификации основаны на процессе семиозиса, который понимается как знакообразование и интерпретация знаков. Неслучайно Ч. Пирс отмечает, что знак функционирует как знак только благодаря интерпретанте. В более широком смысле семиозис также рассматривается как «процессы хранения, поиска, переработки, преобразования, распространения информации, знаковое представление информации и использование знаков во всех сферах природной и социальной жизни» [Мечковская, 2004, с. 14; Шелестюк, 2006, с. 6]. В аспекте порождения символической формы знаков это оказывается еще важнее: Е.Ф. Тарасов утверждает, что «знаковая оболочка (культурный предмет), по сути, является превращенной формой фрагмента сознания ее производителей. За этой формой закреплено принятое в культуре значение. Поэтому знаковая оболочка (культурный предмет) становится знаком только в общении, где присутствуют интерпретаторы-носители значений» [Тарасов, 2000, с. 26]. Соответственно, семиотическое пространство инаугурационного дискурса представляет собой систему знаков и символов, интерпретированных лингвокультурным сообществом.

Семиозис инаугурационного дискурса можно рассматривать как процесс знаковой коммуникации, включающий определенный набор компонентов: адресант (глава государства) передает адресату (массовый получатель – граждане страны и других государств) сообщение (инаугурационное выступление) по определенному медиаканалу (официальное телевидение) с использованием кодов,

известных адресатам (национальный язык и невербальные знаки) в знаковой ситуации (церемония инаугурации), общей и для адресата, и для адресанта. Представляется, что схематично данный процесс можно представить следующим образом (см. рис.3):

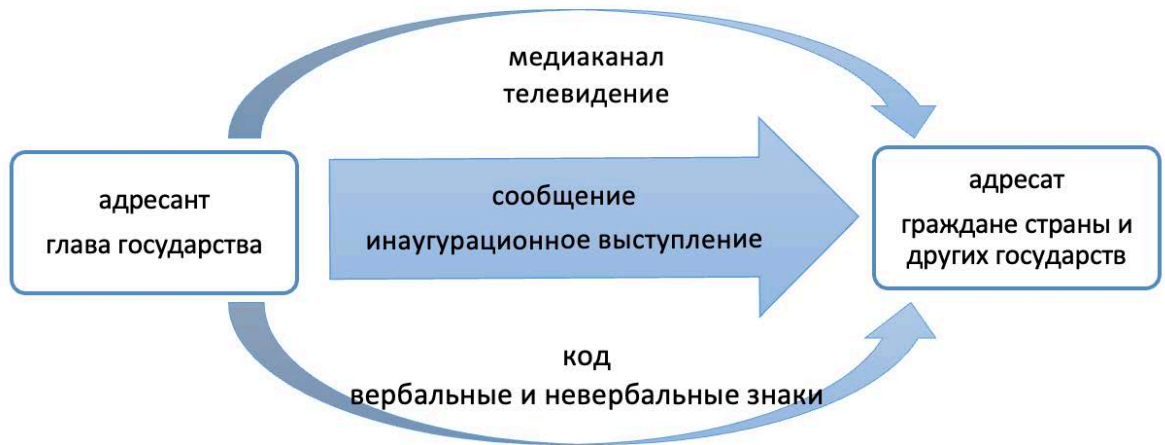

Рисунок 3. Семиозис инаугурационного дискурса

В данном контексте важно, что суть политической борьбы состоит в «борьбе за присвоение языковых знаков, за право определять их содержание» [Green, 1987, р. 2]. По мнению Ф. де Соссюра, значение знака создается в процессе его использования, при этом «производство знака всегда мотивировано интересами его изготовителя, обусловлено доступом к семиотическим ресурсам и их способностью реализовать заложенные в них значения. Таким образом, связь означающего и означаемого является не произвольной, но мотивированной» [Гаврилова, 2018, с. 407]. Именно формирование знаковой системы, общепринятой в пространстве инаугурационного дискурса, делает возможным коммуникативное взаимодействие адресанта и адресатов, и данная система, управляемая представителем высшей власти, становится инструментом преобразования, трансформации самой политической реальности.

С целью эффективной реализации передачи информации в инаугурационных дискурсивных практиках используемые знаки и символы не только известны адресатам, но и типичны в этнокультуре. В таком случае культура может рассматриваться как класс предметов и явлений, «зависящих от способности человека к символизации в экстрасоматическом контексте» [Уайт, 1997, с. 26].

Соответственно, инициация сознания масс-адресата идет путем единого когнитивного процесса восприятия, оценки и понимания знаков, когнитивные предпосылки создания и понимания культуры для человека заключаются в ее знаково-символическом контексте, а интенсивно используемые знаковые системы, выступающие *языками культуры*, передают значения символических действий в инаугурационных дискурсивных практиках.

Резюмируя изложенное, считаем возможным предложить следующее определение: *инаугурационный дискурс* представляет собой особый тип институционально-персонального взаимодействия, который *формально* организуется и реализуется в процедуре вступления в должность главы государства в знаково-символическом социокультурном пространстве и фиксирует переход и легитимизацию государственной власти, *содержательно* же – обеспечивает порождение и восприятие смыслов, манифестирующих конвенционально неизменную систему ценностей, ориентированную на поддержание стабильности определенного лингвокультурного универсума, и тем самым определяет вектор развития коллективного и индивидуального сознания представителей гражданского общества.

Выводы по главе 1

1. Многоаспектность и мультидисциплинарность понятия *дискурс* обуславливает большое разнообразие его дефиниций, предлагаемых учеными с позиций антропологической / когнитивной / социальной / прагматической / аксиологической лингвистики, лингвокультурологии, семиотики и социологии и др. Суммируя разные точки зрения, можно утверждать, что *дискурс* понимается как научный концепт, объединяющий три его измерения (текст, дискурсивная практика, социальная практика) и комплекс лингвистических, культурологических и социальных явлений, в котором релевантную роль играют все аспекты: дискурс представляет собой некое «сверхфразовое» единство в его текстовом / речевом воплощении наряду с другими знаково-символическими образованиями,

создаваемые социальным, культурным, психологическим и историческим контекстами.

2. Особый взгляд на дискурс представлен в семиотических исследованиях, где ученые придерживаются взгляда на язык строго как на *знаковую систему*, в силу чего сложные комплексные речевые структуры дискурса рассматриваются как знаковые, а сам феномен дискурса сводится к «паутине значения». Соответственно, дискурс, обращенный одной своей стороной к внешней прагматической ситуации, другой же – к когнитивным процессам адресатов, становится ключевым параметром для изучения того, как языковые ресурсы используются для формирования и закрепления представлений о мире. Дискурс регламентирует социальную и культурную жизнь, включая различные социальные отношения, институты, системы ценностей, и одновременно (являясь и совокупностью «нормированных» обществом вербальных и невербальных знаков, и частью социального поведения) реагирует на социальные запросы и находится под их влиянием.

3. Политический дискурс является символическим носителем политической информации и в то же время инструментом политической деятельности, поскольку его структурные компоненты выполняют функции не только описания и отражения социальной реальности, но и конструирования или реконструирования действительности. В узком понимании политический дискурс представлен вербальной составляющей, реализуемой в конкретных речевых жанрах, относящихся к сфере политики; в широком понимании политический дискурс объединяет все виды социального взаимодействия, в которых к сфере политики относится одна из составляющих – субъект, адресат либо содержание сообщения. Политический дискурс реализуется в особенном контексте, касающемся как культурно-исторического процесса, так и борьбы социальных сил; содержательное наполнение контекста можно описать с точки зрения внутреннего, ситуационного и социального. В этой связи политический дискурс обладает следующими характеристиками, представленными в виде определенных антиномий: *ритуальность и информативность; театральность и стандартизированность;*

преемственность и динамичность; дистантность и близость; эзотеричность и общедоступность; фантомность и реальность; стандартность и экспрессивность; институциональность и индивидуальность; монологичность и диалогичность; толерантность и агрессивность; смысловая неопределенность и точность, при этом характер варьирования отмеченных признаков обусловлен спецификой организации конкретного (информационного / ритуального) жанра политического дискурса.

4. Инаугурационный дискурс, занимая особое место в генристическом пространстве политического дискурса и являясь юридическим актом закрепления статуса избранного президента, в такой же степени оказывается и политическим, и коммуникативным событием. Языковая личность главы государства реализует себя как синкретическое единство институциональной и личностной составляющих: каждая дискурсивная манифестация «самости» лидера напрямую интегрируется не только в мировое политическое, но и в лингвокультурное пространство. В данном ракурсе инаугурационный дискурс представляет собой особый тип институционально-персонального взаимодействия, который *формально* организуется и реализуется в процедуре вступления в должность главы государства в знаково-символическом социокультурном пространстве и фиксирует переход и легитимизацию государственной власти, *содержательно* же – обеспечивает порождение и восприятие смыслов, манифестирующих конвенционально неизменную систему ценностей, ориентированную на поддержание стабильности определенного лингвокультурного универсума, и тем самым определяет вектор развития коллективного и индивидуального сознания представителей гражданского общества.

5. Семиозис инаугурационного дискурса можно рассматривать как *процесс знаковой коммуникации*, включающий «трафаретный набор» конститuentов (*адресант* (глава государства) передает *адресату* (массовый получатель – граждане страны и других государств) *сообщение* (инаугурационное выступление) по *определенному каналу* (официальное телевидение) с использованием *кодов*, известных адресатам (национальный язык и невербальные знаки) в *знаковой*

ситуации (церемония инаугурации), общей и для адресата, и для адресанта) и демонстрирующий совокупность таких характерологических признаков, как *ритуальность / стандартность, идеологичность, общедоступность, институциональность / индивидуальность, диалогичность, театральность, оценочность, законность и вневременность*, вытекающих из его главных прагматических функций – *кумулятивной, фатической, социокультурной интеграционной, апеллятивной и презентационной*. Именно формирование знаковой системы, общепринятой в пространстве инаугурационного дискурса, делает возможным коммуникативное взаимодействие адресанта и адресатов, и данная система, управляемая представителем высшей власти, становится инструментом преобразования самой политической реальности.

6. Инаугурационный дискурс, будучи кульминационным событием в политической жизни страны, можно рассматривать как некий микрокосмос национальной истории и культуры, где «очевидно» эксплицируются разнообразные ментефакты (от этностереотипов и прецедентных феноменов до национальных концептов и эталонов культуры), маркирующие традиции, интересы, ценности и ориентации социума, а также динамику политической философии государства. Соответственно, структурно-функциональная организация инаугурационных дискурсивных практик, объективирующая не только субъектные особенности лидера, но и «предпочтения» властной социальной группы или целой лингвокультурной общности, наглядно демонстрирует как идеологемы гражданского общества, так и этноментальные особенности нации.

Глава 2. СЕМИОТИКО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНАУГУРАЦИОННОГО ДИСКУРСА РФ И КНР

Как было описано в главе 1, инаугурационный дискурс организуется и реализуется в особом политическом ритуале, где знаково-символическое наполнение имеет не только принципиальное значение, но и этнокультурную маркированность. Ритуал инаугурации, стереотипный культурно-исторический контекст которого выступает объединяющим началом мифа, знака и символа [Привалова, 2016, с. 249], выполняет роль мощного орудия в конструировании политической реальности и создании ценностных векторов развития общества.

2.1 Конститутивные параметры инаугурационного дискурса РФ и КНР

Инаугурационный дискурс, будучи *ритуальным политико-правовым событием* в национальном социокультурном пространстве, обладает относительно фиксированными конститутивными параметрами, влияющими на экспликацию вербальных и невербальных компонентов.

В общем описании ритуальный дискурс представляет собой «стереотипное символически нагруженное общение, ориентированное на закрепление идентичности индивидуума как члена социума либо создание новой идентичности индивидуума» [Извекова, 2006, с. 2]. Нет сомнений о том, что ритуалы можно увидеть повсюду в жизни человека, «ритуалы создают реальный мир, и без этих ритуалов этот реальный мир невообразим» [Douglas, 2003, p. 62]. По мнению В.Тернера, ритуал представляет собой некую последовательность действий, которые «охватывают жесты, слова и объекты, исполняются на специально подготовленном месте и предназначаются для воздействия на сверхъестественные силы или существа в интересах и целях исполнителей» [Тернер, 1983, с. 32]. Д.Кертцер характеризует ритуал как «символическое поведение, характеризующееся социальной стандартизованностью, повторяемостью и формальностью» [Kertzer, 1988, с. 9]. В.И. Карасик полагает, что «ритуал – это динамичное коммуникативное образование, он возникает на базе определенного социально значимого действия, которое подвергается символическому

переосмыслению (ритуализации)» [Карасик, 2002, с. 25]. Итак, ритуал как символическая деятельность, детерминированная социальными законами и управляемая определенными правилами, представляет собой неотъемлемую часть повседневной жизни.

В отличие от повседневного ритуала, воплощающего «смысл жизни», политический ритуал, символизирующий высшую авторитетность, используется как инструмент для демонстрации власти, а также для ее укрепления. Политические ритуалы, воплощенные в государственных и официальных церемониях, направлены на приобщение индивида к сообществу и коллективным ценностям [Левада, 2010]. Иначе – политический ритуал есть *способ создания* социальных ценностей посредством символических выражений, обеспечивающих стабильное поведение членов общества (и даже их психологическую инертность), а политический ритуал как форма культурной практики не столько закрепляет некие культурные образцы, сколько конструирует властную структуру [Bell, 1997]. Именно поэтому политические системы не могут обходиться без ритуализированных действий, а политики посредством ритуала «создают» реальный политический мир, обеспечивающий нужное им понимание социумом мира окружающего [Kertzer, 1988, p. 3].

Конфуцианские ученые также подчеркивают важность ритуалов для повышения эффективности правления и утверждают, что поведение людей является результатом не «взвешивания» плюсов и минусов, а включенности во властные ритуалы. Прямой приказ правителя вызовет (в определенной степени) сопротивление управляемых, а ритуал как сложное вербальное и невербальное поведение может нивелировать чувство враждебности, потому что влияние ритуала распространяется как на социальную обстановку, так и на психологические состояния.

Политический ритуал играет важную роль в процедуре изменения власти, поскольку в целях наделения «правителя» властью над другими, «требуются эффективные средства, меняющие то, каким образом его воспринимают» [Kertzer, 1988, p. 24]: обладание властью, будучи абстрактной категорией, становится

видимым благодаря ритуалу. Представляется, что именно поэтому сегодня широко распространилась формальная процедура введения в должность главы государства¹ – церемония инаугурации, которая демонстрирует процесс наделения индивидов властными ролями, предполагает символическое возвышение статуса персоны и легитимизирует акт распределение власти. Ритуальная форма позволяет широкой публике не только рационально, но и – что важнее – эмоционально принять новую власть и тем самым успешно закрепить авторитет лидера как во «внутреннем», так и в международном сообществе.

Таким образом, политический ритуал, с одной стороны, обеспечивает устойчивость культуры, воспроизводит общую память и общую картину мира, с другой же – по мере изменения ситуации ритуалы могут модернизироваться, могут усложняться или упрощаться, становятся нацеленными на манипуляцию и принудительное изменение индивидуального сознания [Шабалин, 2008, с. 370]. Как утверждает А.Н. Баранов, по степени ритуализации можно выделить жесткую и мягкую формализацию ритуалов, которые варьируются в зависимости от типа дискурса и жанра, а также от коммуникативной тональности [Баранов, 1997], при этом важно, что на степень ритуализации того или иного жанра дискурса значительное влияние оказывает культурная составляющая, то есть функционирование жанра в определенной культуре.

В этой связи, несмотря на строгую сценарность, заданность по форме и относительную предсказуемость по содержанию, инаугурационный дискурс вследствие детерминированности этнокультурными факторами характеризуется, с нашей точки зрения, мягкой формализацией ритуального действия: в инаугурационных дискурсивных практиках обыгрывается определенный мифосценарий, который демонстрирует легитимизацию перехода власти, детерминирует аккумуляцию и трансляцию «национально-культурного социального опыта, социального контроля и социальной интеграции» [Макаров, 2002, с. 113], а также обеспечивает создание символической роли государства и его

¹ Отметим, что процедура инаугурации сегодня проводится в различных странах с разными политическими строями.

лидера, воздействующей на среду и широкий социум, при этом «для достижения задачи поддержания в социуме состояния когнитивной компетенции, выгодной власти предрешающим, в политических выступлениях задействуются широкие семиотические возможности» [Олянич, 2004, с.76].

Поскольку синергетическая связанность знаковых элементов является не только базовой характеристикой инаугурационного дискурса, но и основой его семасиологической «реальности», считаем необходимым описать политический ритуал – церемонию вступления в должность главы государства – в виде сценария, представляющего собой фиксированный набор расположенных в линейной последовательности дискретных действий и учитывающего контекст социальной ситуации¹.

Политический ритуал инаугурации как в Российской Федерации, так и в Китайской Народной Республике, несмотря на определенную «молодость», является важнейшим политическим событием. В новейшей российской истории инаугурация президента проводилась семь раз (с 1991 года до 2023 года), традиция произнесения инаугурационных речей насчитывает немногим более трех десятилетий (инаугурационный дискурс Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, Д.А. Медведева). С момента основания Китайской Народной Республики система избрания председателей страны претерпела извилистое развитие, но с 1982 года вступила в период стабилизации. В настоящее время в соответствии с конституцией КНР высший руководитель страны избирается на должность Председателя КНР на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) каждого созыва, а первое выступление председателя КНР на заключительном заседании первой сессии ВСНП рассматривается как инаугурационная речь (в нашей работе исследуются инаугурационные дискурсы Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина, 1993–2023 г.г., с учётом технологий сохранения материалов в СМИ).

¹ Понятие *контекста*, предложенное прежде всего Б. Малиновским, подчеркивает взаимоотношения между языком и ситуацией. Последовательно под термином «контекст ситуации», введенным ученым, мы также понимаем внелингвистические факторы, которые состоят из «соответствующих социальных, интеллектуальных и эмоциональных отношений говорящего» [Малиновский, 1936, с. 312]. См. также: «<...> носители языка как участники создают модель той конкретной ситуации» [Дейк, 1989, с. 95].

Контекстуальная модель политического ритуала инаугурации в РФ

Процедура инаугурации появилась в РФ вместе с институтом президентской власти. В зависимости от периода и политической системы страны можно разделить церемонии инаугурации президента РФ на два этапа: до 2000-х годов (процедура «нестабильна») и после 2000-го года, когда процесс и последовательность этапов актов инаугурации постепенно были зафиксированы.

1. Начальная часть ритуала инаугурации Президента РФ

Инаугурация начинается выносом государственного флага РФ и штандарта президента РФ, специального экземпляра Конституции РФ и знака президента РФ. Эти символы вносят в Андреевский зал Большого Кремлевского дворца военнослужащие Президентского полка. Знаки президентской власти размещаются на трибуне, флаг и штандарт устанавливаются на подиуме, шесть солдат Президентского полка стоят на сцене в почетном карауле. Первый шаг инаугурации президента РФ определяет проведения церемонии на государственном уровне, символизирующем высшую власть страны.

Далее на подиум поднимаются Председатель Конституционного суда РФ, Председатель Совета Федерации ФС РФ, Председатель Государственной думы ФС РФ¹. В 1996 г. на подиум также поднимаются Премьер-министр РФ, Председатель Центральной избирательной комиссии² и Патриарх Московский и всея Руси: участие Патриарха Московского и всея Руси и руководителей законодательной и судебной ветвей государственной власти демонстрирует легитимизацию избрания нового главы государства в законодательном и религиозном аспектах.

Уходящий с должности президент (2000, 2008, 2012 гг.) покидает свое рабочее место, выходит на Соборную площадь, принимает рапорт коменданта Московского Кремля и благодарит Президентский полк за службу. Далее уходящий с должности президент проходит в Андреевский зал и поднимается на подиум. Данный шаг узаконен в 2004 г. и символизирует переход военной власти.

¹ Отметим, что в 1991 г. на подиум вместе с Б.Н. Ельциным выходил только Председатель Верховного Совета РСФСР.

² Председатель ЦИК поднимался на подиум еще один раз – в 2000 г.

В это время избранный президент в сопровождении кортежа и эскорта мотоциклистов едет по улицам Москвы в Кремль (в 2018 г. избранный (переизбранный) президент приедет непосредственно из своего рабочего кабинета в Сенатском корпусе Кремля в Большой Кремлевский дворец). Данный этап ритуала, зафиксированный в 2000 г., наглядно символизирует «приход к высшей власти».

2. Основная часть ритуала инаугурации Президента РФ

С 1996 г. после двенадцатого удара Кремлевских Курантов (в полдень) избранный президент под президентские фанфары проходит через Георгиевский и Александровский залы и входит в Андреевский зал Большого Кремлевского дворца, поднимается на подиум. Определенное время начала церемонии инаугурации усиливает торжественность и ритуальность.

В 1996 и 2000 гг. первым с речью выступает Председатель Центральной избирательной комиссии России с сообщением об официальных итогах выборов Президента РФ; с 2004 года этот шаг удален.

Следующий шаг – выступление с речью уходящего с должности президента (в случае, если президент не переизбран). Далее Председатель Конституционного суда РФ просит избранного президента принести присягу народу России. Президент РФ, положив правую руку на Конституцию РФ, произносит присягу. (В 1991 Б.Н. Ельцин произнес присягу перед Конституцией РСФСР и Декларацией о государственном суверенитете РСФСР, приложив правую руку к сердцу.) После этого Председатель Конституционного суда РФ официально объявляет о вступлении Президента РФ в должность главы государства¹. Над куполом резиденции Президента РФ поднимается штандарт. Звучит государственный гимн России.

¹ В 1991 и 1996 гг. следующим шагом было выступление с речью Патриарха Московского и всея Руси, после чего он осенил Президента РФ крестным знамением; с 2000 г. данный процесс упразднен. С 2000 года церемония инаугурации Президента России сопровождается праздничным молебном Патриарха Московского и Всея Руси.

После принесения присяги народу России проходит самая важная часть процедура – Президент выступает с обращением к гражданам страны¹ (об этом подробнее далее).

3. Заключительная часть ритуала инаугурации Президента РФ

С 1996 года по окончании инаугурационной речи звучит хор «Славься». Со стороны Кремлевской набережной производится артиллерийский салют из 30 залпов, символизирующий воинскую почесть главе государства.

Новоизбранный Президент РФ принимает поздравления и выходит из зала. Далее глава государства (в 2000, 2008 и 2012 г.г. вместе с предыдущим президентом) через Красное крыльцо выходит на Соборную площадь Московского Кремля для смотра Президентского полка. Этот процесс устанавливается с 2000 г. и символизирует легитимизацию нового верховного главнокомандующего.

Наши наблюдения (см. рис. 4) показали, что инаугурация РФ как политический ритуал является одной из самых строгих с точки зрения протокола церемоний и имеет фиксированные ситуативные элементы в истории, такие как выступление предыдущего президента, произнесение присяги, инаугурационное обращение, исполнение гимна, артиллерийский салют. В то же время данный политический ритуал (в силу недолгого института президенства) находится в стадии развития и постепенного установления жанрового канона. Так, например, в истории инаугурации российских президентов с 1991 по 2018 гг. изменяется украшение подиума и трибуны, корректируется маршрут движения президента, меняется количество и состав участников и действующих лиц на подиуме, изменяется текст присяги и символический знак при ее произнесении, добавляются или исключаются выступления председателей разных государственных структур, добавляется смотр Президентского полка.

Можно утверждать, что политический ритуал инаугурации Президента РФ с 1991 по 2018 гг. демонстрирует тенденцию изменения «от простоты к сложности». С 2004 года последовательность этапов и процессуальные признаки церемонии инаугурации в целом зафиксированы.

¹ В 1996 г. в связи с болезнью президента инаугурационное выступление отсутствует.

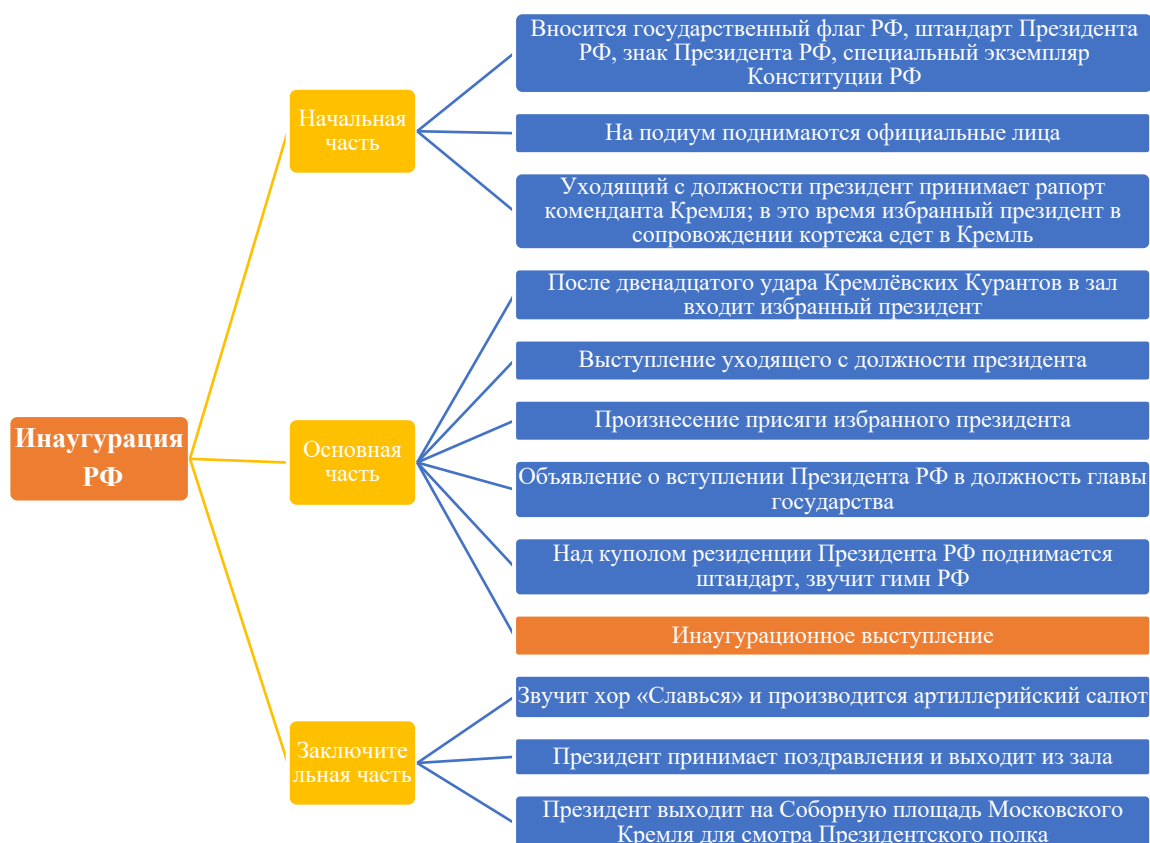

Рисунок 4. Процедура политического ритуала инаугурации Президента РФ

Контекстуальная модель политического ритуала инаугурации в КНР

В сравнении с торжественным ритуалом инаугурации российских президентов, ритуал передачи высшей власти – вступление в должность председателя КНР представляется более лаконичной. Согласно нынешней политической системе Китая специальная отдельная церемония отсутствует, а инаугурация в качестве составной части программы входит в процесс Всекитайского собрания народных представителей (см. рис. 5).

1. Начальная часть ритуала инаугурации Председателя КНР

Выборы главы государства и объявление результатов проходят на 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), в рамках четвертого пленарного заседания (1998 г., 2018 г.) или пятого пленарного заседания (2003 г., 2008 г., 2013 г., 2023 г.). После того, как постоянный и исполнительный председатель Президиума сессии ВСНП объявляет результаты голосования, новоизбранный Председатель КНР кланяется депутатам ВСНП, выражая благодарность, и пожимает руку бывшему Председателю КНР (в случае

переизбрания Председатель КНР пожимает руку Премьер-министра Госсовета КНР и Председателя Постоянного комитета ВСНП, которые стоят рядом с председателями / председателем КНР).

2. Основная часть ритуала инаугурации Председателя КНР

Важнейшим элементом процедуры инаугурации в КНР является произнесение присяги главы государства. Именно после ее произнесения избранный представителей верховной власти страны официально утверждается в своей должности. Особенно значимо, что первую конституционную присягу в истории КНР принял Си Цзиньпин как лидер государства в 2018 году: после голосования по всем пунктам повестки четвертого пленарного заседания состоялся ритуал принесения присяги на верность Конституции КНР.

В зале «Ваньжэн Далитан /万人大会堂» (на десять тысяч человек) горнисты Военного оркестра Народно-освободительной армии Китая (НОАК) протрубили о старте процедуры принесения присяги. Двенадцать солдат Почетного караула НОАК в двух колоннах идут строевым шагом от задней части зала к подиуму для президиума и останавливаются перед ним. Все собравшиеся встают. На подиуме для президиума три солдата Почетного караула под ритм строевого шага несут специальный экземпляр Конституции КНР и возлагают ее на трибуну для принесения присяги. Все собравшиеся хором исполняют государственный гимн КНР под аккомпанемент военного оркестра. Под фанфары новоизбранный Председатель КНР встает со своего места за столом президиума и направляется к трибуне для принесения присяги.

Самая знаменательная часть процедуры вступления в должность Председателя КНР – это первое обращение главы государства к гражданам страны. Председатель КНР выступает с инаугурационным обращением утром на заключительном заседании 1-й сессии ВСНП. Председатель КНР встает со своего места за столом президиума, направляется к трибуне, кланяется всем присутствующим в знак уважения и произносится первую речь в статусе избранного лидера государства.

3. Заключительная часть ритуала инаугурации Председателя КНР

По окончании заседание звучит государственный гимн Китая.

Рисунок 5. Процедура политического ритуала инаугурации Председателя КНР

Таким образом, политический ритуал инаугурации РФ и КНР, характеризующийся строгой формой и фиксированной последовательностью протокола, состоит из начальной, основной и заключительной частей и имеет такие общие основные композиционные компоненты, как официальное объявление о выступлении в должности главы государства, произнесение присяги, выступление с речью новоизбранного лидера страны, исполнение государственного гимна, при этом в процедуре обязательно участие представителей военных подразделений.

Описанные контекстуальные модели акта инаугурации в РФ и КНР позволяют выявить определенные, необходимые для адекватного функционирования инаугурационной дискурсивной практики параметры – *цели, участники, хронотон, материал, ценности, стратегии, разновидности и жанры, прецедентные тесты, языковые и речевые особенности*¹ [Карасик, 2002, с. 221]. Ориентируясь на данную, принятую в науке компонентную структуру дискурса, выделим важные в рамках инаугурационного дискурса элементы.

¹ В рамках данного раздела описаны первые 4 параметра, остальные в соответствии с композицией исследования представлены в следующем разделе.

Цель инаугурационного дискурса (как и политического дискурса в целом¹) – осуществление власти, которой предшествует борьба за нее либо ее передача по праву рождения [Карасик, Китанина, 2023, с. 101]. Здесь оказывается принципиальным не сам процесс достижения власти, а акт подтверждения ее законности. В самой процедуре инаугурации отчетливо просматривается основная отправная точка – легитимизация завоевания высшей политической власти не просто на юридическом уровне, а на *социальном* уровне, то есть получение признания от большинства граждан правильности и законности формирования и функционирования прав главы государства.

Легитимизация высшей политической власти представляет собой и закон, и взаимообусловленный процесс, с одной стороны, «самооправдания» и рационального обоснования собственной власти со стороны верховного руководителя государства, с другой – «оправдания» и признания этой власти со стороны народа [Мамычев, 2015, с. 44]. Это оказывается очень важным: поскольку легитимная власть отражает высокую степень преемственности в институционально-властном развитии и соответствие методов осуществления власти социальным ожиданиям, она способна обеспечить стабильность и развитие общества, не прибегая к насилию [Князев, 2010]. При этом архитектуру легитимизации власти в основном обуславливает «ритуализация объясняющих действий, призванных обеспечить социальную солидарность и нейтрализовать социальное отчуждение» [Синельникова, 2015, с. 11], поэтому создание новых легитимизирующих сценариев самовозвышающего и оправдательного характера, каковым и является политический ритуал инаугурации, понимается обществом как необходимое для нового государства действие.

Второй, не менее значимой составляющей главной цели инаугурационного дискурса является необходимость упрочения единства страны, обеспечивающего в дальнейшем упрочение власти. В целях завоевания общественной поддержки в решении внешних и внутренних государственных задач глава государства старается усилить у аудитории чувство сопричастности к политической жизни

¹ См. работы [Шейгал, 2000; Демьянков, 2002; Михалёва, 2009].

общества, поднять энтузиазм народа и привлечь к активному участию в строительстве страны.

Хронотоп инаугурационной дискурсивной практики характеризуется фиксированностью в расписании политической жизни страны (это может быть конкретная дата или временной период) и местопроведении. Так, 7 мая стало определенным днем для инаугурации российского президента, а заключительное заседание 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей является определенным периодом для первого выступления председателя КНР. Главы обоих государств выступают с инаугурационной речью в правительственных зданиях, символизирующих высшую политическую власть. В РФ власть и государственность символизирует Кремль, в Китае ему соответствует Большой зал народных собраний – Жэнминь Дахуэйтан /人民大会堂.

Участники дискурса в обычном случае представляют собой двустороннее образование (адресат и адресант), однако особенность политического дискурса заключается в том, что присутствует три участника коммуникации – адресант, прямо-адресат и адресат-наблюдатель [Бочарова, 2013, с. 5].

В инаугурационном дискурсе образ *адресанта* воплощает собой высшее должностное лицо – новоизбранный глава государства. Знаковая сущность главы государства отражается многопланово: 1) глава государства занимает высшее место в системе органов государства; 2) глава государства олицетворяет политическую общность и целостность государства; 3) глава государства представляет собой представителя группы, с ним связана персонализация одной из политических партий («Единая Россия» – партия В. В. Путина; «Коммунистическая партия Китая» – партия Си Цзиньпина).

Круг *адресатов* инаугурационного дискурса разделяется на две группы: прямо-адресат и адресат-наблюдатель. Так, прямо-адресат инаугурационного дискурса РФ представлен присутствующей в зале инаугурации аудиторией, включая предыдущего лидера государства, членов правительства, депутатов и сенаторов, судей Конституционного суда, доверенных лиц и представителей избирательного штаба президента, глав дипломатических миссий зарубежных

стран, представителей духовенства, представителей молодежных организаций, военнослужащих Президентского полка и Президентского оркестра: количество прямых адресатов колеблется от 1500 до 6000. В КНР прямые адресаты – депутаты ВСНП (включая Президиум сессии ВСНП), имеющие право голоса, участники без права голоса¹, горнисты Военного оркестра Народно-освободительной армии Китая (НОАК), Почетный караул НОАК (с 2018 года), количество которых стабильно, как правило, около 3 000 человек. Адресатом-наблюдателем являются граждане страны и зрители за рубежом, наблюдающие за процедурой посредством телевидения и на завлечение вниманием которых, на самом деле, направлены усилия адресантов.

Детальное описание двух важнейших конститутивных компонентов инаугурационного дискурса России и Китая представлено в таблице 1 (РФ) и таблице 2 (КНР).

Таблица 1. Конститутивные компоненты инаугурационного дискурса РФ

Президент РФ	Б.Н. Ельцин	Б.Н. Ельцин	В.В. Путин	В.В. Путин	Д.А. Медведев	В.В. Путин	В.В. Путин	
год	1991	1996	2000	2004	2008	2012	2018	
дата	10 июля	9 августа	7 мая	7 мая	7 мая	7 мая	7 мая	
продолжительность действия	50 минут	30 минут	60 минут	25 минут	40 минут	60 минут	50 минут	
начало действия	10:00	11:45	11:45	11:45	11:40	11:30	11:45	
х р о н о т о п	место	Кремлевский дворец съездов	Кремлевский дворец съездов	Андреевский зал Большого Кремлевского дворца	Андреевский зал Большого Кремлевского дворца	Андреевский зал Большого Кремлевского дворца	Андреевский зал Большого Кремлевского дворца	Андреевский зал Большого Кремлевского дворца
	фон подиума	Государственный флаг РСФСР и схема карты РСФСР	Государственный флаг РФ и герб РФ	Герб РФ	Триколор (визуальная модель государственного флага РФ)	Триколор (визуальная модель государственного флага РФ)	Триколор (визуальная модель государственного флага РФ)	Триколор (визуальная модель государственного флага РФ)
	на подиуме (знак)	Герб РСФСР	Государственный флаг РФ и штандарт Президента РФ	Государственный флаг РФ и штандарт Президента РФ	Государственный флаг РФ и штандарт Президента РФ	Государственный флаг РФ и штандарт Президента РФ	Государственный флаг РФ и штандарт Президента РФ	Государственный флаг РФ и штандарт Президента РФ

¹ К ним относятся лица без права голоса, определенные законодательством КНР, и лица, которых Постоянный комитет ВСНП решает пригласить перед сессией ВСНП.

Окончание таблицы 1

	на трибуне (знак)	Конституция РСФСР и Декларация о государственном суверенитете РСФСР	Конституция РФ, знак Президента РФ	Конституция РФ, знак Президента РФ	Конституция РФ, знак Президента РФ	Конституция РФ, знак Президента РФ	Конституция РФ, знак Президента РФ	Конституция РФ, знак Президента РФ
Участвующие	численность аудитории	6000	4500	1500	1700	2400	3000	5000
	адресант	Б.Н. Ельцин	Б.Н. Ельцин	В.В. Путин	В.В. Путин	Д.А. Медведев	В.В. Путин	В.В. Путин
	прямо-адресат (на подиуме)	Председатель Верховного Совета РСФСР	Председатель Конституционного суда РФ, премьер-министр РФ, Председатель Совета Федерации ФС РФ, Председатель Государственной Думы ФС РФ, Председатель ЦИК РФ, Патриарх Московский и всея Руси, 6 военнослужащих.	Президент предыдущий, Председатель Конституционного суда РФ, Председатель Совета Федерации ФС РФ, Председатель Государственной Думы ФС РФ, Председатель ЦИК РФ, 6 военнослужащих.	Председатель Конституционного суда РФ, Председатель Совета Федерации ФС РФ, Председатель Государственной Думы ФС РФ, 6 военнослужащих.	Президент предыдущий, Председатель Конституционного суда РФ, Председатель Совета Федерации ФС РФ, Председатель Государственной Думы ФС РФ, 6 военнослужащих.	Президент предыдущий, Председатель Конституционного суда РФ, Председатель Совета Федерации ФС РФ, Председатель Государственной Думы ФС РФ, 6 военнослужащих.	Председатель Конституционного суда РФ, Председатель Совета Федерации ФС РФ, Председатель Государственной Думы ФС РФ, 6 военнослужащих.
	прямо-адресат (в зале)	Народные депутаты	Народные депутаты	Приглашенные на инаугурацию лица	Приглашенные на инаугурацию лица	Приглашенные на инаугурацию лица	Приглашенные на инаугурацию лица	Приглашенные на инаугурацию лица

Таблица 2. Конститутивные компоненты инаугурационного дискурса РФ

Председатель (Президент) КНР		Цзян Цзэминь	Цзян Цзэминь	Ху Цзиньтао	Ху Цзиньтао	Си Цзиньпин	Си Цзиньпин	Си Цзиньпин
Хронология	год	1993	1998	2003	2008	2013	2018	2023
	дата объявления председателем КНР	27 марта (5-е пленарное заседание 1-й сессии ВСНП 8-го созыва)	16 марта (4-е пленарное заседание 1-й сессии ВСНП 9-го созыва)	15 марта (5-е пленарное заседание 1-й сессии ВСНП 10-го созыва)	15 марта (5-е пленарное заседание 1-й сессии ВСНП 11-го созыва)	14 марта (4-е пленарное заседание 1-й сессии ВСНП 12-го созыва)	17 марта (5-е пленарное заседание 1-й сессии ВСНП 13-го созыва)	10 марта (4-е пленарное заседание 1-й сессии ВСНП 14-го созыва)

Окончание таблицы 2

Х Р О Н О Т О П	дата выступления	31 марта (заключительное заседание 1-й сессии ВСНП 8-го созыва)	19 марта (заключительное заседание 1-й сессии ВСНП 9-го созыва)	18 марта (заключительное заседание 1-й сессии ВСНП 10-го созыва)	18 марта (заключительное заседание 1-й сессии ВСНП 11-го созыва)	17 марта (заключительное заседание 1-й сессии ВСНП 12-го созыва)	20 марта (заключительное заседание 1-й сессии ВСНП 13-го созыва)	13 марта (заключительное заседание 1-й сессии ВСНП 14-го созыва)
	продолжительность действия	2 дня	2 дня	2 дня	2 дня	2 дня	2 дня	2 дня
	начало действия	8-й пункт повестки 1-ой сессии ВСНП 8-го созыва	13-й пункт повестки 1-ой сессии ВСНП 9-го созыва	14-й пункт повестки 1-ой сессии ВСНП 10-го созыва	9-й пункт повестки 1-ой сессии ВСНП 11-го созыва	9-й пункт повестки 1-ой сессии ВСНП 12-го созыва	10-й пункт повестки 1-ой сессии ВСНП 13-го созыва	9-й пункт повестки 1-ой сессии ВСНП 14-го созыва
	место	Большой зал народных собраний	Большой зал народных собраний	Большой зал народных собраний	Большой зал народных собраний	Большой зал народных собраний	Большой зал народных собраний	Большой зал народных собраний
	фон подиума	Герб КНР, 10 красных флагов	Герб КНР, 10 красных флагов	Герб КНР, 10 красных флагов	Герб КНР, 10 красных флагов	Герб КНР, 10 красных флагов	Герб КНР, 10 красных флагов	Герб КНР, 10 красных флагов
	на подиуме (знак)	Места Президиума	Места Президиума	Места Президиума	Места Президиума	Места Президиума	Места Президиума	Места Президиума
	на трибуне (знак)	отсутствует	отсутствует	отсутствует	отсутствует	отсутствует	Конституция КНР, герб КНР	Конституция КНР, герб КНР
У Ч А С Т Н И К И	численность аудитории (депутатов ВСНП)	2882	2907	2913	2932	2948	2962	2947
	адресант	Цзян Цзэминь	Цзян Цзэминь	Ху Цзиньтао	Ху Цзиньтао	Си Цзиньпин	Си Цзиньпин	Си Цзиньпин
	прямо-адресат (на подиуме)	Президиум сессии ВСНП	Президиум сессии ВСНП	Президиум сессии ВСНП	Президиум сессии ВСНП	Президиум сессии ВСНП	Президиум сессии ВСНП	Президиум сессии ВСНП
	прямо-адресат (в зале)	депутаты ВСНП, участники без права голоса	депутаты ВСНП, участники без права голоса	депутаты ВСНП, участники без права голоса	депутаты ВСНП, участники без права голоса	депутаты ВСНП, участники без права голоса	депутаты ВСНП, участники без права голоса	депутаты ВСНП, участники без права голоса

В качестве *материала* инаугурационного дискурса следует рассматривать текст инаугурационного выступления. Приведем в таблице 3 и таблице 4 количественные характеристики инаугурационных обращений российских президентов (с 1991 по 2018 гг.) и китайских председателей (с 1993 по 2023 гг.), позволяющие выявить некоторые типические признаки.

Таблица 3. Количественные характеристики инаугурационных обращений в РФ

С т р а н а	Президент	год	дата	длительность произнесения	количе ство слов	количес тво строк (скрипт)	количе ство предло жений (скрипт)	количес тво абзацев (скрипт)
Р Ф	Б.Н. Ельцин	1991	10.07	9 мин.	747	87	55	15
	Б.Н. Ельцин	1996	09.08	отсутствует выступление				
	В.В. Путин	2000	07.05	9 мин.	661	68	36	11
	В.В. Путин	2004	07.05	7 мин.	588	70	45	24
	Д.А. Медведев	2008	07.05	6 мин. 10 сек.	548	66	24	18
	В.В. Путин	2012	07.05	5 мин.	465	53	22	9
	В.В. Путин	2018	07.05	14 мин. 20 сек.	1247	160	60	25

Таблица 4. Количественные характеристики инаугурационных обращений в КНР

С т р а н а	Председатель (Президент)	год	Дата	Длительность произнесения	количе ство слов	количес тво строк (скрипт)	количе ство предло жений (скрипт)	количес тво абзацев (скрипт)
К Н Р	Цзян Цзэминь	1993	31.03	отсутствует видео	1298	42	15	9
	Цзян Цзэминь	1998	19.03	отсутствует видео	948	34	20	14
	Ху Цзиньтао	2003	18.03	11 мин. 25 сек.	1487	50	21	14
	Ху Цзиньтао	2008	18.03	7 мин.	1212	42	25	13
	Си Цзиньпин	2013	17.03	23 мин. 45 сек.	3090	107	46	28
	Си Цзиньпин	2018	20.03	36 мин. 20 сек.	4916	157	69	36
	Си Цзиньпин	2023	13.03	16 мин.	1851	59	30	16

Особо отметим, что возможность сравнения признаков черт обусловлена и геополитическим контекстом инаугурационных обращений лидеров двух стран, который оказывается схожим. Так, инаугурация трёх российских президентов – Б.Н. Ельцина, Д.А. Медведева, В.В. Путина – характеризует переломный и постепенно стабилизирующийся период в установлении и развитии РФ после распада СССР, тогда как срок полномочий трех китайских председателей – Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао, Си Цзиньпина – обозначает период быстрых перемен и развития китайского общества после реформы и открытия межгосударственных границ.

Мы наблюдаем, что средний размер текста инаугурационного обращения в РФ колеблется в пределах от 400 до 1300 слов, в КНР – от 1000 до 5000 слов; текст российских президентов колеблется в пределах от 9 до 25 абзацев, от 22 до 60 предложений, среднее количество строк в одном абзаце – 5, среднее количество слов в одном предложении – 18, а текст китайских лидеров включает от 9 до 36 абзацев, от 15 до 69 предложений, среднее количество строк в одном абзаце – 4, среднее количество слов в одном предложении – 65. Отметим, что тексты характеризуются наличием большого количества сложных распространенных предложений: в частности, в речах руководителей КНР размер предложений больше в 3 раза выше, чем в выступлениях российских президентов. Структурно-композиционная организация инаугурационных обращений РФ и КНР существенно отличаются, отражая социальные реалии и стиль публичного выступления политиков обеих стран.

Длительность инаугурационного обращения фиксируется на уровне 5–15 минут в РФ и 6–36 минут в КНР. Представляется, что именно такая временная протяженность в большой степени соответствует психологическим возможностям адресатов в аспекте механизма восприятия и запоминания информации публичной речи¹.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что специфика политического ритуала инаугурации отражает уникальность политического устройства РФ и КНР. Очевидно, что инаугурация в РФ, отличаясь торжественностью и индивидуальностью, обладает большими протокольными характеристиками в сравнении с КНР. «С точки зрения характера распределения власти, в России существует, скорее, авторитарная плюралистическая система, которая характеризуется сосредоточением власти в едином центре, каковым является президент и его администрация» [Гришнова, 2016, с. 61]. В связи со значительным статусом главы государства (согласно институту президентства), инаугурация РФ оказывается знаменательным официальным и торжественным политическим

¹ См. в этой связи: «Длительность звучания публичного дискурса у современных политических деятелей практически одинаковая: не более 15–20 минут непрерывного выступления» [Шпетный, 2019, с. 163].

ритуальным действием. Ритуал инаугурации в КНР, характеризуясь упорядоченной, стандартизированной формой и простотой содержания, в большей степени отражает традицию коллективизма восточной культуры, философию китайской национальности, а также воплощает китайские политические ценности, основанные на социалистической идеологии. При этом ритуалы инаугурации РФ и КНР отличаются от сложных ритуалов инаугурации западных стран, что явно проявляется в слабой интегрированности в российскую и китайскую политическую систему разнородных социальных групп.

В диахроническом аспекте отметим, что инаугурационная дискурсивная практика двух стран находится в процессе своего становления. Так, с 1991 г. до настоящего времени составные части процедуры инаугурации в России (в связи с «переходным» характером политической системы РФ) постепенно совершенствуются и фиксируются. В Китае к процедуре вступления в должность главы государства с 2018 года добавлен акт принесения присяги на верность Конституции КНР. Установление и стандартизация процедуры произнесения присяги во многом усиливает торжественность ритуала и авторитетность новой государственной власти.

Инаугурация главы государства знаменует начало срока полномочий нового государственного лидера; сама процедура показывает, что новое правительство с самого начала находится под наблюдением народа; об ответственности лидера и его обещаниях свидетельствует весь мир. Иначе – в ритуалах инаугурации обыгрывается определенный мифосценарий, который выступает легитимизирующим основанием для совершения подобных коллективных действий. С помощью ритуалов «происходит конституирование социальной идентичности – формирование в сознании индивидов чувства сопричастности своей стране. Символы могут выполнять функцию объединения всех людей, принадлежащих разным слоям в общую группу» [Хамрина, 2011, с. 55].

Отметим в этой связи, что значительный отпечаток на процессы «единения социума» накладывают и тенденции развития современного политического общества: «медиатизация политики, в общем, и политического дискурса, в

частности, становится более интенсивной» [Желтухина, 2022, с. 132]. Соответственно, с развитием технологий средств массовой информации сфера распространения церемонии инаугурации становится расширенной, и эффективность усиливается благодаря полному освещению процесса инаугурации. Результатом такой включенности оказывается повышение степени признания народом нынешней политической системы и активности участия народа в политической жизни страны.

2.2 Невербальные компоненты инаугурационного дискурса РФ и КНР

Как было описано в главе 1, дискурс может ассоциироваться с «определенным образом организованной последовательностью знаков разной природы – звуков, жестов, цветов, артефактов, изображений и т.д., образующих смысловое целое» [Топоров, 1983, с. 234]. Бесспорно, что в политическом ритуале инаугурации «правила вплетения» в тексты других символических систем – визуальной, звуковой, тактильной и т. д.¹ – имеют особое значение, поскольку на вербальный компонент дискурса всегда и обязательно накладываются компоненты невербальные, которые оказываются «важными для определения значения настолько, насколько важны значения самих слов»² [Лайонз, 2003, с. 51]. Более того, осмысление инаугурационной дискурсивной практики «как сигнального, иконического или символического знакового образования дает возможность осветить его фатическое осуществление, тематику в связи с обстоятельствами общения и правила, лежащие в основе его организации» [Карасик, 2020, с. 97].

При этом бесспорно, что в разных культурах степень «проявления» невербального компонента градуальна: она не только зависит от темперамента, эмоциональности и экспрессивности членов общества, но и варьируется под влиянием множества геополитических факторов. Так, в рамках инаугурационных дискурсивных практик РФ и КНР можно выделить следующие кластеры

¹ «Несловесный язык» объединяет большой круг явлений и включает не только движения тела человека, но и самые различные предметы труда, быта, одежду, косметику, окружающую среду, архитектуру, т.е. все знаковое пространство человеческой культуры [Никитина, 2006, с. 49]

² Отметим, что американский антрополог Р. Бердвистел утверждает, что большая часть информации (до 65%) передается невербальными знаками.

невербальных знаков – *пространственные, проксемические, артефактные, аудитивные и кинесические знаки*¹, которые (самостоятельно или вкуче с речевыми конституентами, поддерживая их) участвуют в «предъявлении объекту воздействия необходимой и достаточной информации о качествах, характеристиках и статусе воздействующего субъекта» [Олянич, 2004, с. 217] и тем самым концептуализируют процедуру вступления в должность главы государства и детерминируют идеологическую ориентацию общества.

Пространственные знаки

Социально значимое место общения, являясь неотъемлемым компонентом коммуникативного события, задает тональность и стиль коммуникации. В современное время деятельность человека и его взаимодействие с другими людьми проходят на фоне или внутри архитектурных сооружений. Архитектура представляет собой не просто особую материально организованную среду, а систему образов, символов и кодов, в которых заложено культурное наследие того или иного общества. По утверждению В.В. Кочеткова, «здания и сооружения служат своеобразным маяком мысли, культуры, знания национальностей, помогающим определиться в пространстве, выполняют роль убежища и хранителя жизни в качестве естественной искусственности человека, а также становятся средством коммуникации в обществе, особенно между различными поколениями и эпохами» [Кочетков, 2015, с. 112]. Х. Делитц рассматривает архитектуру как одно из главных средств отражения культурных и общественных изменений и социальных процессов [Делитц, 2008, с. 117], соответственно, совокупность сооружений и их специфичность может рассматриваться не только в плане смысловыражения, но и смыслообразования.

Функциональная ориентированность правительственных зданий и помещений РФ и КНР, где происходит политический ритуал инаугурации, сообщает им семиотичность, поскольку «их мысленный образ закрепляется в сознании как знак определенного события» [Шейгал, 2004, с. 101]. В РФ власть и

¹ Мы намеренно не включаем в данную линейку кластер *фонационных знаков* (чрезвычайно важных в инаугурационном дискурсе), поскольку они не могут быть описаны *вне* вербального контекста.

государственность символизирует Кремль, в связи с чем его невербальный коррелят оформляет фоновое пространство инаугурации главы российского государства, в Китае ему соответствует Большой зал народных собраний – Жэнминь Дахуэйтан /人民大会堂.

Инаугурация президента РФ проходит в Московском Кремле, расположенном в центре Москвы. Кремль, архитектурно являясь внутренней городской крепостью, характерной градостроительной культуре Средневековья, в историческом процессе становления российского государства становится официальной резиденцией руководителей страны, как следствие – «лексема *Кремль* в результате метонимического переноса употребляется в значении «власть, руководство государством», и из разряда неодушевленных переходит в разряд одушевленных имен существительных» [Бугаева, 2018, с. 97].

Московский Кремль, помимо символа российской государственности, является памятником культуры и искусства России – исторической реликвией и богатейшей сокровищницей. См.: «Московский Кремль, особенно после его перестройки, имеет иную, но также христианскую, а по сути – математическую символику. Так, сближение архитектурно-художественных программ замков и Кремля происходит по мере политической и идейной трансформации государства в светские монархии» [Белинцева, 2003, с. 63].

В 1991 и 1996 гг. ритуал инаугурации проходил в Кремлевском Дворце съездов (Б.Н. Ельцин), с 2000 г. местом для проведения процедуры вступления в должность российских президентов служит Андреевский зал Большого Кремлевского дворца (В.В. Путин, Д.А. Медведев), что не случайно. Очевидно, что разные пространства проведения инаугурации отражают изменения политической строя государства и специфику политической культуры.

Государственный Кремлевский дворец (до 1992 года – Кремлевский дворец съездов) – крупнейшее общественное здание на территории Московского Кремля – выполнен в стиле советского модернизма, который характеризуется стилистической целостностью и монументальностью: «Спокойная геометрия сооружения, строгость его форм и акцент на мелких членениях подчёркивают

важные общественно-политические функции дворца» [Дутлова, 2007]. Он предназначался для проведения съездов КПСС, а также выполнял функции площадки для театральных постановок, концертов и других общественных мероприятий.

Андреевский зал получил свое название по ордену в честь Святого апостола Андрея Первозванного, учреждённого в 1698 году Петром I. До 1917 года этот орден был высшей наградой Российской империи. В советское время Андреевский зал Большого Кремлёвского дворца был перестроен, а далее реконструирован с целью придания исторического облика. В настоящее время Андреевский зал служит местом проведения самых значимых государственных мероприятий (например, официальные приемы Президента РФ и официальные встречи с послами зарубежных стран).

Светлый, просторный, украшенный великолепной золоченой лепниной Андреевский зал – самый роскошный во дворце. «Интерьер Андреевского зала выдержан в сине-золотой орденской цветовой гамме, стены обиты голубым муаром, в декоративном убранстве повторяется орденская символика. Торжественная колоннада зала ведет к Тронному месту. <...> Когда-то на этом месте императоры принимали поздравления от подданных после коронаций, а через парадные залы шли торжественные процессии от всех сословий и национальностей огромной империи» [Лубченков, 2009, с. 332]. См. также: «Вверху между окнами... крест апостола Андрея, повешенный на Андреевской цепи, которая, как золотой венок, окружает Андреевскую звезду, этим – крестом, венком и звездой – довершается высокая идея залы» [Кириченко, 2006].

Можно утверждать, что в Андреевском зале, само название которого имеет «оттенок» исторической славы страны, незатруднительно «читаются» ценностные доминанты института власти¹: «Андреевский зал украшают гербы царств, княжеств, областей и губерний, входивших в состав Российской империи, и над каждым гербом вверху, между окнами, – крест ордена святого Андрея Первозванного как

¹Напомним, что с 2000 года церемония инаугурации Президента России сопровождается праздничным молебном патриарха Московского и Всея Руси.

символ покровительства святого всем землям Руси» [Лубченков, 2009, с. 332]. Именно в этом зале особенно видна идея единства русской народности, православия и соборности, при этом *сочетание* различных знаковых элементов, содержащих отпечаток определенной эпохи, отражает изменение политической строя государства в разные периоды.

Ритуал инаугурации Председателя КНР проходит в Большом зале народных собраний – Жэнминь Дахуэйтан / 人民大会堂, который можно рассматривать и как правительственное здание, и как «маяк» истории и развития Китая, сочетающий в себе гордость за прошлое и настоящее.

Большой зал народных собраний (БЗНС) был построен к 10-й годовщине образования КНР, оформлен в характерном стиле, который является «мирным, авторитетным, уважительным, серьезным и в какой-то степени тяжеловесным» [Ван Луминь / 王鲁民, 1997, с. 128] и представляет собой одно из самых больших сооружений для проведения правительственных собраний.

БЗНС находится в западной части площади Тяньаньмэнь / 天安门广场 – сердца Пекина – и сегодня функционирует как место проведения законодательных и церемониальных мероприятий правительства КНР и правящей Коммунистической партии Китая, встреч на национальном уровне различных общественных и политических организаций, в том числе Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и Национальной сессии Китайской народной политической консультативной конференции (НПКСК).

Внешний образ БЗНС, который располагается по центральной оси площади в строгой симметричной форме, что соответствует тектоническому стилю [Чжоу Цзюньянь, 2008, с. 386], создает впечатление монументальности и даже «авторитарности». Главный вход здания обращен к памятнику народным героям – революционным борцам с феодальной диктатурой в КНР, – подчеркивая тем самым одномоментность факта завершения строительства БЗНС и новой политики Китая. Особенности каждого региона КНР представлены в дизайнах 34 палат БЗНС, и 34 конференц-зала названы в соответствии с провинциями, автономными районами, городами центрального подчинения и особыми административными районами.

Собственно местом проведения инаугурации Председателя КНР служит зрительный зал Ваньжэн Далитан / 万人大礼堂 (буквально означает ‘зрительный зал на десять тысяч человек’). Зрительный зал на десять тысяч человек был спроектирован как символ национального единства и этнического равенства членов общества, с помощью которого отражается характер китайского народа – его целеустремленность, вера в светлое будущее, а поражающий масштаб зала Ваньжэн Далитан, превосходящий обычные представления, должен внушать гражданам чувство гордости и уважение к стране.

Уникальные элементы убранства зала ассоциируются с китайскими культурными и политическими особенностями: потолок зала украшен галактикой огней, золотыми лучами, лепестками подсолнуха и большой красной звездой, находящейся в центре потолка. Такие элементы символизируют революцию, единство, победу, а рисунок водяных волн рядом представляет людей. Особенно значимо, что выразительность линий, плоскостей, цвета, объёма, пропорция частей и другие украшения пространства для церемонии инаугурации в правительственном здании отражает китайскую национальность в новой эпохе, а также оказывает эмоциональное воздействие на массы, рождая у присутствующих чувство возвышенного [Юй Шуйшань / 于水山, 2013].

Таким образом, пространственные знаки инаугурационного дискурса семиотически маркируют культурные и политические характеристики нации, а соответственно, способствуют прочтению широкой аудиторией культурного кода этнического сообщества и пониманию их норм, обычаев и традиций: правительственное здание в РФ, будучи *исторически* государственным, манифестирует гордость россиян за историю и преемственность традиционных ценностей; в Китае же, являясь *новым* государственным зданием – после основания КНР, – отражает изменения в политической системе (переход к социализму) и в направлении развития. Московский Кремль есть и политический центр РФ, и средоточие памятников христианской культуры [Белинцева, 2003, с. 63]; Большой зал народных собраний как административный центр КНР символизирует народную демократию и коллективизм.

Проксемические знаки

Как известно, организация коммуникативного пространства в значительной степени определяет восприятие информации адресатом, поскольку проксемические параметры существенно характеризуют межличностные отношения¹: «К дистанционным проксемическим знакам относятся презентационные индикации отношения между партнерами по коммуникации, которые связаны с их семиотически релевантным дистанционным позиционированием в пространстве» [Олянич, 2016, с. 112-113].

В ракурсе теории проксемики, предложенной Э. Холлом², физическая организация пространства помещения для ритуала инаугурации «выстраивается» с учетом *публичной дистанции*: дистанцированность, как известно, является доминирующим признаком поведения власти³.

Проксемические знаки публичной дистанции представляют собой пространственные *отграничения* персоны верховной власти от иных (даже облеченных властью) лиц, поскольку место адресанта – лидера страны – четко выделено и противопоставлено адресатам – подвластным членам социума⁴.

Новоизбранные руководители РФ и КНР выступают с первым обращением за трибуной в центре подиума, при этом трибуна и подиум, располагающиеся на самом высоком месте в зале церемонии, оказываются знаками презентации статуса адресанта – главы государства (например, в 1991 г. трибуна президента Б.Н. Ельцина очевидно находилась на более высоком месте, чем трибуна других выступающих).

Расстояние между положением подиума и аудитории также визуально отражает дистанцию власти, определяющуюся как степень принятия людьми

¹ Неслучайно Г.Е. Крейдлин пишет, что проксемика занимается изучением «невербальной концептуализации и культурной ориентации пространства» [Крейдлин, 2002, с. 457].

² Э. Холл, выделив четыре типа дистанций, используемых в общении (интимную, личную, социальную и публичные дистанции), впервые указал на взаимоотношения между типом культуры и типом предпочитаемой для общения дистанции [Hall, 1969, p. 471].

³Соответственно, есть и «обратная» зависимость: знаки публичной дистанции чаще всего «связаны с политической коммуникацией, с отношениями власти и народа» [Моргун, 2009, с. 228].

⁴ Отметим также, что высший властный статус требует соблюдения публичной дистанции в большом зале, позволяющей первому лицу наблюдать за аудиторией.

неравного распределения власти между членами общества [Hofstede, 2001], что в КНР и РФ (1) явно коррелирует; (2) свидетельствует о признании китайским и российским обществом «лестницы власти».

Значимо и расположение остальных участвующих в инаугурации: оно соответствует их иерархии во властной структуре, т.е. *физическая дистанция* (степень приближенности к местонахождению главы государства) и *метафорическая дистанция* от центра власти совпадают – будучи такими же адресатами инаугурационного обращения, как и зрители в зале, на подиуме *градуально* располагаются места лиц, входящих в властный центр¹. Так, в КНР сидящие на подиуме участники являются членами политбюро КПК, депутатами ВСПН, партийными и государственными руководителями «первого эшелона», представителями различных демократических партий. В России места на подиуме занимают Председатель Совета Федерации, Председатель Государственной Думы и Председатель Конституционного суда, что символизирует разделение исполнительной, законодательной и судебной властей в качестве основы политического устройства Российской Федерации.

Отметим, что в наши дни проксемические знаки в большинстве культур рассматриваются как стандартные явления, адекватно воспринимаемые обществом: например, проезд в начальной части инаугурации кортежа новоизбранного президента по Москве представляет собой семиотическую демонстрацию «владения» территорией, что не только одобряется социумом, но и, по мнению А.В. Олянич, вызывает уважение [Олянич, 2004, с. 2].

Вместе с тем в семиотическое пространство инаугурации включаются проксемические знаки *личной дистанции*, использующиеся для демонстрации единения правительства и народа. Так, перед принесением присяги и выступлением с инаугурационной речью Председатель КНР встает со своего места и подходит к аудитории, чтобы выразить близость руководителя к каждому гражданину страны. Подобное действие наблюдается и в РФ: например, в 1991 г. по завершении

¹ Дистанционная близость к первому лицу во многом обуславливает (и, соответственно, *маркирует*) их дальнейшее продвижение, включая возможность стать главой государства.

инаугурации Б.Н. Ельцин как новоизбранный президент РФ вместе с предыдущим президентом СССР М.С. Горбачевым покинули сцену и сели на зрительные места; с 2000 г. в заключительной части церемонии российский президент направляется к аудитории, пожимая руки участникам процедуры и принимая поздравления от присутствующих, что можно трактовать как сокращение дистанции до *интимной зоны*, в которой актуализируются *такесические*¹ знаки. Бесспорно, наглядное сокращение физической дистанции между главой государства и зрителями способствует «психологической митигации» народа по отношению к власти.

Артефактные знаки

Поскольку инаугурация главы государства – это происходящее с определенной периодичностью политическое событие, оно приобретает признаки традиционности, эксплицируемые определенными артефактными знаками. Так, во время инаугурации Президента РФ (рис. 6) используются следующие символические конститuentы: (1) государственные символы (флаг РФ, герб РФ, изображение карты РФ, изображение флага РФ); (2) символы президентской власти (штандарт Президента РФ, знак Президента РФ); (3) законодательные символы (специальный экземпляр Конституции РФ). Проведенный анализ 7 церемоний инаугураций (1991–2018 гг.) показывает, что артефактные знаки, обрамляющие акт вступления в должность Президента РФ, менялись на протяжении этого периода, однако в 2004 г. были фиксированы (см. Приложение Б).

В 1991 году фон подиума первой церемонии инаугурации Президента России украшается флагом РСФСР и схемой карты РСФСР, на подиуме расположен герб РСФСР, на трибуне находятся специальный экземпляр Конституции РСФСР и Декларация о государственном суверенитете РСФСР. В 1996 году в центре занавеса за президиумом высоко висит государственный флаг РФ и герб РФ, на подиуме расположены государственный флаг РФ и штандарт Президента РФ, на трибуне находятся специальный экземпляр Конституции РФ и знак Президента РФ. Отметим, что в церемонии инаугурации 1996 г. впервые появляются *символы президентской власти*, и с этого момента именно они – штандарт Президента РФ

¹ В целом, такесические знаки несвойственны инаугурационному дискурсу.

и знак Президента РФ (вместе с Государственным флагом РФ и специальным экземпляром Конституции РФ) – становятся неперенными конституентами политического ритуала инаугурации и *символами российской государственности* в целом. В 2000 году фоном подиума на церемонии служит государственный герб, с 2004 до 2018 года на фон подиума украшается гербом РФ и изображением развевающегося полотнища российского флага.

Рисунок 6. Инаугурация Президента РФ В.В. Путина (2018 г.)

Церемония инаугурации Председателя КНР (рис. 7) характеризуется стабильностью артефактных знаков: (1) государственные символы (флаг КНР, герб КНР); (2) символы управления на основе закона (специальный экземпляр Конституции КНР); (3) символы политической системы (полотнище с названием Всекитайского собрания народных представителей). Государственный герб КНР расположен в центральной верхней части занавеса за президиумом, флаг КНР развевается в задней части зала, по обеим сторонам подиума установлены пять красных знамен. С 2018 года во время произнесения присяги китайского лидера на трибуне находится специальный экземпляр Конституции КНР.

Таким образом, в обеих странах государственные символы (флаг, герб), законодательные символы (Конституция), относящиеся к числу объединяющих знаков на политическом и юридическом уровне, выполняют важнейшую функцию

– *прямое замещение государства как глобального социального института¹ политической персоной* и «самоидентификация личности политика с нацией, своеобразная “метка своей территории”, олицетворение независимости и суверенитета страны» [Романов, 2002].

Рисунок 7. Инаугурация Председателя КНР Си Цзиньпина (2018 г.)

Принципиально важным в этой связи оказывается колористический компонент, поскольку цвет (и пространственных, и артефактных знаков) не только ярко репрезентирует специфику этноментальной картины мира, но и нередко служит «проводником» идеологем и аксиологем национального коллектива. Неслучайно цвет является одновременно естественным и искусственным (сознательно конструируемым) символом: «Цвета стратегически использовались в символике с древнейших времен, значительно варьируясь в разных этнокультурах» [Астафурова, Олянич, 2008, с. 97].

В процессе исторического развития цивилизаций национальное сообщество распознавало и когнитивно осваивало явления объективного мира с последующим закреплением в знаках-колоремах, поэтому символическое значение различных цветов, сформированное на протяжении веков, конечно, обусловлено природными, историческими, культурными, социальными и (что особенно важно!) политическими условиями развития этносов. В результате в культурно-

¹ Отметим, что до сегодняшнего дня единого и общепризнанного определения понятия «государство» не существует (см.: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/39/%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%>).

колористической традиции каждого народа сложились неосознаваемые соответствия между цветом и институциональными нормами, а цветовая индикация сообщения как главный информационный и воздействующий вектор стала чрезвычайно значимой для успешной институциональной коммуникации [Кульпина, 2001].

Очевидно, что политический ритуал инаугурации наполнен *знаками-колоремами*. С одной стороны, отбор и использование колористического элемента зависит от приверженности национальности определенному цвету и культурной традиции в целом, с другой стороны – знаки-колоремы выступают в роли институциональных директив: их, опираясь на социальные стереотипы и этнопсихологические ассоциации, намеренно используют для реализации идеологической функции и воздействия на социум.

Так, функцию основного колористического символа государства выполняет его флаг¹. Флаг РФ представлен бело-сине-красным полотнищем², где «расположение полос совпадало с древним пониманием строения мира: красный цвет внизу символизировал физическое, плотское начало (любовь); выше – синий как цвет небес (надежда); еще выше – белый как мир божественный (вера)» [Астафурова, Олянич, 2008, с. 111]. В настоящее время чаще всего используется следующая трактовка значений составляющих его цветов: «Белый цвет означает мир, чистоту, непорочность, совершенство; синий – цвет веры и верности, постоянства; красный цвет символизирует энергию, силу, кровь, пролитую за Отечество» [Астафурова, Олянич, 2008, с. 111]. Государственный флаг КНР окрашен в красный цвет, символизирующий революцию, победу и прогресс, пять пятиконечных звезд на флаге и их соотношение символизируют единство революционного народа под руководством КПК.

¹ Напомним, что слово «флаг» в России стало широко используемым со времён Петра I. До этого употреблялись исключительно лексемы «знамя», «стяг», «хоругвь», «прапор».

² Отметим, что первым официальным государственным флагом Российской империи стал чёрно-жёлто-белый флаг, утверждённый указом императора Александра II в 1858 г. Однако начиная с XVIII века де-факто статус национального флага (как в России, так и за рубежом) был именно у бело-сине-красного флага, что и подтвердил законодательно император Николай II в 1896 г.

Меняющиеся на протяжении истории цвета зала, служащего сегодня для церемонии инаугурации Президента РФ, отражают трансформацию политических институтов и идеологических воззрений общества. В 90-е годы цветовая гамма зала в основном красно-синяя, символизирующая исторические преобразования и независимость; в 2000 году на фоне политических перемен главным цветом со значением новой надежды и жизнеспособности служит зеленый [Гуз, 2010, с. 68]. С 2004 года фоновые цвета зала соответствуют колористике государственного флага с золотыми «вкраплениями» (отсылка к цвету православных церковных куполов и монархических символов России), при этом подиум и трибуна выделяются белым цветом. В славянской мифологии значения белого цвета – это ‘прозрение, чистота, невинность, непорочность, святость, священность, спасение и духовная власть’, он символизирует свободу от препятствий, разрешение проблем и новое начало. Соответственно, цветообозначение места лидера государства маркирует прозрачность и справедливость политической системы, а золотые элементы подчеркивают духовно-историческую неразрывность российской государственности и способствуют усилению чувства торжественности.

Доминирующий цвет в ритуале инаугурации китайских лидеров – красный: ковер, трибуна, подиум и десять больших красных флагов на желтом фоне. Как известно, красный, являющийся любимым цветом китайцев и почитаемый ими как культурный тотем, предмет духовного поклонения, играет важную роль в общественной жизни народа и политической сфере.

Приверженность китайцев красному цвету имеет долгую историю в этнокультуре: во-первых, китайцы испокон веков поклонялись цвету солнца и крови, символизирующему силу, свет и жизнь, и в связи с красным цветом этих трех объектов поклонения люди перенесли благоговение перед природой и жизнью на поклонение красному цвету; во-вторых, растение красного цвета, используемое для получения красной краски, было более доступно в природе (некоторые исследователи полагают, что иероглиф 红 / ‘красный’ изначально обозначал растение).

Одной из самых древних символических систем в китайской культуре является учение о пяти первых элементах. Пяти первоэлементам – воде, огню, дереву, металлу и земле – соответствуют определенные цвета: черный, красный, сине-зеленый, белый и желтый. Во времена феодального общества, при династии Чжоу, согласно пяти первоэлементам, поощрялась добродетель огня с соответствующим цветом – красным.

Конфуций утверждал, что красный цвет является цветом элегантности и одновременно олицетворяет ортодоксальность, поэтому он наделен особым символическим значением и может использоваться только императорским домом¹. В период династии Тан и Сун качество керамики, продаваемой за границу, было настолько красной, что иностранцы называли ее «китайской красной», и с этого времени красный цвет перестал быть привилегией императорского дома, а стал доступным для всех. В эпоху династии Мин красный цвет стал по-настоящему использоваться в обыденности, поскольку он ассоциировался с непрерывностью жизни и использовался для празднования таких базовых бытийных событий, как брак и рождение ребенка.

После основания КНР почитание красного цвета было подкреплено тем, что, согласно международной конвенции, красный цвет указывает на принадлежность к политической партии коммунистов и олицетворяет значение новой силы, свободы и рабочего движения.

Можно утверждать, что с древнейших времен до наших дней красный цвет, выступая и как символ могущества императорской власти, и как символ счастья в общественной жизни, прочно запечатлен в культурной памяти китайского народа. Представляется, что сочетание эстетического и идеологического значений красного цвета, детерминирующее психосоматические, социальные и институциональные процессы, во многом предопределяет отношение

¹ Начиная с династии Хань, цветом императорского дома становится еще и желтый цвет, символизирующий благородное происхождение.

современного социума и к процедуре инаугурации, и к первому лицу государства, и к высшей власти в целом¹.

Аудитивные знаки

Аудитивные знаки, как универсальное, не ограниченное рамками языка и культуры средство фиксации, хранения и передачи специфических сигналов между людьми, выполняют «информационно-коммуникативную функцию, являющуюся генеральной, что позволяет, воздействуя прежде всего на эмоциональную сферу личности, культивировать нравственные устои общества» [Лазутина, 2008, с. 68]. В связи с этим основная задача музыкального сопровождения процедуры инаугурации в обеих странах – пробудить положительные эмоции, создать торжественно-праздничную атмосферу, при этом принципиальными оказываются *аллюзии к историческим этапам становления государства*.

В РФ при вносе государственного флага России, штандарта и знака Президента, специального экземпляра Конституции исполняется военный марш²; после двенадцатого удара Кремлевских Курантов новоизбранный президент под звуки фанфары П. Овсянникова «Наш президент» и Коронационного (торжественного) марша П.И. Чайковского³ входит в Андреевский зал Большого Кремлевского дворца и поднимается на подиум. По окончании объявления Председателя Конституционного суда РФ о вступление главы государства в должность звучит государственный гимн России. Завершение инаугурационного обращения президента сопровождается хором «Славься» из оперы М.И. Глинки «Иван Сусанин» («Жизнь за царя»), в то же время со стороны Кремлевской набережной производится артиллерийский салют из 30 залпов, символизирующий воинскую почесть главе государства. После окончания смотра (парада) Президентского полка на Соборной площади Московского Кремля звонят колокола на колокольне Ивана Великого.

¹ Мы отмечали ранее, что на трибуне вместе с Председателем КНР находятся и другие политические лидеры.

² В разные годы звучали «Марш Преображенского полка», «Встречный марш», строевой марш Н. Иванова-Радкевича и др.

³ С 2008 г.

Отметим, что колокольный звон играет особенную роль в инаугурации российских президентов: с 2000 года звучание Кремлевских Курантов маркирует вход новоизбранного президента в зал инаугурации. Колокольный звон в качестве религиозного и государственного символа выполняет разные функции – церковные и светские [Шумихина, 2003], и тем самым становится частью национального самосознания. С одной стороны, звук колокола для русского человека является «гласом Самого Господа, призывом к соборному единению в духе как идеальному состоянию Вселенной, к которому вели Русь идея Троицы и идея Софии» [Колесова, 2007], «распространяет» святость и вселенский порядок на все пространство; с другой стороны, звук колокола издавна был «голосом Родины, воспевающим ее силу и красоту и призывающим исполнить долг перед ней, символом единения и гражданского долга, независимости и величия государства» [Пухначев, 1991].

Отличительной чертой русского колокольного звона является их звучность и певучесть. В эстетическом смысле колокольный звон является музыкальной традицией России, «излучающей огромную духовную энергию, заключающей в себе суть нравственной идеи жизни нации, смысл ее существования» [Шумихина, 2003]. В российской традиции колокольным звучанием обычно «приветствовали победителей, даже без него не обходилось ни одно праздничное шествие» [Владимировна, 2008, с. 70]. Поэтому главное предназначение звона колоколов (Кремлевских Курантов) в церемонии инаугурации – возвешение о времени возлагать государственную власть на нового лидера страны. Колокольный звон здесь выполняет функцию своеобразного «невербального пика» (по массиву звучания) в аудиальном пространстве, соответственно, усиливает торжественность и ритуальность инаугурации.

Семасиологически звучание колокола, бесспорно, оказывается неизменным с течением времени и «пространственно неориентированным» [Андреева, 2000, с. 111], благодаря чему колокольный звон способен соединять времена и эпохи в исторической ленте. Именно такой аудитивный знак, находясь как бы вне хронотопа, воплощает и усиливает характерологический признак

инаугурационного дискурса – вневременность, обеспечивая преемственность и стабильность перехода политической власти.

В сравнении с обилием аудитивных знаков на российской церемонии инаугурации, в инаугурации китайских лидеров звуковых символов существенно меньше. Перед принесением присяги в зале Ваньжэн Далитан горнисты Военного оркестра Народно-освободительной армии Китая трубят о старте процедуры присяги посредством специальной фанфары для ритуала присяги; под ритм строевого шага три солдата Почетного караула на подиуме для президиума проносят специальный экземпляр Конституции КНР и возлагают его на трибуну; все собравшиеся хором исполняют гимн Китая под аккомпанемент военного оркестра; новоизбранный председатель подходит к трибуне для принесения присяги под звуки специальной фанфары на выход председателя. В заключительной части инаугурации (по окончании заседания) также звучит государственный гимн КНР.

В 2018 году для церемонии принесения присяги Военным оркестром Народно-освободительной армии были специально написаны два музыкальных произведения – фанфара для ритуала присяги и фанфара на выход председателя. Когда новоизбранный лидер страны подходит к трибуне для принятия присяги, звучит звонкий и страстный гудок рожка, создающий фон церемонии принятия присяги более торжественным. Перед актом произнесения присяги фанфара указывает на наступление священного момента в жизни общества в целом.

Детальное описание аудитивных знаков инаугурационного дискурса России и Китая представлено в таблице 5 (КНР) и таблице 6 (РФ).

Таблица 5. Аудитивные знаки инаугурационного дискурса КНР

Председатель	Цзян Цзэминь	Цзян Цзэминь	Ху Цзиньтао	Ху Цзиньтао	Си Цзиньпин	Си Цзиньпин	Си Цзиньпин
Год	1993	1998	2003	2008	2013	2018	2023
Основная часть инаугурации						Горнисты Военного оркестра НОАК трубят о старте процедуры	Горнисты Военного оркестра НОАК трубят о старте процедуры

Окончание таблицы 5

Основная часть инаугурации						принесения присяги посредством фанфары для ритуала присяги	принесения присяги посредством фанфары для ритуала присяги
						Исполняется государственный гимн КНР под аккомпанемент военного оркестра	Исполняется государственный гимн КНР под аккомпанемент военного оркестра
						Новоизбранный председатель подходит к трибуне для принесения присяги под звуки фанфары на выход председателя	Новоизбранный председатель подходит к трибуне для принесения присяги под звуки фанфары на выход председателя
Заключительная часть инаугурации	По окончании заседания звучит государственный гимн КНР	По окончании заседания звучит государственный гимн КНР	По окончании заседания звучит государственный гимн КНР	По окончании заседания звучит государственный гимн КНР	По окончании заседания звучит государственный гимн КНР	По окончании заседания звучит государственный гимн КНР	По окончании заседания звучит государственный гимн КНР

Таблица 6. Аудитивные знаки инаугурационного дискурса РФ

Президент	Б.Н. Ельцин	Б.Н. Ельцин	В.В. Путин	В.В. Путин	Д.А. Медведев	В.В. Путин	В.В. Путин
Год	1991	1996	2000	2004	2008	2012	2018
Начальная часть инаугурации	Под звуки фанфары президент подходит к трибуне	При вносе государственного флага России, штандарта и знака Президента, специального экземпляра Конституции и РФ исполняется военный марш	При вносе государственного флага России, штандарта и знака Президента, специального экземпляра Конституции и РФ исполняется военный марш строевой «Встречный марш»	При вносе государственного флага России, штандарта и знака Президента, специального экземпляра Конституции и РФ исполняется военный марш строевой «Встречный марш»	При вносе государственного флага России, штандарта и знака Президента, специального экземпляра Конституции и РФ исполняется военный марш строевой «Встречный марш»	При вносе государственного флага России, штандарта и знака Президента, специального экземпляра Конституции и РФ исполняется военный марш строевой «Встречный марш»	При вносе государственного флага России, штандарта и знака Президента, специального экземпляра Конституции и РФ исполняется военный марш строевой «Встречный марш»

Окончание таблицы 6

Заключительная часть инаугурации				На военном параде Президентский оркестр исполняет «Парадный марш»	На военном параде Президентский оркестр исполняет «Парадный марш»	На военном параде Президентский оркестр исполняет «Парадный марш»	На военном параде Президентский оркестр исполняет «Парадный марш»
				По окончании парада звонят колокола на колокольне Иван Великий	По окончании парада звонят колокола на колокольне Иван Великий	По окончании парада звонят колокола на колокольне Иван Великий	По окончании парада звонят колокола на колокольне Иван Великий

Кинесические знаки

Кинесика в широком смысле понимается как наука о языке тела и его частей (собственно жесты, выражения лица (мимика), позы, тело движения и манеры), а в узком смысле – как *учение о жестах* [Крейдлин, 2002, с. 43] Неслучайно среди всех кинесических знаков наиболее изучена жестикуляция¹, которая сопровождает речь: жесты занимают определенное место в культуре и выполняют в ней значительную роль [Крейдлин, 2002, с. 51].

Жест как знак невербального человеческого поведения в широком смысле означает «действовать» [Крейдлин, 2002, с. 47]; А. Кендон рассматривает жест как видимое действие, использующееся в качестве высказывания или части высказывания [Kendon, 2004, р. 7]. В нашем исследовании мы опираемся на следующее определение жест – «телодвижение, особенно движение рукою, сопровождающее речь или выражающим её» [Ожегов, 1999].

Ритуальность процедуры инаугурации актуализирует в большей степени группу именно *жестовых знаков*, которые, формализуясь через движения рук / тела, расширяют / уточняют / замещают коннотат (или даже денотат) вербальной единицы (вплоть до высказывания) и тем самым экземплифицируют некие

¹ Лексема «жест», в первую очередь, используется для описания поведения человека в религиозных ритуалах и встречается в ранних трактатах по риторике выступления. По мере развития философской и психологической мысли данным термином постепенно обозначают одну из естественных форм выражения смысла и рассматривают как знак повседневного невербального человеческого поведения. При помощи жестов можно выражать мысли и эмоции, передать информацию и идеи, отражать культурные особенности и др. В то же время под действием изменяющихся социальных и культурных условий изменяется жестовое поведение людей.

ментальные образы коммуникантов. На сегодняшний день не существует единой классификации жестов¹, однако в соответствии с соотношением между означаемым и означающим наиболее часто разграничивают три группы жестов – эмблемы (или символы), иллюстраторы и регуляторы [Крейдлин, 2002]. В контексте инаугурационных дискурсивных практик РФ и КНР выделим:

- жесты-эмблемы, имеющие языковой эквивалент и самостоятельное значение, куда включаются (1) *этикетные жесты-эмблемы* и (2) *ритуальные жесты-эмблемы*;

- жесты-иллюстраторы, выступающие вместе с каким-то фрагментом речи, которые делятся на (3) *изображающие жесты (пиктографы)*, схематически обрисовывающие форму или размер предмета высказывания, и (4) *акцентирующие жесты (указатели)*, служащие для «подкрепления» эмфатического фокуса высказывания;

- *жесты-регуляторы* (5), используемые для контроля или координации общения.

(1) *этикетные жесты-эмблемы* интенсивно используются для выражения приветствия, уважения и благодарности в начальной и заключительной части инаугурации как в РФ, так и в КНР. Так, самым важным для выражения уважения или благодарности в официальных ситуациях (и самым древним по происхождению) следует считать жест *‘поклон’*, который может быть реализован в трех видах – легкий, обычный и глубокий поклон², однако в инаугурационной церемонии РФ и КНР частотность и вид поклона оказываются неодинаковыми.

¹ Так, Д. Эфрон выделяет три типа жестов: эмблемы, имеющие самостоятельное лексическое значение; иллюстративные жесты, выступающие в коммуникативном акте вместе с речью; жестами регулятора, выступающие как вместе с речью, так и без нее [Efron, 1972]. Иллюстративные жесты разделены на следующие подгруппы: идеографические жесты, жестовые ударения, дейктические жесты и изобразительные жесты. Базируясь на классификации Д. Эфрона, Г. Е. Крейдлин подробно разделяет иллюстративные жесты на подгруппы с функциональной точки зрения: 1) жестовые ударения, которые в основном представляет собой движение рук и головой, обычно сопровождающие сильное речевое ударение; 2) дейктические (указательные) жесты, дополнительно к вербальному сообщению указывающие на человека, объект, размер, место и т.д; 3) пространственные маркеры – это кинемы, описывающие разнообразные пространственные отношения; 4) временные маркеры составляют весьма ограниченный в количественном отношении класс иллюстративных жестов, описывающих референтные временные отношения; 5) идеографические жесты, предназначенные описывать ход мысли; 6) кинетографы, изображающие произвольные действия [Крейдлин, 2002, с. 118-122].

² В реальной действительности видов поклонов можно выделить больше.

Китайские председатели выполняют *глубокие поклоны* (рис. 8), как минимум, в трех ситуациях: после объявления результатов подсчета голосов, непосредственно перед инаугурационным обращением и после него. Исполнение поклона китайских председателей обычно выполняется следующим образом: перед поклоном жестикулирующий взгляд на адресатов, руки остаются прямыми, туловище наклоняется под углом 45 градусов, руки разводятся вдоль туловища, голова опускается вниз так, чтобы лицо оказалось параллельно полу. Такой глубокий поклон, достаточно длительный по времени, воплощает собой в соответствии с китайскими культурными традициями выражение уважения и искренней благодарности лидера народу.

В РФ данный жест в качестве знака вежливости российских президентов используется только по окончании инаугурации и реализуется коротким *обычным* (или *легким*) *поклоном* (рис. 9)¹.

Рисунок 8. Жест 'поклон' в КНР (2018 г.) **Рисунок 9.** Жест 'поклон' в РФ (2018 г.)

Значение жеста '*рукопожатие*', частотно используемого как в РФ, так и в КНР, учитывая важные смысловые компоненты взаимности и симметрии, зависит от хронологического компонента акта инаугурации и статуса актора, к которому этот жест обращен.

Так, рукопожатие между российским президентом и основными участниками в начальной части процедуры кодирует приветствие (жест адресован стоящим на подиуме лицам – предыдущему лидеру страны, Председателю Конституционного

¹ Специфическим маркером невербального поведения В.В. Путина следует считать жест '*кивок*', репрезентирующий приветствие и доброжелательное отношение к аудитории – например, при прохождении Александровского и Андреевского залов в начальной части церемонии (данный жест отсутствует и у Б.Н. Ельцина, и у Д.А. Медведева).

суда РФ, Председателю Совета Федерации ФС РФ и Председателю Государственной Думы ФС РФ), тогда как в заключительной части – благодарность (избранный президент обменивается рукопожатием с отдельными зрителями¹, обладающими высоким социальным статусом – например, Патриархом Московским и всея Руси).

Рукопожатие между китайским председателем и другими политиками служит знаком ответа на поздравления и благодарность (после объявления нового избранного председателя): в сравнении с РФ китайские лидеры обмениваются рукопожатиями с меньшим количеством людей.

Рукопожатие нового и предыдущего глав государства используется в обеих странах для наглядной демонстрации мирного перехода власти и преемственности политической линии² (рис. 10, 11).

Рисунок 10.

Жест 'рукопожатие' в КНР (2003 г.)

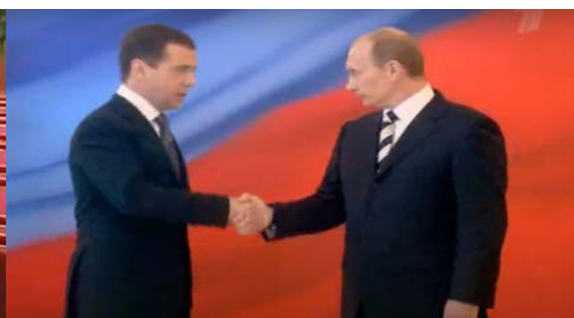

Рисунок 11.

Жест 'рукопожатие' в РФ (2012 г.)

Отметим, что нередко для усиления эмотивности акта жест 'рукопожатие' (соединение *правых* рук) сопровождается прикладыванием *левых* рук, увеличением силы сжатия (*крепко жать руку*), потряхиванием соединённых рук и хлопанием по плечам, при этом глава государства протягивает руку первым, демонстрируя исключительное право контроля над ситуацией.

Жест '*махать рукой*', бесспорно, свойственный китайской культуре, в ритуале инаугурации не используется. В России данный жест, реализуемый на публичной дистанции, хотя и означает приветствие и расположение к аудитории,

¹ Выбор таких лиц не фиксирован, а зависит от решения главы государства.

² Как известно, рукопожатие с древних времен используется для демонстрации отсутствия оружия и мирных намерений, а открытая ладонь ассоциируется с доверчивостью, искренностью, честностью и преданностью.

но «содержит в своей семантической структуре императивный компонент» [Крейдлин, 2002, с. 453], маркирующий «право на власть» (например, использование этого жеста В.В. Путиным в адрес зрителей по завершении церемонии в 2018 г. перед смотром Президентского полка, рис. 12).

Рисунок 12. Жест *‘махать рукой’* в РФ (2018 г.)

Жест *‘аплодисменты’*, напротив, отсутствует в инаугурационной церемонии РФ, тогда как в КНР новоизбранный председатель обязательно произносит эпидейктическую речь в адрес предшественника, поворачивается всем телом к местонахождению предыдущего лидера, указывает на него правой ладонью и выражает свое почтение громкими продолжительными аплодисментами, призывая аудиторию аплодировать вместе с ним (рис. 13, 14).

Рисунок 13.

Жест *‘аплодисменты’* в КНР (1993 г.)

Рисунок 14.

Жест *‘аплодисменты’* в КНР (2003 г.)

Отметим, что во время ритуала инаугурации новоизбранные председатели КНР внешне кажутся спокойными и даже непроницаемыми, и их лица остаются бесстрастными, а мимика почти неподвижной. Очевидно, что жесты подчеркнута лаконичны и минимизированны (рис. 15), тогда как эмоции предыдущих лидеров оказываются более эксплицированными: в 1993 г. после благодарственной речи

Цзян Цзэминь повернулся к Ян Шанкуню и выразил свое почтение продолжительными аплодисментами, в то же время Ян Шанкунь подошел к Цзян Цзэминю, они пожали друг другу руки и обнялись, демонстрируя особую степень дружественности между лидерами страны; в 2003 г. Ху Цзиньтао повернулся к Цзян Цзэминю и выразил свое почтение продолжительными аплодисментами, в то же время Цзян Цзэминь, отвечая, активно аплодировал «в разные стороны»; в 2013 г. Си Цзиньпин повернулся к Ху Цзиньтао и выразил свое почтение продолжительными аплодисментами, в то же время Ху Цзиньтао в знак уважения многократно кланялся аудитории «в разные стороны».

Рисунок 15. Жест 'аплодисменты' в КНР (2013 г.)

Особенно интересным для семиотического описания является наличие в обеих инаугурационных церемониях этикетных жестов-эмблем, выражающих одинаковое значение – приветствие, но имеющих разную «семасиологическую окрашенность»: жест *'рукопожатие'*, физически демонстрирующий личную дистанцию между акторами, психологически маркирует дистанцию социальную, тогда как жесты *'махать рукой'*, *'поклон'* и *'аплодисменты'* не только сохраняют публичную дистанцию, но и подчеркивают особый статус лидера.

(2) *Ритуальные жесты-эмблемы*, совершаемые в момент принесения присяги, имеют для национальной группы особое символическое значение [Махлина, 2009].

В современное время присяга рассматривается как вербальный ритуал, однако этимология лексемы «присяга» свидетельствует о том, что первоначально в основе лежало не слово, а жест, телодвижение: «*присяга* (праславянское) связано с праславянским глаголом *prisęgati*, образованным от слова *sięgati* (*seęati*) –

‘касаться’, имеющего смысл корня *sæg- – прикосновение рукой» [ЭССЯ, 1983, с. 38]. Можно утверждать, что в ритуалах присяги именно жест играет значительную роль: сам ритуал базируется на прикосновении к обрядовому символу, которым может быть земля, оружие, священный камень (в древности) или Конституция, флаг, герб – в современное время. Глубинным психологическим мотивом речевого акта «присяга», сопровождающегося ритуальным жестом, является потребность индивида в доверии со стороны адресатов, которая и трансформируется в целевую установку, связанную с установлением искомого доверия. Данная целевая установка в вербальных и невербальных формах, использующихся в инаугурационном дискурсе, обеспечивают утверждение единства мысли, слова и дела главы государства с помощью жеста, выражающего готовность подвергнуть себя каре в случае нарушения присяги [Чесноков, 2013, с. 4].

В 1991 г. Б.Н. Ельцин произнес присягу перед Конституцией РСФСР и Декларацией о государственном суверенитете РСФСР, приложив правую руку к сердцу для выражения искренности¹; с 1996 года президенты РФ используют новый жест во время принятия присяги – кладут правую руку на специальный экземпляр Конституции РФ (рис. 16).

Рисунок 16. В.В. Путин приносит присягу народу России (2018 г.)

Как известно, традиция возложения рук, как священнодействие, которая показывает благословение, «служит символом передачи власти, предоставлением права совершать священнослужение» [ЭСБЕ, с. 889-890]. Данный жест – возложение руки на Конституцию страны – в процессе инаугурации символизирует

¹ В мемуаристике есть свидетельства, что это был спонтанный, «незапланированный» жест.

легитимизацию власти новоизбранного президента и его преданность стране: вступающий в должность Президент клянётся соблюдать основной закон страны, он станет гарантом Конституции РФ, призванной защищать права всех граждан Российской Федерации. Новоизбранный президент кладёт на Конституцию именно правую руку, потому что с древних времен принято полагать, что правая рука символизирует честность, правдивость и открытость – качества, которые народ ценит в лидерах страны.

Ритуал принесения председателем Конституционной присяги Китая применяется только с 2018 года. При произнесении клятвы китайский лидер кладет левую руку на специальный экземпляр Конституции страны и поднимает правую руку, сжав пальцы в кулак (аналогичный жест является частью присяги при приеме гражданина в КПК). Четыре слабых (по отдельности) пальца и большой палец, соединённые вместе, превращаются в мощный кулак, который свидетельствует о силе, единстве, настойчивости и решительности. Неслучайно сжатый кулак нередко используется в качестве символа солидарности и борьбы за независимость в социалистических и национально-освободительных движениях¹. В Китае этот жест также напоминает смысл китайского фразеологизма 拳拳之心 / ‘истинное сердце’, тем самым глава КНР выражает верность Конституции, Родине и народу (рис. 17).

Рисунок 17. Си Цзиньпин приносит присягу народу Китая (2018 г.)

¹ Впервые *сжатый кулак* использовался коммунистами во время гражданской войны в Испании, шедшей между фашистами и коммунистами.

Таким образом, *ритуальные жесты-эмблемы*, совершаемые главами государств в момент принесения присяги (см. Приложение В), выполняют две основные функции – декларативную и инспиративную¹. Инспиративная функция актуализируется в инструментальности жеста присяги – вызвать у адресатов доверительную эмоцию, способствующую признанию новоизбранного лидера страны, и общее воодушевление масс; декларативная функция жеста присяги заключается в проявлении решимости главы государства соблюдения конституционных принципов дальнейших действий.

Как было описано ранее, главы двух государств – РФ и КНР – находятся за трибуной, выступающей в роли физического барьера между лидерами и аудиторией и нередко нивелирующей *жесты-иллюстраторы* первых лиц. Так, председатели КНР на протяжении всего инаугурационного обращения держатся руками за трибуну и практически не жестикулируют, в инаугурационном дискурсе президентов РФ можно вычленить *изображающие* и *акцентирующие жесты*, при этом частотность их различна.

(3) *изображающие жесты (пиктографы)*, выполняющие функцию иллюстрации содержания высказывания вне визуализации, предполагают некоторый *метафорический перенос* или *генерализацию*. Например, президент РФ², используя для описания значительных размеров российской территории риторическую фигуру амфитезы (В.В. Путин: *«И мы все должны понимать, что жизнь будущих поколений, историческая перспектива государства и нашей нации зависят сегодня именно от нас, <...>, от нашей настойчивости в обустройстве огромных российских пространств от Балтики до Тихого океана»* (2012 г.)), одновременно совершает движение правой рукой (слева направо) *вдоль грудной клетки* (рис. 18), тем самым актуализируются не только границы РФ, но и значимость (сердечная зона) страны для первого лица.

¹ См. в этой связи работу З.Н. Сиразиевой [Сиразиева, 2016].

² Изображающие жесты свойственны в большей степени В.В. Путину.

Рисунок 18. Изображающий жест В.В. Путина (2012 г.)

(4) *акцентирующие жесты (указатели)* представляют собой движения рук, синхроничные с актуальной речью¹. Основным назначением такого рода жестов является кинетически акцент на смысловых элементах высказывания, выделение информационного центра фразы, что позволяет более четко структурировать речевой поток. См. фрагмент речи В.В. Путина в 2018 г.: *«Потому что только так можно сформировать абсолютно необходимые условия для созидания и развития и, **очень важно**, атмосферу взаимной ответственности, поддержки и доверия в обществе Каждому **важно** понять, что только наша активная включённость в дела страны будет умножать энергию обновления, что эту работу не сделает за нас никто, что ведущая сила преобразований – это все мы, граждане России»*. Когда президент дважды произносит лексему *важно*, он также два раза поднимает указательный палец (рис. 19): очевидно, что это кинетическое движение предшествует эмфатическому фокусу, и рематический компонент высказывания оказывается подчеркнутым не только просодикой, но и невербальным символом. И далее: *«Мы **обязательно добьемся успеха!** (жест ‘кивок’) Верю, **так и будет!** (жест ‘хлопок правой рукой’)»* (рис. 20). Кивок головой есть невербальное подтверждение уверенности президента в своих словах и призыв к аудитории разделить эту уверенность; указательное местоимение *так* подкрепляется «сглаженным» хлопком по трибуне, подчеркивающим императивную тональность высказывания и визуально формирующим образ «сильной руки» лидера.

¹ Неслучайно Г.Е. Крейдлин называет их жестовыми ударениями [Крейдлин, 2002, с. 118].

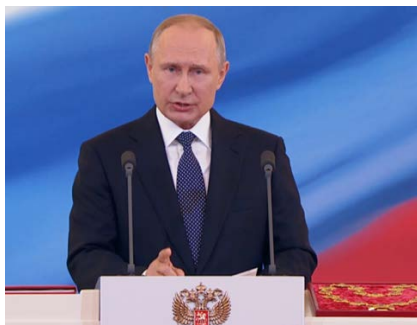

Рисунок 19.

Акцентирующий жест В.В. Путина (2018 г.)

Рисунок 20.

Акцентирующий жест В.В. Путина (2018 г.)

(5) *регулирующие жесты* (как способ контроля над коммуникацией или ее координации) были выявлены только в инаугурационном дискурсе В. В. Путина: перед объявлением об официальном начале инаугурации ведущий – Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин – поворачивается в сторону местонахождения президента, в то же время президент производит незначительное движение рукой вверх, сообщая тем самым коммуниканту о своей готовности к процедуре (рис. 21). Принципиально, что аудитория «прочитывает» этот жест как знак *реального контроля* над процессом в целом.

Рисунок 21. Регулирующий жест В.В. Путина (2018 г.)

Проведенный анализ «включенности» кинесических знаков демонстрирует общность/специфичность используемых жестов в инаугурационных дискурсивных практиках РФ и КНР, обусловленных как этноментальными особенностями, так и идиопрелюбностями лидеров. В качестве «паннациональных» знаковых элементов назовем жесты-эмблемы, имеющие, однако, различное семиотическое воплощение (и, соответственно, значение) как в этикетном, так и в ритуальном подвидах (глубокий/обычный поклон, способ выражения благодарности через жест

‘махать рукой’ или аплодисменты, символическое значение положения руки при произнесении присяги народу); в качестве знаков, маркирующих конкретный лингвокультурный универсум, – жесты-иллюстраторы и жесты-регуляторы, выявляемые в инаугурационном дискурсе России и отсутствующие в Китае.

Бесспорно, что общность и специфичность использования кинесических знаков российскими и китайскими лидерами в инаугурационных дискурсивных практиках существенно зависят не только от личностных характеристик самого жестикулирующего, но и от процедуры организации политического ритуала инаугурации и её композиционной структуры. Соответственно, важнейшим фактором интерпретации жеста является контекст, его реальные физические или социальные свойства.

Вследствие того, что церемония инаугурации вступления в должность в РФ состоит из большего числа композиционных элементов, чем в КНР, контексты используемых жестовых знаков оказываются более многообразными, что изменяет общую «палитру» кинесического поведения российских и китайских лидеров (см. Приложение Г). Так, в начальной части инаугурации, включающей приветственный ритуал и объявление о выступлении в должность главы государства, и в РФ, и в КНР активизируются этикетные жесты-эмблемы¹, при этом в РФ возможно употребление жестов-регуляторов. Очевидно, что кинесические способы реализуют фатическую и регулятивную функцию, обеспечивая решение основной задачи – установить контакт с аудиторией, расположить зрителей к себе и одновременно контролировать этапы церемонии. Основная часть, разделенная на акт принесения присяги и инаугурационное выступление, характеризуется демонстрацией ритуальных жестов-эмблем и жестов-иллюстраторов², помогающих привлечь внимание слушателей к главной мысли выступления и создать у них определенное настроение, тем самым реализуются экспрессивная, информативная и изобразительная функции дискурсивной практики. Для заключительной части инаугурации характерен возврат к этикетным жестам-

¹ Еще раз отметим идиоспецифичность кинесических знаков предыдущих лидеров КНР.

² В РФ, при этом наблюдается их постепенная активизация: так, в 2004 г. выявлен только 1 жест-иллюстратор, в 2012 – 3 жеста-иллюстратор, в 2018 г. уже 7 жестов-иллюстраторов.

эмблемам, при этом число их незначительно, основная их функция – фатическая, способствующая созданию особого пафоса общенационального политического действия.

В диахроническом ракурсе использование жестов китайскими лидерами характеризуется явной инвариативностью и фиксированностью: в определенном контексте используются одинаковые жесты (например, при упоминании о бывшем лидере новоизбранный председатель всегда поворачивается туловищем в положение предыдущего лидера, поднимает правую ладонь в его направлении и аплодирует). В инаугурационных дискурсивных практиках президентов РФ наблюдается тенденция к тому, что с течением времени типы жестов, используемых российскими политиками, становятся более многообразными, а частотность оказывается более высокой.

2.3 Вербальные компоненты инаугурационного дискурса РФ и КНР

Как известно, естественный язык, будучи важнейшей из знаковых систем, сформированной в общественной истории и носящей «отпечаток» специфической этнокультурной среды, функционирует как средство закрепления отображенного человеком объективного мира. «Все языковые явления – от мельчайших единиц языка до целых высказываний – всегда функционируют как знаки, и только как знаки» [Якобсон, 2005, с. 139]. Особенностью языкового знака является его свойство двойного означивания, реализующееся посредством семиотического и семантического способа: семиотический способ означивания придает знаку статус целостной единицы, а под семантическим означиванием «разумеется такой способ означивания, который порождается речью» [Никитина, 2006, с. 59].

В этой связи можно выделить шесть типов вербальных знаков, наделенных в большей степени иконической (или собственно денотативной) / директивной / квалификативно-оценочной / презентационной семиотической нагрузкой: **знаки-персоналии, знаки-хронотопы, знаки-процессивы, знаки-ресурсы, знаки-квалификативы, знаки-интегративы** (включающие в себя *знаки-идеологемы*)¹,

¹ В выборе терминологии мы опираемся на монографию А.В. Олянича [Олянич, 2004, с. 401]

что позволяет выявить и описать многочисленны языковые группы (объединяющие лексемы на основании инвариантного компонента значения и дифференциальных признаков противопоставления), которые оказываются экспликантами важнейших для инаугурационного обращения (и, соответственно, для инаугурационной дискурсивной практики в целом) тематических блоков.

В инаугурационном дискурсе **знаки-персоналии** номинируют политических деятелей – субъектов инаугурации, а также граждан страны в аспекте их социальной роли. Адресанты, занимая высшую руководящую должность в государственном устройстве страны, представлены лексемами: РФ – *президент, глава государства*; КНР – *председатель/ 国家主席*.

В инаугурационных речах наблюдаются описательные характеристики лидера России. Б.Н. Ельцин определяет роль президента, исходя из понимания традиционных субъектов власти на Руси – Бога и монарха: *«Президент – не Бог, не новый монарх, не всемогущий чудотворец, он гражданин, облеченный огромной ответственностью за судьбу России, своих сограждан. Он прежде всего человек, которому оказано высшее народное доверие»* (Б.Н. Ельцин, 1991); В.В. Путин актуализирует вектор будущей политической деятельности: *«Как глава государства сделаю все, чтобы приумножить силу, процветание и славу России, чтобы оправдать запросы общества и надежды граждан страны»* (В.В. Путин, 2018); Д.А. Медведев стремится подчеркнуть должностные функции руководителя страны, ссылаясь слова присяги: *«Только что мной принесена президентская присяга, она даётся народу России, и в её самых первых строках – обязательство уважать и охранять права и свободы человека»* (Д.А. Медведев, 2008).

В политическом дискурсе РФ осуществляется вытеснение русского слова *председатель* заимствованным *президентом*, тогда как в КНР верховный лидер страны может именоваться только *председателем*. О становлении председательской системы в Китае свидетельствует необходимое изложение об обязанностях главы государства в инаугурационных выступлениях. Очевидно, что с 1993 по 2013 в начальной части речей новоизбранными председателями используется «закрепленная» конструкция: *«我深知，担任国家主席这一崇高的职*

务, 使命光荣, 责任重大。我一定忠诚地履行宪法赋予的职责, **恪尽职守, 勤勉工作, 竭诚为国家 and 人民服务, 不辜负各位代表 and 全国各族人民的重托**» / **Я прекрасно понимаю, что пост главы государства означает не только большую честь, но и высокую ответственность. Я буду неукоснительно выполнять установленные Конституцией полномочия, буду добросовестно выполнять свои служебные обязанности, работать прилежно, беззаветно служить Родине и народу, стараться оправдать доверие и надежды уважаемых депутатов и народов всей страны** (Ху Цзиньтао, 2003); **«担任中华人民共和国主席这一崇高职务, 使命光荣, 责任重大。我将... 做人民的勤务员»** / **Я прекрасно понимаю, что пост главы государства означает не только большую честь, но и высокую ответственность. Я буду... служить служителем народа** (Си Цзиньпин, 2018). В третьей инаугурационной речи Си Цзиньпин «смещает акценты», актуализируя фактор ‘доверие народа’: **«这是我第三次担任国家主席这一崇高职务。人民的信任, 是我前进的最大动力, 也是我肩上沉甸甸的责任»** / **Это третий раз, когда я был избран на этот величественный пост председателя КНР. Доверие народа является для меня самой большой движущей силой для движения вперед, а также большой ответственностью на моих плечах** (Си Цзиньпин, 2023).

В инаугурационных дискурсах РФ и КНР знаковая сущность главы государства отражается многопланово: глава государства, высшее место в системе органов государства, представитель политических партий, символ имиджа государства, гарант законности и др. Бесспорно, адресант выступает с речью как индивидуальный политик, но на самом деле он выступает «лицом» социального института, поскольку адресант в дальнейшем «предопределяет соблюдение установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм» [Чудинов, 2012, с. 54].

Адресаты инаугурационного дискурса представлены номинациями групп людей, соответствующими оценочной диаде ‘свой – чужой’ в разных контекстах: по отношению к внешней политике (свои – отечественные граждане, чужие – представители других стран); по отношению к внутренней политике (свои –

поддерживающие, чужие – оппозиционеры). См.: «Убежден, уйдет в прошлое порочная традиция делить себя на правых и виноватых, на **своих и чужих, на наших и не наших**» (Б.Н. Ельцин, 1991).

В инаугурационных речах лидеров РФ можно выделить следующие компоненты названных языковых групп:

(1) номинации членов общества, рассматриваемых как ‘свой’:

– людей по гражданской принадлежности: *граждане России, многонациональный народ, предки, соотечественники за рубежом, сограждане, соотечественники.*

В инаугурационном дискурсе показателен выбор обращения к адресатам, который свидетельствует о меняющейся политической системе России. Например, в 1991 году выступление Б.Н. Ельцина начинается обращением: «*Уважаемые граждане России! Народные депутаты! Соотечественники! Уважаемые гости!*»; речь В.В. Путина и Д.А. Медведева начинается одинаковым приветствием: «*Уважаемые граждане России!*», «*Дорогие друзья!*», однако в 2018 году добавляется «*Дамы и господа!*». Лексема *гражданин* используется в значении «лицо, принадлежащее к населению данного государства, пользующееся всеми правами и исполняющее все обязанности, установленные законами государства» [БТС, 1998, с. 222], а также в значении «человек, служащий родине, народу, обществу, заботящийся об общественном благе» [Мультимедийный лингвострановедческий словарь: эл. р.]. Такое обращение к слушателям вызывает чувства обязанности перед Россией и осознание сплочения. С одной стороны, президент, как высший руководитель страны, является не только ее представителем, но и ее «администратором», а аудитория – это народ страны и «участники дел» страны. С другой стороны, президент также является членом общества (но с большим влиянием). Лексема *друг* способствует сокращению дистанции между спикером и аудиторией и созданию дружественного имиджа. Президент пытается не только установить авторитет лидера, но и продемонстрировать близость к членам сообщества, что придает дискурсивной инаугурационной практике как институциональные, так и личностные характеристики.

– людей по статусу в семье и социальной группе: *сын, дочери, труженик, военный, творец, соратники по работе и по службе, сторонник, друзья, депутаты, представители любой профессии, представители всех уровней власти*. Здесь же вычленяется особая подгруппа – предыдущий глава государства (чья деятельность всегда оценивается положительно): *Первый Президент России Борис Николаевич Ельцин, Президент Владимир Владимирович Путин, Дмитрий Анатольевич Медведев*.

– людей по полу и возрасту¹: *дамы и господа, молодые люди, старшие поколения, малыши, дети, потомки*.

– социальных и государственных организаций: *институты гражданского общества, партия, конфессии, социальные группы, Верховный Совет, Совет Министров РСФСР*.

(2) номинации членов общества, рассматриваемых как ‘чужой’:

– людей других национальностей: *наши партнеры, другие народы*.

– организаций других стран: *другие государства*².

В инаугурационных речах лидеров КНР также можно выделить компоненты названных языковых групп:

(1) номинации членов общества, рассматриваемых как ‘свой’:

– людей по гражданской принадлежности: *中国人 (китайцы), 13 亿人 (1,3-миллиардное население), 同胞 (соотечественник), 全国各族人民 (представители всех национальностей страны), 海内外中华儿女 (китайские сыновья и дочери в стране и за границей), 中华民族 (китайская нация)*.

Китайские лидеры сравнивают страну с большой семьей, все соотечественники которой рассматриваются как «*中华儿女*» (сыновья и дочери китайской нации), демонстрируя «включенность» в коллективное сознание общества: «*维护国家主权和领土完整, 实现祖国完全统一, 是全体中华儿女共同*

¹ См.: «*На то, что молодые люди будут верны ценностям правды и справедливости, которые через всю свою жизнь пронесли наши старшие поколения, их знания, закалка, мудрость, опыт наставников, безусловно, будут востребованы*» (В.В. Путин, 2018).

² «*Это мы вместе сделали нашу Родину открытой страной. Страной, готовой к широкому, равноправному сотрудничеству с другими государствами*» (В.В. Путин, 2004).

愿望，是中华民族根本利益所在» / *Защита суверенитета и территориальной целостности, а также осуществление полного воссоединения страны являются общими стремлениями китайского народа* (Си Цзиньпин, 2018).

– людей по статусу в социальной группе: *全国广大工人、农民、知识分子 (широкие слои рабочих, крестьян и интеллигенции), 新一届国家机构工作人员 (новые кадры государственных учреждений), 国家机关工作人员 (работники госучреждений), 中国人民解放军全体指战员, 中国人民武装警察部队全体官兵 (весь командно-рядовой состав НОАК и Народной вооруженной милиции Китая), 一切非公有制经济人士和其他新的社会阶层人士 (все представители необщественного сектора экономики и других новых социальных слоев), 青少年 (молодежь и подростки)*. Здесь также вычленяется особая подгруппа – предыдущий глава государства (чья деятельность всегда оценивается положительно): *杨尚昆 (Ян Шанкунь), 江泽民 (Цзян Цзэминь), 胡锦涛 (Ху Цзиньтао), 习近平 (Си Цзиньпин)*.

– людей по политическому принадлежности¹: *爱国志士 (патриот), 老一辈无产阶级革命家 (пролетарские революционеры старшего поколения), 中国共产党人 (китайские коммунисты), 民主党派和无党派人士 (демократические партия и беспартийные деятели), 代表 (депутаты)*.

– социальных и государственных организаций: *государственные органы (各级国家机关)*.

(2) номинации членов общества, рассматриваемых как ‘чужой’:

– организаций других стран: *任何国家 (другие страны)*.

Поскольку инаугурационный дискурс является первым официальным контактом между избранным лидером и широкой аудиторией в стране и за рубежом, различные номинации адресатов характеризуются высокой частотностью (см. диаграмму 1). Среди номинаций адресатов инаугурационного дискурса РФ 72%

¹ Такой тип номинации встречается только в инаугурационном дискурсе КНР.

приходится на обозначение людей по гражданской принадлежности, 15 % – людей по статусу в семье и социальной группе, 4% – организаций других стран. Среди номинаций адресатов инаугурационного дискурса КНР 61% приходится на обозначение людей по национальности, 33 % – людей по политическому принадлежности, 1% – организаций других стран. Очевидно, что основными адресатами инаугурационного дискурса являются граждане страны – глава государства справедливо обращает внимание больше на «своих», а не на «чужих», при этом их вербальная репрезентация неодинакова: в КНР актуализируется национальная или политическая принадлежность членов общества, в РФ – наличие гражданства¹.

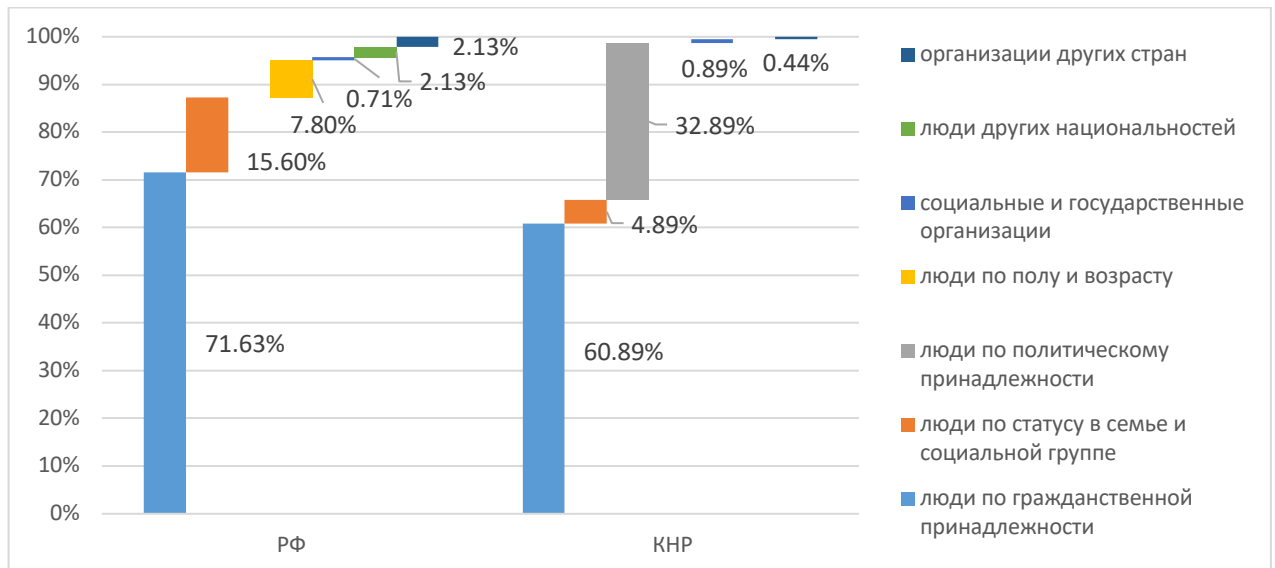

Диаграмма 1. Знаки-персоналии, номинирующие адресатов инаугурационного дискурса РФ и КНР

Знаки-хронотопы. Пространственно-временной континуум культуры отличается сложностью, многообразием вербальных и невербальных контекстов, диффузностью модальностей в социальных, ментальных и других аспектах человеческого бытия. «Хронотоп соединяет в себе три цвета времени (прошлое, настоящее, будущее), представляет элементарную и виртуальную единицу вечности» [Привалова, 2016, с. 247]. Во временном аспекте инаугурационный дискурс очерчен четко – прошлое время, настоящее время, будущее время, однако

¹ Вероятно, это обусловлено системой выборов национального лидера: в России – система прямых выборов, в Китае – система косвенных выборов (депутаты ВСНП).

в инаугурационных речах на фоне настоящего соединяется осмысление прошлого и будущего нации, иначе – отражается память, ожидание и созерцание, которые маркируются следующими номинациями:

В инаугурационных речах лидеров РФ:

(1) лексемы, выражающие прошлое:

– по ретроспективному признаку: *в предыдущие годы, прошедшие годы, наше прошлое, в 2000 году, в 1990-е и в начале 2000-х годов, в течение прошедших четырех лет, век, за последние восемь лет.*

Прошлое – упоминание о прошедших событиях и важных периодах в истории. Оглядываясь на историю, президент даёт обобщенную оценку историческим фактам: (отрицательную) *«Веками в нашей стране власть и народ были на разных полюсах. Не находя правды в жизни, люди пытались найти ее на небе или в мечтах о светлом будущем. Веками государственный интерес, как правило, ставился выше человека, его нужд и устремлений»* (Б.Н. Ельцин, 1991); (нейтральную) *«Прошедшие годы были для нас всех нелегкими. Прямо скажу: они были временем серьезных испытаний. Тогда, в 2000 году, очень многие проблемы казались просто неразрешимыми»* (В.В. Путин, 2004); (положительную) *«Всех, кто в течение прошедших четырех лет вносил свою долю **труда** в общие результаты нашей страны»* (В.В. Путин, 2004).

– по признаку уважения к истории и сохранения традиций: *самая славная история, великая история, тысячелетняя история, память.*

Обращаясь к прошлому, президент делает акцент на связи настоящего с историческим прошлым, что способствует повышению национальной идентичности на базе памяти истории и патриотизма. В.В. Путин упоминает об истории и культуре России как об источнике глубокого влияния на российский народ: *«Мы обязательно добьёмся успеха, если будем опираться на прочный фундамент культурных и духовных традиций нашего многонационального народа, на нашу **тысячелетнюю историю**, на те ценности, которые всегда составляли нравственную основу нашей жизни»* (В.В. Путин, 2000).

(2) лексемы, выражающие настоящее время:

– по признаку временной протяженности: *настоящее, сегодня, сегодняшний, сейчас, в переломное время, в переломную эпоху.*

– по признаку данного момента: *сегодня, сейчас, сегодняшний.*

Интересно, что в инаугурационном дискурсе лексемы *сегодня, сегодняшний, сейчас* включают как значение «текущий момент»: «*Новое качество жизни, благополучие, безопасность, здоровье человека – вот, что **сегодня** главное, вот, что в центре нашей политики*» (В. В. Путин, 2018), так и значение «в момент инаугурации»: «*Ради **сегодняшнего** торжественного события мы собрались **сегодня** здесь, в Кремле, в святом для нашего народа месте*» (В.В. Путин, 2004).

(3) лексемы, выражающие будущее время:

– по признаку перспективы: *ближайшее четырехлетие, будущее, ближайшие годы.* «*Я с оптимизмом смотрю в **будущее** и готов к энергичным действиям*» (Б.Н. Ельцин, 1991). В дискурсе инаугурации «будущее» не рассматривается как нечто неизведанное, оно прогнозирует видение этапов развития страны, отражает ожидание и надежду, оно с позиции российских президентов определено и несет в себе дальнейшее благополучие и процветание.

В инаугурационных речах лидеров КНР:

(1) лексемы, выражающие прошлое:

– по ретроспективному признаку: *过去的5年里 (за последние пять лет), 10年间 (за 10 лет), 五千多年来 (за более чем 5000 лет), 近代以来 (со современности).* «*过去的5年里, 我国改革开放和社会主义现代化建设取得了新的重大成就*» / *За последние пять лет Китай добился новых значительных успехов в области реформ, открытости и социалистической модернизации* (Цзян Цзэминь, 1993).

– по признаку уважения к истории и сохранения традиций: *五千多年文明史 (5000-летняя история), 在漫长的历史进程中 (на протяжении долгой истории), 在几千年历史长河 (на протяжении нескольких тысячелетий).* «*具有五千多年文明史的中华民族, 在历史上创造了无数辉煌, 也经历过许多磨难*» / *Китайская нация, имеющая более чем 5000-летнюю историю своей цивилизации, создала*

бесчисленные достижения в истории, а также пережила многочисленные горести и страдания (Си Цзиньпин, 2023).

– по номинации исторического / политического события: *十一届三中全会 (третий пленум ЦК 11-ого созыва), 十四大 (XIV съезд КПК), 党的十五大和九届人大一次会议 (15-й Всекитайский съезд КПК и первое заседание 9-го Всекитайского собрания народных представителей), 1954年9月15日 (15 сентября 1954 года), 新中国成立半个多世纪来 (с момента основания Нового Китая более полувека назад), 新中国成立以来特别是改革开放以来 (с момента основания Нового Китая, особенно после реформ и открытости), 中国共产党成立之后 (после своего основания Коммунистическая партия Китая). «中国共产党成立之后, 紧紧团结带领全国各族人民, 经过百年奋斗, 洗雪民族耻辱» / После своего основания Коммунистическая партия Китая, тесно сплачивая и ведя за собой многонациональный народ страны, столетней борьбой избавила китайскую нацию от позора (Си Цзиньпин, 2023).*

Образ прошлого конкретизируется с помощью вышеуказанных лексических единиц: китайские лидеры предпочитают излагать исторические политические события, такие как *основание Нового Китая, основание Коммунистическая партия Китая, пленум ЦК, Всекитайский съезд КПК, заседание ВСНП, решения на которых оказали важное влияние на развитие КНР. Вместе с тем председатели неоднократно упоминают тысячелетнюю китайскую цивилизацию, подчеркивая необходимость ценить историю, хранить цивилизацию и продолжать традиции.*

(2) лексемы, выражающие настоящее время:

– по признаку временной протяженности: *二十世纪 (в XX веке), 本世纪头 20 年 (первые 20 лет века), 今天 (сегодня). «今天, 我们伟大的祖国欣欣向荣, 发展前景无比美好» / Сегодня наша великая Родина процветает, и перспективы ее развития чрезвычайно радужны (Ху Цзиньтао, 2003).*

(3) лексемы, выражающие будущее время:

– по признаку перспективы: 今后的五年 (предстоящее пятилетие), 到本世纪末 (к концу этого века), 更加美好的未来 (лучшее будущее), 下一个五十年 (следующие пятьдесят лет), 到建国一百年时 (к 100-летию образования КНР), 到那时 (к тому времени), 从现在起到本世纪中叶 (с нынешнего момента до середины нынешнего века). «**到本世纪末, 使我们的国民经济再上一个新台阶**»/ **К концу этого века мы выведем нашу национальную экономику на новый уровень** (Цзянь Цзэминь, 1993).

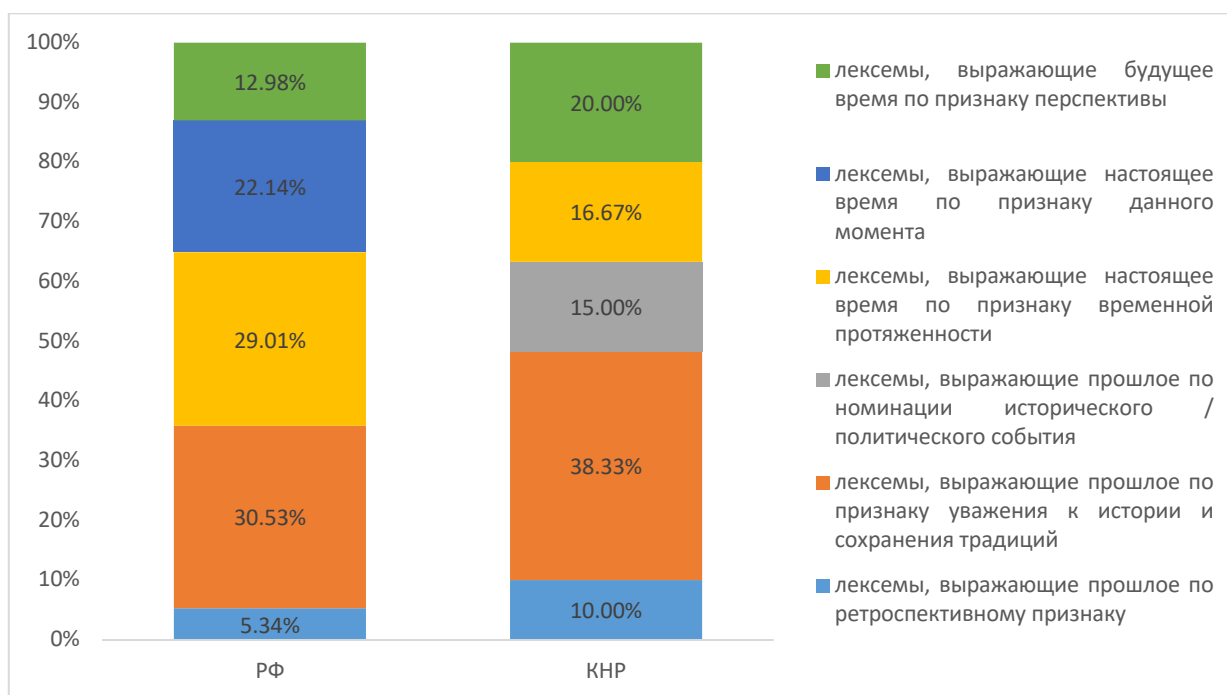

Диаграмма 2. Знаки-хронотопы инаугурационного дискурса РФ и КНР

Из диаграммы 2 следует, что процентное соотношение знаков-хронотопов, обозначающих настоящее, прошлое и будущее, приблизительно равно в инаугурационных дискурсах РФ и КНР, при этом большую долю составляет группа лексем, выражающих прошлое по признаку 'уважения к истории и сохранения традиций'. В инаугурационных обращениях лидеров КНР выделяется специальная группа лексем, номинирующих исторические / политические события: называя конкретные факты, глава государства акцентирует непосредственную преемственность политической линии страны, что способствует укреплению национальной идентичности. Лексемы настоящего времени отражают динамику происходящих событий и обеспечивают информативность и доступность

изложения для слушателей. Обращение к будущему в заключительной части речи располагает к тому, чтобы преисполнить уверенности адресатов в новом правительстве.

Знаки-процессивы в инаугурационных дискурсивных практиках РФ и КНР классифицируются на основании характера когнитивных действий адресантов – глав государств (и правительств стран от его имени). Отобранные вербальные единицы образуют четыре глагольные группы: (1) ‘познавательные действия’; (2) ‘физические и умственные действия’; (3) ‘действия, выражающие эмоции’; (4) ‘волевые действия’.

(1) ‘познавательные действия’: РФ – *осознать, понимать, хотеть, рассчитывать*; КНР – *深知 (прекрасно понимать), 明白(осознать)*. См.: «**Я понимаю, что взял на себя огромную ответственность, и знаю, в России глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, что происходит в стране**» (В.В. Путин, 2000); «**我深知, 担任国家主席这一崇高职务, 使命光荣, 责任重大**»/ **Я прекрасно понимаю, что пост главы государства означает не только большую честь, но и высокую ответственность** (Си Цзиньпин, 2013).

(2) ‘физические и умственные действия’: РФ – *делать, работать, служить, развивать, продвигать, сохранить, хранить, вступать, научиться, создавать, бороться, решать, использовать, строить, проводить, принять, справиться, расширять, охранять, приумножить, оправдать, добиться, реализовать*; КНР – *工作 (работать), 履行 (выполнять), 执行 (соблюдать), 践行 (претворить), 奉行 (проводить), 遵循 (следовать), 贯彻 (претворять в жизнь), 服务 (служить), 坚持 (придерживаться), 努力 (стремиться), 维护 (обеспечивать), 建设 (строить), 夺取 (завоевать), 实现 (осуществить), 奋斗 (бороться), 保证 (гарантировать), 克服 (преодолевать), 增强 (укреплять), 推动 (продвигать), 推进 (содействовать), 发展 (развивать), 加强 (усиливать), 增强 (наращивать), 健全 (совершенствовать), 提高 (повышать)*. См.: «**И мы будем делать все, чтобы каждый человек смог проявить свой талант и свои способности**» (В.В. Путин, 2008); «**我们要坚定不移**

*推动高质量发展»/ Мы должны неуклонно **продвигать** вперед высококачественное развитие (Си Цзиньпин, 2023).*

(3) ‘действия, выражающие эмоции’: РФ – *приветствовать, благодарить, уважать*; КНР – *感谢 (благодарить), 自豪 (гордиться), 尊重 (уважать)*. См.: «Я сердечно **благодарю** Президента Владимира Владимировича Путина за его неизменную личную поддержку, которую я постоянно ощущал» (Д.А. Медведев, 2008); КНР—«我们为伟大祖国的发展进步感到无比**自豪**»/ Мы очень **гордимся** развитием и прогрессом нашей великой Родины (Ху Цзиньгао, 2008).

(4) ‘волевые действия’: РФ – *уверить, заверять, обещать, отвечать, верить, убеждать*; КНР – *相信 (верить), 负责 (отвечать)*. См.: «**Заверяю** вас: целью моей жизни, работы будет, как и прежде служение людям, нашему Отечеству. Для меня это превыше всего» (В.В. Путин, 2018); «**我相信**, 只要 13 亿多中国人民始终发扬这种伟大团结精神, 我们就一定能够形成勇往直前、无坚不摧的强大力量»/ Я **верю**, что если более 1,3 млрд представителей китайского народа продолжат поддерживать этот дух великой борьбы, мы, несомненно, сможем достичь великой цели - создать более прекрасную жизнь для народа (Си Цзиньпин, 2018).

В инаугурационных обращениях российских лидеров обращает на себя внимание частотность глагольной формы 1 лица единственного числа во всех выявленных группах (избранные президенты говорят «строго от своего имени»): *благодарю, верю, обещаю, обращаюсь, осознаю, рассчитываю, заверяю, обещаю* и др. Президенты выражают отношение к другим адресатам и твердую точку зрения на события, в том числе благодарность сторонникам: «Я глубоко **признателен** вам за это» (В.В. Путин, 2000), осознание собственных обязанностей: «Я хорошо **осознаю**, какой груз ответственности ложится на мои плечи, и **рассчитываю** на нашу совместную работу» (Д.А. Медведев, 2008), а также комплименты предыдущему президенту: «Я **вижу** в этом большую заслугу Дмитрия Анатольевича Медведева» (В.В. Путин, 2012) и собственную уверенность в будущем страны: «Я **верю** в силу наших общих целей и идеалов» (В.В. Путин, 2012).

Китайские лидеры только в начальной части обращения используют местоимение первого лица и соответствующие глагольные лексемы: *相信/верю, 接受/принимаю, 完成/буду выполнять, 工作/буду работать, 服务/буду служить, 努力/буду стараться*. См.: «*我和新一届国家机构工作人员诚心诚意地接受各位代表和全国各族人民的监督*»/ *Я и новый состав государственных учреждений искренне принимаю на себя руководство всеми представителями и людьми всех национальностей страны* (Ху Цзиньтао, 2003).

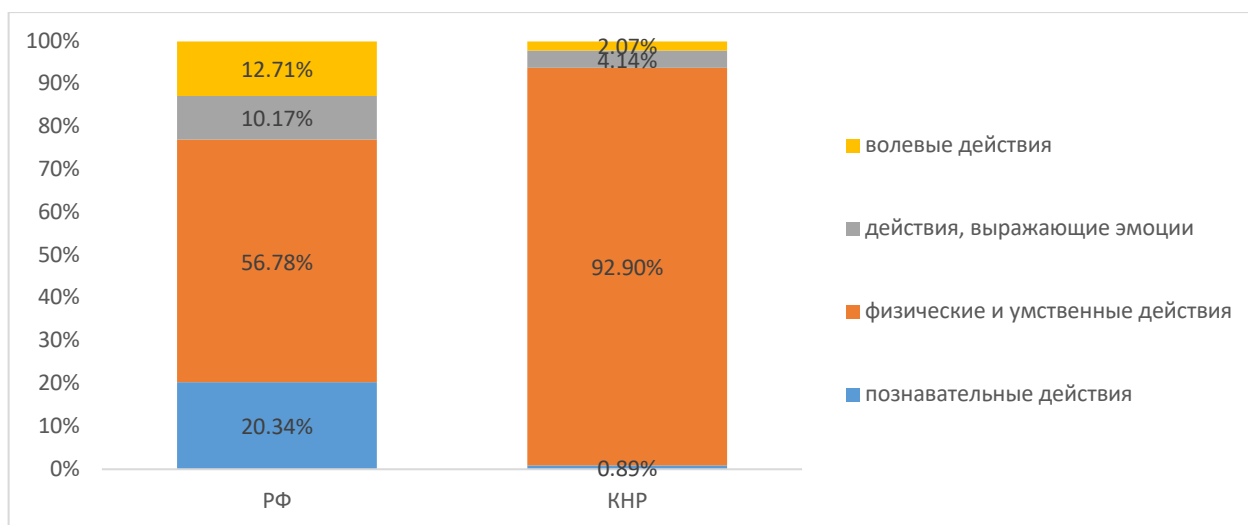

Диаграмма 3. Знаки-процессивы инаугурационного дискурса РФ и КНР

Из диаграммы 3 следует, что наиболее частотными оказываются лексемы, обозначающие физические и умственные действия: 57% в инаугурационных обращениях РФ и 93% – в КНР. Очевидно, что семантика лексем, номинирующих деятельность политики, актуализирует ее характерные признаки: ‘работать’, ‘развивать’, ‘служить’, ‘реализовать’ и др.

Таким образом, корпус выделенных глагольных лексем наиболее ярко репрезентирует богатую палитру действий и процессов, отражающих основные стремления главы государства – завоевание власти, получение одобрения, пропаганду политической философии, усиление веры в будущее. Особенно отметим, что в инаугурационных текстах преобладают глаголы с положительной коннотацией, а именно со значением ‘повышения уровня’, ‘продвижения вперед’, ‘улучшения’ (например, *продвигать, развивать, расширять, повышать*): такие

знаки-процессивы способствуют «настраиванию» аудиторию на совместную работу в пользу страны.

Знаки-ресурсы в инаугурационных речах лидеров РФ и КНР фиксируют внимание аудитории на важных факторах политической деятельности, которые определяют эффективность осуществления цели адресантов – завоевание поддержки для продвижения идеологической линии, – и представлены номинативными группами, характеризующими (1) физические и умственные усилия; (2) моральную поддержку; (3) юридическую гарантию; (4) политическое обеспечение развития страны (КНР).

(1) номинации физических и умственных усилий, необходимых для развития страны: РФ – *работа, труд, энергия, политические и гражданские силы, вклад, усилия, помощь, опыт, традиция, служение*; КНР – *努力 (усилия), 贡献 (вклад), 全球市场和资源 (глобальные рынки и ресурсы), 良好发展条件 (благоприятные условия развития), 博大精深的中华文化 (богатая и глубокая китайская культура), 中华优秀传统文化 (китайская традиционная культура), 传统 (традиция)*. См.: «...это результат **усилий** нашего народа, общей напряжённой **работы**, в которой есть личный **вклад** каждого» (В.В. Путин, 2012); «Считаю смыслом всей своей жизни и своим долгом **служение** Отечеству, **служение** нашему народу, поддержка которого вдохновляет и помогает решать самые сложные и трудные задачи» (В.В. Путин, 2012); «全体共产党员特别是党的领导干部, 要坚定理想信念... 弘扬党的光荣**传统**和优良**作风**»/ Все члены партии, в первую очередь руководящие кадры, должны быть верны высоким идеалам...развивать **славные традиции** партии и её лучший стиль **работы** (Си Цзиньпин, 2013).

(2) номинации способов моральной поддержки, выражающих желания и чувства со стороны адресантов и адресатов по отношению к стране: РФ – *забота, понимание, ответственность, доверие, поддержка, вера и любовь к Родине, вера в душе, искренние и чистые помысли, надежда, ценность*; КНР – *信任 (доверие), 崇高品质 (высокие моральные качества), 精神力量 (духовная сила), 民族精神 (национальный дух), 中国精神 (китайский дух), 爱国主义 (патриотизм), 时代精神*

(дух эпохи). См.: «В это время особенно важна **поддержка и понимание** народа, нашего общества в своих силах» (Б.Н. Ельцин, 1991); «**实现中国梦必须弘扬中国精神**»/ *Осуществление китайской мечты предполагает возвышение **китайского духа*** (Си Цзиньпин, 2013).

(3) номинации юридической гарантии: РФ – Конституция, правая система, закон, которые гарантируют легитимность власти; КНР – 宪法 (Конституция), 基本法 (Основной закон), 香港基本法 (Основной закон КНР о Сянганском особом административном районе), 澳门基本法 (Основной закон КНР об Аомэньском особом административном районе), 依法治国 (верховенство закона в управлении государством). См.: «Смена власти – всегда проверка **конституционного строя**, проверка его на прочность» (В. В. Путин, 2000); «**我们要....严格依照宪法和基本法办事**» / *Мы должны действовать в строгом соответствии с **Конституцией и Основным законом*** (Си Цзиньпин, 2018).

(4) специфичными для инаугурационного дискурса КНР следует считать номинации политического обеспечения развития страны: 科教兴国战略 (стратегия подъема страны силами науки и образования), 人才强国战略 (стратегия наращивания государственной мощи посредством кадров), 创新驱动发展战略 (стратегия стимулирования развития за счет инноваций), 开放战略 (стратегии открытости), “五位一体”总体布局, “四个全面”战略布局 (общая схема пятиединого строительства, четырехаспектная всесторонняя стратегическая концепция); институциональная система: 人民当家作主制度体系 (институциональная система по обеспечению положения народа как хозяина страны), 人民代表大会制度的根本政治制度 (институт собраний народных представителей как коренной политической институт), 中国共产党领导的多党合作和政治协商制度 (институт многопартийного сотрудничества и политических консультаций, функционирующий под руководством КПК), 民族区域自治制度 (институт национальной районной автономии), 基层群众自治制度 (институт низового народного самоуправления); китайские политические идея:

马克思列宁主义 (марксизм-ленинизм), 毛泽东思想 (идея Мао Цзэдуна), 邓小平理论 (теория Дэн Сяопина), “三个代表”重要思想 (важные идея тройного представительства), 科学发展观 (научная концепция развития), 新时代中国特色社会主义思想 (идея о социализме с китайской спецификой новой эпохи), 十六大精神 (дух XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии), 十七大精神 (дух 17-го Всекитайского конгресса Коммунистической партии Китая), 十八大精神 (дух XVIII съезда КПК), 十九大和十九届二中、三中全会精神 (дух 19-го съезда КПК, второго и третьего пленумов Центрального комитета КПК 19-го созыва). См.: «我们要坚持和完善人民代表大会制度的根本政治制度, 中国共产党领导的多党合作和政治协商制度、民族区域自治制度以及基层群众自治制度等基本政治制度» / Необходимо сохранять и совершенствовать **институт собраний народных представителей** как коренной политической институт, а также основные политические институты, в том числе **институт многопартийного сотрудничества и политических консультаций, функционирующий под руководством КПК, институт национальной районной автономии, институт низового народного самоуправления и т. д.** (Си Цзиньпин, 2013).

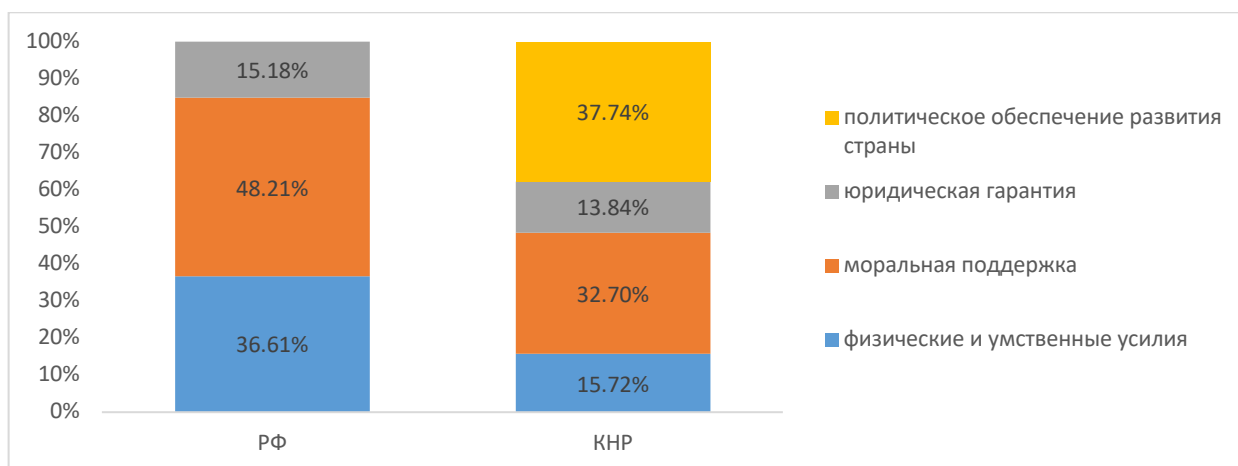

Диаграмма 4. Знаки-ресурсы инаугурационного дискурса РФ и КНР

Знаки-ресурсы в инаугурационных дискурсах РФ и КНР имеют разное количественное выражение (см. диаграмму 4): на номинации явлений, требующих умственно-физических затрат, и фактов юридической гарантии в инаугурационных дискурсах РФ вместе приходится 52% всех знаков-ресурсов, тогда как в КНР общее

число таких знаков составляет около 30% (здесь наибольшая доля – 38% – приходится на особенную группу лексем, номинирующих политическое обеспечение развития страны, что вполне согласуется с идеологическими позициями Китая). Более значимым для России, чем для КНР, оказывается моральная поддержка адресатов – около 50% в сравнении с 33%, что, с нашей точки зрения, объясняется особенной важностью для россиян фактора эмпатии народа к власти (в существенно большей степени, чем в традиционном Китае).

Знаки-квалификативы, денотатирующие признаки – качества, свойства, отношения, – представлены качественными прилагательными и причастиями, организованными в тематические группы ('страна', 'народ', 'общество' и др.)¹, а также абстрактными / конкретными существительными с соответствующей семантикой и различной степенью выраженности эмоционально-оценочных компонентов. Под оценочностью понимается «свойство речевой единицы, ее потенциал, способность эксплицировать положительные или отрицательные свойства объекта, его место на оценочной шкале и в аксиологическом пространстве» [Марьянчик, 2011, с. 101]. Знаки-квалификативы, выражающие оценку и формирующие отношение к главным темам выступления, вербализуют актуальные для адресанта ценностные смыслы с целью формирования желаемых когнитивных образов в сознании аудитории.

В инаугурационных речах лидеров РФ:

- Страна: *открытая, сильная, миролюбивая, демократическая, свободная;*
- Россия: *великая, современная, динамичная, сильная, активная, влиятельная, свободная, процветающая, богатая, цивилизованная, тысячелетняя, возрождённая, успешная;*
- Родина: *любимая, великая;*
- Держава: *огромная, великая;*

¹ Приведенный порядок следования тематических групп свидетельствует (в определенной степени) о частотности их употребления в РФ и КНР.

– Государство: *сильное, дееспособное, современное, демократическое, развивающееся, справедливое, заботливое, великое, мощное, могучее, процветающее, миролюбивое, правовое, суверенное;*

– Общество: *свободное, ответственное, гражданское, активное, зрелое;*

– Народ: *многонациональный, великий, единый, сплочённый, трудолюбивый, талантливый.*

В инаугурационных речах лидеров КНР:

– Страна: *古老而又现代的东方大国 (древняя и современная восточная страна);*

– Государство: *富强民主文明和谐的社会主义现代化国家 (богатое и могущественное, демократическое и цивилизованное, гармоничное и модернизированное социалистическое государство), 统一的多民族国家 (единое многонациональное государство);*

– Держава: *社会主义文化强国 (социалистическая культурная держава), 强国 (сильная держава);*

– Общество: *среднезажиточное общество (小康社会);*

– Народ: *自信自立自强 (самоуверенный, самостоятельный и сильный), 伟大的 (великий);*

– Китайская нация: *勤劳、勇敢、智慧的 (трудолюбивая, смелая и умная), 具有非凡创造力的 (необычайно творческая);*

– Цивилизация: *灿烂的 (богате́йшая), 辉煌的 (блестящая), 悠久的 (древняя), 伟大的 (великая).*

Таким образом, инаугурационные обращения как в РФ, так и в КНР богаты знаками-квалификативами, описывающими страну, нацию и культуру и имеющими яркую мелиоративную коннотацию, что не только способствует формированию чувства национальной гордости, но и существенно повышает статус лидера государства в контексте внутренних и международных отношений.

Знаки-интегративы. Членение универсума на два мира – ‘свой’ и ‘чужой’ – с глубокой древности¹ рассматривается (о чем мы писали ранее) как фундаментальный семиотический принцип, реализующийся в оппозициях ‘мы – они’. Поскольку одной из главных целей инаугурационного дискурса является сплочение всего народа страны (в том числе демонстрация «условного равенства» актора инаугурации и его аудитории в гражданственно-статусном отношении, стремление показать большую степень близости к адресату) – то есть объединение в мире ‘своих’² – в инаугурационных речах лидеров образом актуализируются специфические вербальные знаки.

Вследствие большой вариативности семантического содержания местоимения **мы**, дискурсивно и концептуально значимыми считаем следующие:

(1) общегражданское **мы**: адресант – глава государства идентифицирует себя со своим этносом, значение местоимения *мы* включает всех граждан страны. РФ: *«Мы справились с труднейшими экономическими, социальными проблемами. Мы поняли, что вся красота и вся сила - в нашей самобытности и единстве. Мы научились отстаивать свои интересы»* (В.В. Путин, 2018); КНР: *«只要我们坚定不移地沿着建设有中国特色社会主义的道路奋斗下去, 更加美好的未来, 必将属于历经沧桑而自信自立自强的中国人民»* / *Если мы неуклонно идем по пути строительства социализма с китайской спецификой, лучшее будущее, несомненно, будет принадлежать китайскому народу, прошедшему через невзгоды, самоуверенному, самостоятельному и сильному* (Цзян Цзэминь, 1993). Через многократную повторяемость местоимения *мы* до слушателей доносится мысль о том, что выполнение насущных задач, стоящих перед страной (за которую лидер несет ответственность) предполагает объединение сил всех народов страны.

(2) коллегиальное **мы**: под **нами** подразумевается правительство, которое в качестве руководства страны, с одной стороны, имеет суверенитет в

¹ См. в этой связи [Пеньковский, 2004].

² Так, Е.И. Шейгал выделяет особые «маркеры своих»: инклюзивное *мы*, лексемы совместности, лексические единицы с компонентом совместности, выступающие в функции вокатива с коннотацией «я свой», формулы причастности, грамматические формы непрямого императива (1-е л. мн. ч.) со значением включения в сферу его действия говорящего [Шейгал, 2002].

международном обществе, с другой стороны, обладает властью управления данной страной; при этом коллегиальное *мы* может трактоваться двояко.

Так, в РФ и КНР местоимение *мы* представляет государство как международного актора – основного субъекта международного права, национально-государственный суверенитет которого является одним из решающих параметров в понимании происхождения его сущности [Ризоев, 2010, с. 102]. РФ: «При этом *мы* открыты к диалогу» (В.В. Путин, 2018); КНР: «*我们要始终遵循党的领导、人民当作主、依法治国有机统一*»/ *Мы* должны всегда следовать органическому единству партийного руководства, народу, являющемуся хозяином страны и правящему ею по закону (Ху Цзиньтао, 2008).

В КНР под *нами* также могут подразумеваться только члены партии, которые являются ядром руководства: «*我们要坚持高举邓小平理论伟大旗帜*»/ *Мы* должны настойчиво держать великое знамя теории Дэн Сяопина (Цзян Цзэминь, 1998). Председатель КНР демонстрирует неотделимость от всей КПК (тем самым умышленно нивелируется его особый статус) и усиливает коллективную ответственность партии за руководство китайской нацией с помощью местоимения *мы*.

(3) метонимическое *мы*, обозначающее страну в целом. РФ: «*Это мы сами добились высоких темпов развития нашей экономики*» (В.В. Путин, 2004); КНР: «*我们必将胜利地到达现代化的光辉彼岸*»/ *Мы* непременно с триумфом достигнем славного берега модернизации (Цзян Цзэминь, 1993).

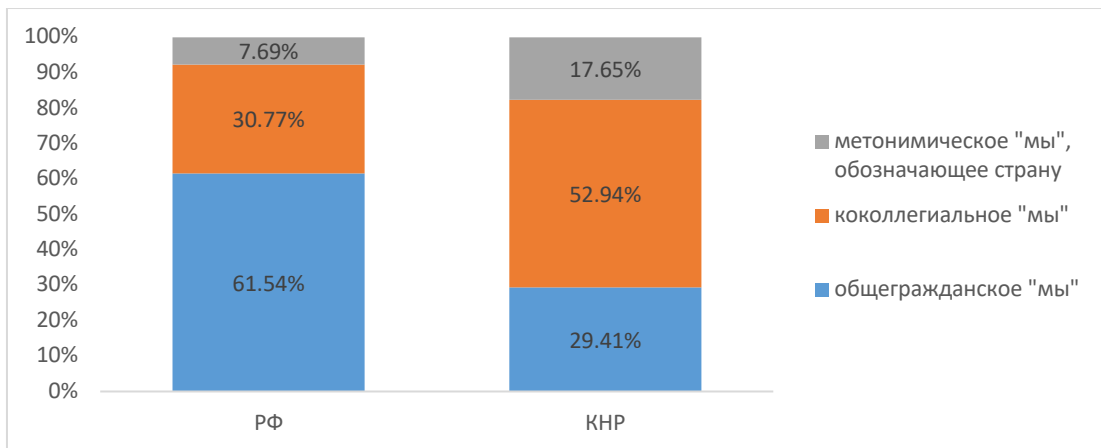

Диаграмма 5. Знаки-интегрativы инаугурационного дискурса РФ и КНР, репрезентированные местоимением *мы*

Таким образом, местоимение *мы* в инаугурационных речах КНР обозначает и общую национальность, и правительство, и руководство КПК, в выступлениях лидеров РФ актуализируется общегражданский признак и метонимическое расширение¹.

Кроме многократного использования местоимений первого лица множественного числа, знаки-интегративы выражаются на лексическом уровне следующим образом.

В инаугурационных речах лидеров РФ:

(1) Существительные, участвующие в выражении значения совместности:

– существительные, обозначающие совместных участников, принимающие участие в развитии страны: *граждане России, многонациональный народ, предки, соотечественники за рубежом, сограждане, соотечественники, сын, дочери, труженик, военный, творец, соратники по работе и по службе, сторонник, друзья, депутаты, представители любой профессии, представители всех уровней власти, народные депутаты;*

– существительные, обозначающие участие в совместных действиях, событиях, состояниях: *единство, сплоченность, поддержка, сотрудничество, включенность, взаимодействия, мир, согласие.*

(2) Глаголы, участвующие в выражении значения совместности: *объединить, сплотить, собрать.*

(3) Имена прилагательные (причастия), выражающие качество субъектной совместности: *общий, объединенный, взаимный, общенациональный, совместный, сплочённый, единый.*

(4) Наречия и адвербиальные обороты: *вместе; совместно, вкупе с.*

(5) Обобщенное местоимение и числительное: *весь, один.*

На основании выявленных дифференциальных признаков данные лексемы можно разделить на три тематические группы:

- национально-государственная совместность: *«Их мужество, неустанный труд, непобедимое единство, священное отношение к родной земле – вечный*

¹ Отметим, что в ряде случаев такое разделение оказывается сложным и весьма условным.

пример преданности Отчизне» (В.В. Путин, 2018);

- единство между народом и правительством: «От всего сердца благодарю граждан России за вашу сплоченность, за веру в то, что мы можем многое изменить к лучшему» (В.В. Путин, 2018);

- международное сотрудничество: «Вместе с нашими партнерами будем активно продвигать интеграционные проекты, наращивать деловые, гуманитарные, культурные, научные связи» (В.В. Путин, 2018).

В инаугурационных речах лидеров КНР:

(1) Существительные, участвующие в выражении значения совместности:

- существительные, обозначающие совместных участников, принимающие участие в развитии страны: *同志 (товарищ), 同胞 (соотечественник), 全国各族人民 (представители всех национальностей страны), 海内外中华儿女 (китайские сыновья и дочери в стране и за границей), 代表 (депутаты), 爱国志士 (патриот), 老一辈无产阶级革命家 (пролетарские революционеры старшего поколения), 中国共产党人 (китайские коммунисты), 民主党派和无党派人士 (демократические партия и беспартийные деятели), 全国广大工人、农民、知识分子 (широкие слои рабочих, крестьян и интеллигенции);*

- существительные, обозначающие участие в совместных действиях, событиях, состояниях: *团结 (сплочение), 合作 (сотрудничество), 和平 (мир);* – фразеологическая единица: *团结一心 (сплоченность и единомыслие), 万众一心 (сплотиться как один человек), 同舟共济 (букв. плыть в одной лодке; действовать в одном направлении, объединить усилия), 守望相助 (помогать друг другу), 凝心聚力 (изо всех сил, старательно);*

- национально-политические термины: *共同富裕 (всеобщий достаток и довольство), 统一战线 (единый фронт), 祖国统一 (объединение Родины).*

(2) Глаголы, участвующие в выражении значения совместности: *集中力量 (концентрироваться), 团结起来 (сплотиться), 凝聚 (консолидировать).*

(3) Имена прилагательные, выражающие качество субъектной совместности: *共同 (общий)*.

(4) Наречия и адвербиальные обороты: *共同 (вместе, совместно)*.

На основании выявленных дифференциальных признаков данные лексемы можно разделить на пять тематических групп:

- национально-государственная совместность, межнациональная сплоченность и внутренняя сплоченность в стране: «*我们要在爱国主义、社会主义的伟大旗帜下，更加紧密地团结起来*» / Мы должны теснее сплотиться под великим знаменем патриотизма и социализма (Цзян Цзэминь, 1993);
- единство между народом и правящей партией: «*全国各族人民紧密团结在中国共产党周围*» / Все национальности должны тесно сплачиваться вокруг ЦК КПК (Ху Цзиньтао, 2008);
- международное сотрудничество и глобальное единство: «*中华民族历来爱好和平*» / Китайский народ всегда любил мир (Ху Цзиньтао, 2003); «*我们要努力推动构建人类命运共同体*» / Мы должны прилагать усилия по продвижению строительства сообщества единой судьбы человечества (Си Цзиньпин, 2023).
- воссоединение Родины¹: «*实现祖国完全统一是全体中华儿女的共同愿望，是民族复兴的题中之义*» / Осуществление полного воссоединения Родины – общее чаяние всех сынов и дочерей китайской нации и ключевой пункт возрождения китайской нации (Си Цзиньпин, 2023).
- партийное единство²: «*始终保持党的团结统一*» / Необходимо прилагать усилия для того, чтобы всегда поддерживать сплоченность и единство партии (Си Цзиньпин, 2023).

Особой разновидностью знаков-интегративов можно считать *знаки-идеологемы*. Инаугурационный дискурс базируется на наличии социальных представлений, национального мировоззрения, групповых интересов, принципов,

¹ Важная тема в инаугурационной речи китайских председателей, обусловленная историческими причинами.

² Семантическое поле единства партии встречается только в инаугурационной речи Си Цзиньпина в 2023 году.

системы ценностей и предпочтений, то есть именно идеологии, направленной на осуществление основной цели лидирующего политика (или партии). Функционирование политической идеологии может быть описано в трех аспектах: теоретико-концептуальном; программно-политическом и актуализированном [Стегний, 2011, с. 105], где последнее есть степень влияния идеологии на практическую деятельность людей, предполагающего восприятие и реализацию гражданами идей и принципов конкретной идеологии.

Роль основного средства выражения идеологии в инаугурационных речах принадлежит идеологеме как лексико-фразеологической единице, «значение которой имеет идеологический компонент» [Чудинов, 2006, с. 92]. Главы различных стран используют словосочетания, смысловое содержание которых по-разному понимается представителями разных политических партий. Политики от имени группы определенной идеологии выступают с целью формирования у адресата политических мнений и предпочтений посредством идеологического воздействия. Например, в инаугурационных речах китайских лидеров часто используются идеологемы, присущие китайскому обществу: *社会主义* (социализм), *中国特色社会主义* (социализм с китайской спецификой), *社会主义民主* (социалистическая демократия), *小康社会* (среднезажиточное общество); в инаугурационных речах российских президентов транслируются иные идеологемы: *демократическое государство, свободное общество, демократия, справедливость*.

В целом знаки-интеграции оказываются особыми маркерами инаугурационных дискурсивных практик: с одной стороны, они отражают реальное стремление политиков к единству во внутреннем сообществе (единство гражданственное, единство партийное, единство между социальными группами, объединение Родины в целом) и сотрудничеству в международном аспекте, с другой же стороны – становятся значимым средством манипулирования общественным сознанием. Интенсивное использование вербальных знаков-интегративов, обозначающих пространство ‘своих’, позволяет лидерам стран успешно оперировать идеологемами и эксплицитировать стереотипные идеи, связанные с национальной ментальностью – соборность русских и гармония китайцев.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что, поскольку общественное сознание во многом существует в языковой форме и «такая, сопряженная со словом совокупность представлений довлеет над всеми остальными представлениями» [Швырков, 2016, с. 76-77], многообразные вербальные знаки инаугурационного дискурса транслируют политическую философию новоизбранных руководителей и способствуют осуществлению его целеполагания.

Выводы по главе 2

1. Инаугурационный дискурс, синергетически сочетая признаки двух институциональных типов – дискурса политического и дискурса ритуального, характеризуется трафаретной заданностью, строгой упорядоченностью по форме и обладает относительно фиксированными конститутивными параметрами, влияющими на экспликацию вербальных и невербальных компонентов, где основная цель не только легитимизация перехода власти, но и создание *единой* символической роли государства и его главы. Вместе с тем в политическом ритуале инаугурации вследствие его детерминированности этнокультурными факторами наблюдается вариативность сценарного наполнения, обусловленная как геополитическим контекстом акта инаугурации нового лидера, так и его личностными характеристиками.

2. Композиция инаугурационных дискурсивных практик в РФ и КНР подчиняется особенностям государственного строя (РФ – демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления; КНР – социалистическое государство демократической диктатуры народа), института главы государства (РФ – институт президентства; КНР – институт председателя) и находится в процессе своего становления, однако базовые конституенты являются закрепленными (по отношению к одной и другой стране) и в определенной мере коррелируют. Хронотоп инаугурационной дискурсивной практики и в РФ, и в КНР характеризуется фиксированностью в расписании политической жизни страны и местопроведении, участники представлены адресантом (главой государства), прямо-адресатом (аудитория в зале инаугурации) и адресатом-наблюдателем

(граждане страны и зрители за рубежом); контекстуальная модель включает начальную, основную и заключительную части, где ядром является официальное объявление о выступлении в должности главы государства, принесение присяги избранного лидера, инаугурационное обращение к гражданам, исполнение государственного гимна.

3. Основой семасиологической «реальности» политического ритуала инаугурации в РФ и КНР являются невербальные знаки: именно невербальные компоненты дискурсивной практики содержательно наполняют жанровый канон церемонии, а целый ряд политических реалий имеет множественное означивание. Так, здания проведения инаугурации – Кремль / Большой зал народных собраний, как *пространственные знаки*, воплощающие историю и культуру страны, отождествляются в национальном сознании с крепостью, государственностью и авторитетностью; *проксеимические знаки* (центральное местонахождение главы на отдалении и возвышении, расположение участвующих по иерархическому положению во властной структуре) отражают право управления народом и визуально закрепляют «высокое» положение власти, тогда как *артефактные знаки*, «подкрепленные» колористическим компонентом (флаг, герб и др.), и *знаки аудитивные* (гимн и др.), будучи главными символами национального единства на политическом и юридическом уровне, объективируют легитимизацию института власти, демонстрируют сопричастность избирателей к политическим процессам в стране и способствуют усилению патриотических чувств аудитории.

4. Использование *кинестических знаков* в дискурсивных инаугурационных практиках РФ и КНР обусловлено как композиционной структурой и контекстом (в силу большего числа этапов церемонии инаугурации в РФ, чем в КНР, типы жестов, используемые российскими лидерами, представлены более многообразно), так и этнокультурными особенностями и идиопредпочтениями лидеров. Неслучайно в процессуальном рассмотрении церемония инаугурации в РФ и КНР явно отличается: в России она характеризуется торжественностью и определенной вариативностью, а в Китае, скорее, простотой и стандартностью; если инаугурационная дискурсивная практика Китая наполнена фиксированными и

шаблонными невербальными знаками, то в России возможны изменяющиеся элементы; кинесика и просодика китайских лидеров в целом сдержанная (позы закрытые, движения спокойные, руки сложенные, жесты «сглаженные» и даже осторожные, интонация доверительная, паузирование мягкое), тогда как российские президенты демонстрируют открытые позы, уверенные движения, иллюстративные жесты для выражения эмоций и фиксации контроля над ситуацией, пафосно-утвердительную интонацию, активное паузирование и др., что в первом случае создает впечатление спокойствия и мудрости (определенная репрезентация конфуцианской идеи о терпеливом и мягком характере китайского народа), во втором – мужественности и решительности.

5. Особое место в семиотическом пространстве инаугурационного дискурса занимает кластер многообразных вербальных знаков. Так, адресаты и адресанты инаугурационного дискурса РФ и КНР представлены *знаками-персоналиями*, их действия – *знаками-процессивами*, *знаки-ресурсы* репрезентируют материальные / моральные факторы, необходимые для выполнения политических действий и их юридическую законность, *знаки-хронотопы* демонстрируют целостность пространственно-временного континуума, обеспечивающего стабильность государственного устройства, *знаки-квалификативы* вербализуют актуальные для адресанта ценностные смыслы с целью формирования желаемых когнитивных образов в сознании аудитории, *знаки-интегративы*, включающие и *знаки-идеологемы*, актуализируя дихотомию ‘свой – чужой’, обеспечивают единение гражданского общества и одновременно становятся значимым средством манипулирования общественным сознанием. Семантические признаки в структуре номинаций персоналий, ресурсов и процессных знаков инаугурационных дискурсивных практик находятся в строгой корреляции, что позволяет говорить о том, что лингвосемиотический инструментарий единообразно эксплицирует социокультурное пространство двух стран, реализуя одинаковую цель инаугурационного дискурса и основные стремления глав государств – завоевание власти, получение одобрения от общества, пропаганду политической философии. К специализированным языковым знакам инаугурационных обращений лидеров

КНР (не выявленных в выступлениях российских президентов) относятся *знаки-персоналии*, номинирующие граждан по политическому принадлежности, *знаки-хронотопы*, объективирующие прошлое путем названия исторического / политического события, *знаки-ресурсы*, номинирующие явления ‘политического обеспечения развития страны’, и *знаки-интегративы*, ограничивающие круг ‘своих’ членами КПК или актуализирующие необходимость партийного единства и восстановления целостности страны. Данные языковые конструкты, используемые китайскими лидерами, подчеркивают направленность их выступлений, в первую очередь, на адресатов – активных политиков, тогда как вербальные знаки российских президентов больше адресованы гражданам общества – членам разных социальных групп и слоев, тем самым лексическо-семантические расхождения отражают специфику политической реальности Китая и России.

6. Двойственность природы вербальных / невербальных знаковых единиц, функционирующих как самостоятельно, так и «конвергентно», позволяет семиотически репрезентировать некий политический «оксюморон» – отграничение облеченного властью лица от народа и одновременное сокращение дистанции между ними как символизация единства страны и наивысшего статуса ее лидера, а их (знаков) совокупность обеспечивает создание, трансляцию и сохранение «вневременности» пресуппозиционного фонда инаугурационного дискурса и его интенциональную направленность. Именно интенциональный посыл политического ритуала инаугурации – укрепление национальной идентичности и завоевание признания обществом – обуславливает «слияние» знаковых элементов: все звуко-графико-визуальные элементы, организующие инаугурационный дискурс, призваны вызвать в сознании массового адресата мифологизированные эмоции и ассоциации, на основании которых конструируется новая социальная реальность.

Глава 3. ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНАУГУРАЦИОННОГО ДИСКУРСА РФ И КНР

Как было описано ранее, семиосфера инаугурационного дискурса РФ и КНР, отличаясь идеологической и этнокультурной спецификой, наполнена различными семиотическими комплексами, обладающими богатым символическим значением. Вместе с тем эффективность инаугурационного дискурса, оказывающего воздействие на индивидуальное и массовое сознание, зависит не только от «потенции» знаковых систем, но и от коммуникативно-когнитивных «посылов» дискурсивной интеракции, эксплицируемых системой различных речевых стратегий и тактик и многообразных стилистических средств, совокупность которых детерминирует как особую синергетическую организацию инаугурационного дискурса, так и особенности экземплификации аксиологические компоненты разнокодовых (русской/китайской) лингвокультур.

3.1 Прагмалингвистический инструментарий инаугурационного дискурса РФ и КНР

Стратегия, как «неразрывное единство речевых, познавательных и коммуникативных действий» [Чернявская, 2006, с.46], обладая суггестивным потенциалом, оказывает манипулятивное воздействие на интеллектуальную и эмоционально-волевою сферу граждан страны, а также служит осуществлению целеполагания руководителей в инаугурационных выступлениях. Коммуникативная стратегия (КС) включает в себя «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс, 2012, с. 54]. КС как планирование речевой деятельности в максимально обобщенном виде определяет использование частных подструктур, «способствующих реализации общего коммуникативного замысла, коммуникативных целей говорящего» [Малышева, 2009, с. 206]. КС реализуются посредством использования различных вербальных, невербальных и паралингвистических средств для достижения коммуникативной цели, при этом собственно речевым приемом, используемым для реализации коммуникативной стратегии и представляющим собой «практический

инструмент говорящего» [Иссерс, 2012, с. 111], становится коммуникативная тактика (КТ).

Однозначность цели инаугурационного дискурса (и инаугурационного выступления, соответственно), бесспорно, детерминирует строгую реализацию жанрового канона и определяет явную «штампованность» речевых формул, вместе с тем политические интенции лидера, его идеологическое кредо, модальность процедуры инаугурации в целом, напрямую подчиняющиеся запросам и (что важнее!) ожиданиям электората в определенных культурно-исторических условиях, обуславливают «включение» личностного фактора¹, что приводит к языковой вариативности как инаугурационной речи, так и инаугурационного дискурса в целом. Поскольку предназначение инаугурационного выступления не просто «описать (то есть не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Демьянков, 2008], эффективность инаугурационного дискурса определяется адекватным планированием коммуникативного поведения глав государства и умелой реализацией данного плана путем использования различных *коммуникативных стратегий и тактик*, реализующих воздействующий потенциал естественного языка на интеллектуальную и эмоционально-волевою сферу граждан страны.

Предлагаемые сегодня в политической лингвистике кадастры коммуникативных стратегий и тактик (далее КС и КТ соответственно), несмотря на единодушие исследователей в признании основной функции политического взаимодействия, вариативны, поскольку сама таксономия может базироваться на любом (или нескольких одновременно) из внушительного множества критериев, явно вычленимых в качестве категориальных признаков императивно-политических актов: механизмы организации; языковой уровень структурных компонентов; частотность реализации вербальных единиц данной направленности; интонационная обусловленность их семантического плана; жанровая принадлежность и композиционная оформленность дискурсивной практики; число объектов акта коммуникации (массовая или индивидуальная направленность) и т.д.

¹ Здесь мы разделяем позицию Л.Г. Ким [Ким, 2019]

Однако в контексте *инаугурационного дискурса* принципиальным дифференцирующим основанием классификации используемых КС, с нашей точки зрения, следует считать базисное для политики в целом прагматическое основание – настроенность коммуникантов на сотрудничество, что позволяет вычленить 2 группы КС – *интегративные и дезинтегративные*, внутри которых «иллюкутивно» (т.е. в соответствии с той коммуникативной целью, на достижение которой они направлены) группируются коммуникативные тактики [Боженкова, 2017, с. 255-284].

В рамках инаугурационных дискурсивных практик в корпус интегративных вошли 8 КС (КС *вежливости, сотрудничества, аргументации, самопрезентации, компромисса, эмоционально настраивающая, информативная и побуждающая*), в корпус дезинтегративных – 2 КС (*манипулятивная и конфронтационная*), где общее число актуализированных коммуникативных тактик – 32 единицы (25 и 7 КТ соответственно, см. таблицу 7). Предложенная классификация стала базой для лингвопрагматического анализа вербальных формул¹, организующих инаугурационный дискурс лидеров РФ и КНР.

Таблица 7. Сопоставительная характеристика коммуникативных стратегий и тактик лидеров РФ и КНР

Коммуникативные стратегии									
Интегративные коммуникативные стратегии								Дезинтегративные коммуникативные стратегии	
Стратегия вежливости	Эмоционально настраивающая стратегия	Стратегия сотрудничества	Информативная стратегия	Стратегия компромисса	Стратегия аргументации	Стратегия самопрезентации	Побуждающая стратегия	Манипулятивная стратегия	Конфронтационная стратегия
тактика благодарности (РФ/КНР)	тактика комплимента / похвалы (РФ/КНР)	тактика предложения сотрудничества (РФ/КНР)	тактика информирования (РФ/КНР)	тактика согласия (РФ)	тактика генерализации (РФ/КНР)	тактика обещания (РФ/КНР)	тактика призыва (РФ/КНР)	тактика выбора предмета речи (РФ)	тактика осуждения (РФ/КНР)
тактика извинения	тактика проявления сочувствия (РФ/КНР)	тактика предложения решения (РФ/КНР)	тактика прямого ответа (РФ/КНР)	тактика компромиссного ответа	тактика проведения аналогии (РФ/КНР)	тактика демонстрации компетентности (РФ/КНР)	тактика требования (РФ/КНР)	тактика отрицания (РФ/КНР)	тактика упрёка (РФ)

¹ Объем данной работы не позволяет привести примеры реализации всех КТ, поэтому автором представлена наиболее часто реализуемые в выступлениях лидеров РФ и КНР.

Окончание таблицы 7

тактика использования косвенных речевых актов (РФ/КНР)	тактика юмора	тактика демонстрации участия (РФ/КНР)	тактика каузации (РФ/КНР)	тактика внимания	тактика приведения примера (РФ/КНР)	тактика позитивной характеристики (РФ/КНР)	тактика поручения (КНР)	тактика полуправды	тактика угрозы
тактика поздравления			тактика запроса информации		тактика противопоставления (РФ/КНР)	тактика самовосхваления	тактика обращения (РФ/КНР)	тактика абсолютизации (РФ/КНР)	тактика проявления неуважения
			тактика переадресации		тактика ссылки на авторитет (РФ/КНР)		тактика совета	тактика смены фокуса внимания	тактика обвинения
					тактика описания позитивной перспективы (РФ/КНР)			тактика оценивания (РФ/КНР)	тактика замечания
					тактика поэтапной мотивации (РФ/КНР)				тактика иронии (РФ)
									тактика насмешки
									тактика сарказма

Интегративные КС

1. КС вежливости:

— КТ благодарности:

РФ — «От всего сердца благодарю граждан России за вашу сплоченность, за веру в то, что мы можем многое изменить к лучшему» (В.В. Путин, 2018)¹;

КНР — «这次大会选举我担任中华人民共和国主席，我对各位代表和全国各族人民的信任，表示衷心的感谢»² / На нынешней сессии меня избрали председателем Китайской Народной Республики, и я от всей души благодарю уважаемых депутатов и представителей всех национальностей страны за оказанное доверие³ (Ху Цзиньтао, 2003).

— КТ использования косвенных речевых актов

РФ — «В последние месяцы и в Москве, и на встречах в российских регионах я чувствовал ваше понимание и вашу поддержку, и очень часто от людей, от

¹ Здесь и далее источник – <http://www.kremlin.ru/events/president/news>.

² Здесь и далее источник – <https://www.gov.cn>.

³ Здесь и далее перевод автора – Ван Жэнь.

самых простых людей на площадях и улицах наших городов слышал очень простые, но очень важные для меня слова – мне говорили: “Мы вам верим, мы надеемся на вас, вы нас только не обманите”» (В.В. Путин, 2000);

КНР — *«毛泽东同志在第一届全国人民代表大会第一次会议上致开幕词时指出: “我们有充分的信心, 克服一切艰难困苦, 将我国建设成为一个伟大的社会主义共和国”» / Мао Цзэдун в своей вступительной речи на первом заседании первого Всекитайского собрания народных представителей отметил: “Мы полны уверенности в том, что преодолеем все трудности и невзгоды и превратим нашу страну в великую социалистическую республику” (Ху Цзиньтао, 2003).*

2. Эмоционально настраивающая КС:

— КТ комплимента /похвалы:

РФ — *«Я вижу в этом большую заслугу Дмитрия Анатольевича Медведева. Его президентство обеспечило преемственность и устойчивость развития страны, придало дополнительный импульс модернизации всех сторон нашей жизни» (В.В. Путин, 2012);*

КНР — *«胡锦涛同志担任国家主席 10 年间, 以丰富的政治智慧、高超的领导才能、勤勉的工作精神, 为坚持和发展中国特色社会主义建立了卓越的功勋, 赢得了全国各族人民衷心爱戴和国际社会普遍赞誉»/ За 10 лет пребывания на посту председателя КНР товарищ Ху Цзиньтао проявил большую политическую мудрость, завидные способности руководителя и редкое усердие в работе, у него есть выдающиеся заслуги в отстаивании и развитии социализма с китайской спецификой, поэтому он и заслужил любовь и уважение всех народов нашей страны, а также получил широкое восхищение международного сообщества (Си Цзиньпин, 2013).*

— КТ проявления сочувствия:

РФ — *«Они с болью и честью перенесли все испытания, посланные им судьбой. Они и в самых нечеловеческих условиях сумели сохранить нравственные чувства и веру в свою Россию» (Б.Н. Ельцин, 1991);*

КНР — «*中国人民...始终密切关注和无私帮助仍然生活在战火、动荡、饥饿、贫困中的有关国家的人民*»/ *Китайский народ... всегда уделяет пристальное внимание и бескорыстно помогает народам соответствующих стран, которые все еще живут в условиях войны, беспорядков, голода и нищеты* (Си Цзиньпин, 2018).

3. КС сотрудничества:

— КТ предложения сотрудничества:

РФ — «*Мы возвращаемся в мировое сообщество с чистыми помыслами для того, чтобы обрести друзей, а не врагов, наладить честные и цивилизованные отношения с государствами мира*» (Б.Н. Ельцин, 1991);

КНР — «*我们要继续奉行独立自主的和平外交政策，同所有国家保持和发展友好合作关系*»/ *Мы будем продолжать проводить независимую внешнюю политику мира и поддерживать и развивать отношения дружбы и сотрудничества со всеми странами* (Ху Цзиньтао, 2003).

— КТ предложения решения:

РФ — «*Но сейчас мы должны использовать все имеющиеся у нас возможности, прежде всего, для решения внутренних, самых насущных задач развития, для экономического, технологического прорыва, для повышения конкурентоспособности в тех сферах, которые определяют будущее*» (В.В. Путин, 2018);

КНР — «*继续全面建设小康社会，加快推进社会主义现代化*»/ *Продолжать всесторонне строить благополучное общество, ускорять социалистическую модернизацию* (Ху Цзиньтао, 2008).

— КТ демонстрации участия:

РФ — «*Россия будет и далее вместе с другими республиками активно участвовать в сложнейшей работе по коренному преобразованию Союза*» (Б.Н. Ельцин, 1991);

КНР — «*中国将继续积极参与全球治理体系变革和建设*»/ *Китай продолжит активно участвовать в реформировании и построении системы глобального управления* (Си Цзиньпин, 2018).

4. Информативная КС:

— КТ информирования:

РФ — «*Мы знаем, что в 90-е и в начале 2000-х годов наряду с давно назревшими и абсолютно необходимыми историческими переменами на долю нашего Отечества и наших людей выпали очень тяжелые испытания*» (В.В. Путин, 2018);

КНР — «*这就是中国特色社会主义道路。这条道路来之不易，它是在改革开放 30 多年的伟大实践中走出来的，是在中华人民共和国成立 60 多年的持续探索中走出来的，是在对近代以来 170 多年中华民族发展历程的深刻总结中走出来的，是在对中华民族 5000 多年悠久文明的传承中走出来的，具有深厚的历史渊源和广泛的现实基础*»/ *Это путь социализма с китайской спецификой. Найти этот путь нелегко, он является результатом более чем 30-летней великой практики, проведенной в свете политики реформ и открытости, результатом более чем 60-летних неустанных поисков со дня образования КНР, результатом углубленного подведения итогов более чем 170-летнего развития китайской нации, начиная с периода Нового времени, а также результатом наследования и развития древней китайской цивилизации с более чем 5000-летней историей. Этот путь под собой имеет глубокие исторические истоки и прочную основу* (Си Цзиньпин, 2013).

— КТ прямого ответа:

РФ — «*Прямо скажу: они были временем серьезных испытаний*» (В.В. Путин, 2004);

КНР — «*我们的奋斗目标是：到建国一百年时，基本实现现代化，把祖国建成富强民主文明的社会主义国家*»/ *Наша цель: к 100-летию образования Китайской Народной Республики осуществить модернизацию и превратить Родину в процветающую, сильную, демократическую и цивилизованную социалистическую страну* (Цзян Цзэминь, 1998).

— **КТ каузации:**

РФ — *«Потому что только так можно сформировать абсолютно необходимые условия для созидания и развития и, очень важно, атмосферу взаимной ответственности, поддержки и доверия в обществе»* (В.В. Путин, 2018);

КНР — *«我们创造了伟大的中华文明，我们也能够继续拓展和走好适合中国国情的发展道路»/ Раз мы сумели создать великую китайскую цивилизацию, то тем более сможем продолжать расширять путь развития, соответствующий китайским реалиям, и успешно идти по нему* (Си Цзиньпин, 2013).

5. КС компромисса:

— **КТ согласия:**

РФ — *«Смена власти – всегда проверка конституционного строя, проверка его на прочность. Да, у нас это не первая проверка, очевидно, не последняя, но это испытание, этот рубеж в нашей жизни мы прошли достойно»* (В.В. Путин, 2000);

КНР — примеры реализации отсутствуют.

6. КС аргументации

— **КТ генерализации:**

РФ — *«В эти минуты, вступая в должность Президента России, особенно остро осознаю свою колоссальную ответственность перед каждым из вас, перед всем нашим многонациональным народом, ответственность перед Россией»* (В.В. Путин, 2018);

КНР — *«全国各党派、各团体、各民族、各阶层、各界人士要更加紧密地团结在中共中央周围»/ Все политические партии, общественные организации представители всех национальностей, общественных слоев и групп должны сплачиваться вокруг ЦК КПК* (Си Цзиньпин, 2013).

— **КТ проведения аналогии:**

РФ — *«Судьба распорядилась так, что народам России, как и другим республикам, пришлось пройти через великие испытания»* (Б.Н. Ельцин, 1991);

КНР — *«中国人民相信，山再高，往上攀，总能登顶；路再长，走下去，定能到达»/ Китайский народ верит, что какими бы высокими ни были горы, нужно*

продолжать двигаться вверх и тогда можно достичь вершины; каким бы долгим ни был путь, нужно продолжать двигаться вперед и тогда можно достигнуть цели. (Си Цзиньпин, 2018).

— КТ приведения примера:

РФ — *«Тогда, в 2000 году, очень многие проблемы казались просто неразрешимыми»* (В.В. Путин, 2004);

КНР — *«特别是近代以后, 在外来侵略寇急祸重的严峻形势下, 我国各族人民手挽着手、肩并着肩, 英勇奋斗, 浴血奋战, 打败了一切穷凶极恶的侵略者, 捍卫了民族独立和自由»/ Особенно в новой истории в мрачной ситуации иностранной агрессии, народы всех этнических групп Китая плечом к плечу, храбро сражаясь, не жалея своей крови, победили всех жестоких агрессоров и отстаивали национальную независимость и свободу* (Си Цзиньпин, 2018).

— КТ противопоставления:

РФ — *«Смыслом нашей политики является не массовое самопожертвование, а благо каждого человека, его интерес»* (Б. Н. Ельцин, 1991);

КНР — *«中国发展不对任何国家构成威胁, 中国永远不称霸、永远不搞扩张。只有那些习惯于威胁他人的人, 才会把所有人都看成是威胁»/ Развитие Китая не представляет угрозы ни для одной страны, и Китай никогда не будет стремиться к гегемонии или экспансии. Только те, кто привык угрожать другим, видят во всех угрозу* (Си Цзиньпин, 2018).

— КТ ссылки на авторитет:

РФ — *«Первый Президент России Борис Николаевич Ельцин, покидая Кремль, сегодня вспомнил об этом – произнес слова, которые многим запомнились. Он сегодня повторил в этом зале: “Берегите Россию”»* (В.В. Путин, 2000);

КНР — *«这些精神的核心和精髓, 就是小平同志所一再倡导和论述的解放思想, 实事求是»/ Ядром и сущностью этих духов является освобождение ума и поиск истины из фактов, неоднократно отстаиваемых и обсуждаемых товарищем Сяопином* (Цзян Цзэминь, 1993).

— **КТ описания позитивной перспективы:**

РФ — *«У России великая история и не менее великое будущее»* (В.В. Путин, 2012);

КНР — *«我们就一定能够实现中华民族伟大复兴，为人类作出新的更大的贡献»/ Мы, безусловно, сможем осуществить великое возрождение китайской нации и внести новый и большой вклад в развитие человечества* (Ху Цзиньтао, 2008).

— **КТ поэтапной мотивации:**

РФ — *«Это мы сами добились высоких темпов развития нашей экономики. Преодолели непростое идеологическое противостояние и сейчас становимся, постепенно становимся, единой нацией. Это мы сами остановили агрессию международного терроризма. Избавили страну от реальной угрозы распада. Это мы вместе сделали нашу Родину открытой страной»* (В.В. Путин, 2004);

КНР — *«波澜壮阔的中华民族发展史是中国人民书写的！博大精深的中华文明是中国人民创造的！历久弥新的中华民族精神是中国人民培育的»/ Великолепная история развития китайской нации написана китайским народом! Многогранная и неповторимая китайская цивилизация создана китайским народом! Китайская нация возвращается китайским народом* (Си Цзиньпин, 2018).

7. КС самопрезентации:

— **КТ обещания:**

РФ — *«Заверяю вас: целью моей жизни, работы будет, как и прежде служение людям, нашему Отечеству»* (В.В. Путин, 2018);

КНР — *«我一定忠诚地履行宪法赋予的职责，恪尽职守，勤勉工作，竭诚为国家和人民服务，不辜负各位代表和全国各族人民的重托»/ Я буду неукоснительно выполнять установленные Конституцией полномочия, буду добросовестно выполнять свои служебные обязанности, прилежно работать, служить государству и народу, стараться оправдать доверие и надежды уважаемых депутатов и народов всей страны* (Ху Цзиньтао, 2003).

— **КТ демонстрации компетентности:**

РФ — *«Как и в предыдущие годы, буду работать активно, открыто и честно, сделаю все, что смогу, все, что в моих силах, чтобы оправдать надежды миллионов людей»* (В.В. Путин, 2004);

КНР — *«我们就一定能够夺取全面建设小康社会新胜利，开创中国特色社会主义事业新局面！我们就一定能够实现中华民族伟大复兴，为人类作出新的更大的贡献»/ Мы обязательно сможем всесторонне завоевать новую эру построения среднезажиточного общества и создать новую ситуацию для дела социализма с китайской спецификой! Мы сможем осуществить великое возрождение китайской нации и вносить новый и больший вклад в развитие человечества»* (Ху Цзиньтао, 2008).

— **КТ позитивной характеристики:**

РФ — *«Будем активно проводить современную социальную политику, настроенную на нужды каждого человека, каждой российской семьи, повышать качество образования и здравоохранения»* (В.В. Путин, 2018);

КНР — *«我们将高举和平、发展、合作、共赢的旗帜，始终不渝走和平发展道路»/ Мы будем, высоко поднимая знамя мира, развития, сотрудничества и общего выигрыша, неизменно идти по пути мирного развития* (Си Цзиньпин, 2013).

8. Побуждающая КС:

— **КТ призыва:**

РФ — *«И пусть любовь к Отечеству, все лучшее, что есть в человеке, вдохновляет каждого из нас на поиск, на самосовершенствование для личного успеха, для работы ради своей семьи, вдохновляет на общий, напряженный труд для благополучия родной страны»* (В.В. Путин, 2018);

КНР — *«让人类命运共同体建设的阳光普照世界»/ Пусть солнечный свет сообщества единой судьбы человечества озарит мир* (Си Цзиньпин, 2018).

— **КТ требования:**

РФ — *«Перед нами напряженная работа, которая потребует участия всего российского общества, деятельного вклада каждого из нас, всех ответственных*

политических и гражданских сил, объединенных искренней заботой о России» (В. Путин, 2018);

КНР — *«实现伟大目标需要坚忍不拔的努力»/ Достижение великой цели требует от нас непреклонных усилий (Си Цзиньпин, 2013).*

— **КТ поручения:**

РФ — *примеры реализации отсутствуют;*

КНР — *«一切国家机关工作人员，要克己奉公，廉政勤政，关心人民疾苦，为人民办实事。中国人民解放军全体指战员，中国人民武装警察部队全体官兵，要按照听党指挥、能打胜仗、作风优良的强军目标，提高履行使命能力，坚决捍卫国家主权、安全、发展利益，坚决保卫人民生命财产安全»/Всем работникам госучреждений следует ради общего дела отодвигать личные интересы на второй план, оставаться честными и неподкупными, добросовестно работать, заботиться о нуждах народа и делать для него реальные дела. Всему командно-рядовому составу НОАК и Народной вооруженной милиции Китая необходимо в соответствии с целями повышения боеспособности войск подчиняться руководству партии, уметь одерживать победы, иметь прекрасный стиль работы, развивать способности в исполнении своей миссии, стойко защищать национальные интересы - суверенитет, безопасность и развитие, твердо оберегать безопасность жизни и имущества народа (Си Цзиньпин, 2013).*

— **КТ обращения:**

РФ — *«Сегодня я обращаюсь к вам, именно к вам, потому что вы доверили мне высший государственный пост в стране» (В.В. Путин, 2010);*

КНР — *«各位代表，当今世界正在发生广泛而深刻的变化»/ Уважаемые депутаты, сегодня мир претерпевает масштабные и глубокие изменения (Ху Цзиньтао, 2008).*

Дезинтегративные КС

1. Манипулятивная КС:

— **КТ выбора предмета речи:**

РФ — *«Сегодня действительно исторический день, я хочу на этом еще раз сконцентрировать внимание» (В.В. Путин, 2000);*

КНР — примеры реализации отсутствуют.

— **КТ отрицания:**

РФ — *«Россияне не станут более в угоду какой-то догме отказываться от своего прошлого, настоящего и будущего»* (Б.Н. Ельцин, 1991); *«Безвозвратно уходят в прошлое времена, когда народ безмолвствовал»* (Б.Н. Ельцин, 1991);

КНР — *«路虽然还很长, 但时间不等人, 容不得有半点懈怠»/ Впереди еще долгий путь, но время никого не ждет, и нет места для безделья* (Си Цзиньпин, 2018); *«一个四分五裂的国家不可能发展进步»/ Страна, которая раздроблена и разделена, не может развиваться и прогрессировать* (Си Цзиньпин, 2018).

— **КТ абсолютизации:**

РФ — *«Прошедшие годы были для нас всех нелегкими»* (В.В. Путин, 2004); *«...все то, что сковывает людей, мешает им в полной мере раскрыться, реализовать себя, свои таланты, а значит, и ограничивает устремленность в будущее всей нашей страны»* (В.В. Путин, 2018);

КНР — *«在国际交往中, 我们绝不强加于人, 也绝不允许别的国家干涉我国的内政»/ В международном обмене мы никогда не будем навязывать свою волю другим и никогда не позволим другим странам вмешиваться в наши внутренние дела* (Цзян Цзэминь, 1993); *«我们决不能安于现状、贪图安逸、乐而忘忧»/ Мы не должны довольствоваться достигнутым, не должны стремиться к легкой и праздной жизни и не должны позволять радости развеять тревоги* (Си Цзиньпин, 2018).

— **КТ оценивания:**

РФ — *«Мы заплатили колоссальную, невиданную цену за сегодняшний опыт»* (Б.Н. Ельцин, 1991); *«Путь вперед не бывает простым, это всегда сложный поиск»* (В.В. Путин, 2018); *«Здесь, в Кремле, – средоточие нашей национальной памяти, здесь, в стенах Кремля, веками вершилась история нашей страны, и у нас нет права быть Иванами, не помнящими родства»* (В.В. Путин, 2018);

КНР — *«只有那些习惯于威胁他人的人，才会把所有人都看成是威胁»/ Только те, кто привык угрожать другим, считают всех угрозой. (Си Цзиньпин, 2018); «近代以后，中国逐步成为半殖民地半封建社会，饱受列强欺凌、四分五裂、战乱频繁、生灵涂炭之苦»/ С периода новой истории Китай постепенно превратился в полуколониальное и полуфеодальное государство, которое пострадало от притеснения иностранными державами, раздробленного состояния и частых войн, и народ которого подвергался бедствиям (Си Цзиньпин, 2023).*

2. Конфронтационная КС:

— КТ осуждения:

РФ — *«Отрицание этого священного принципа погубило величайшие империи прошлого, его забвение предопределило трагический финал грандиозных социальных экспериментов» (Б.Н. Ельцин, 1991); «Но история не прощает только одного – безразличия и непоследовательности, расслабленности и самоуспокоенности» (В.В. Путин, 2018);*

КНР — *«我们坚决反对霸权主义和强权政治»/ Мы решительно выступаем против гегемонизма и силовой политики (Цзян Цзэминь, 1993); «我们坚决反对任何形式的“两个中国”、“一中一台”或“一国两府”，坚决反对任何制造台湾独立的企图和行动»/ Мы решительно выступаем против любой формы, нацеленных на создание "двух Китаев", "одного Китая и одного Тайваня", либо "одной страны, двух правительств", решительно выступаем против любых попыток и действий, направленных на создание независимости Тайваня (Цзян Цзэминь, 1993); «一切分裂祖国的行径和伎俩都是注定要失败的，都会受到人民的谴责和历史的惩罚»/ Любые действия и уловки, нацеленные на разобщение Китая, непременно столкнутся с осуждением со стороны народа и будут наказаны историей (Си Цзиньпин, 2018).*

— КТ упрека:

РФ — *«Отечественный и мировой с свидетельствует: неудача неизбежна, когда не хватает решимости действовать, идти на оправданный риск, когда ограничиваются полумерами и останавливаются на полпути.» (Б.Н. Ельцин, 1991);*

КНР — примеры реализации отсутствуют.

— **КТ иронии:**

РФ — *«Не находя правды в жизни, люди пытались найти ее на небе или в мечтах о светлом будущем»* (Б.Н. Ельцин, 1991); *«Достойная жизнь не даруется свыше и не наступает сама собой. К ней невозможно прийти, построившись в колонны и слепо выполняя приказы сверху»* (Б.Н. Ельцин, 1991);

КНР — примеры реализации отсутствуют.

Проведенный лингвопрагматический анализ позволяет сформулировать ряд положений, характеризующих общность/специфичность организации инаугурационных дискурсивных практик в русскоязычной и китайской лингвокультуре. Так, в качестве маркеров-идентификаторов назовем следующие: (1) явное превалирование интегративных КС над дезинтегративными (8 по отношению к 2); (2) многообразие используемых КТ в рамках каждой КС; (3) явную речетактическую насыщенность интегративных КС аргументации (7 КТ) и призыва (4 КТ) и – что не вполне соответствует ожиданиям – дезинтегративной КС манипуляции (4 КТ); (4) тяготение лидеров государства к использованию КТ благодарности (КС вежливости), КТ обещания (КС самопрезентации), КТ комплимента /похвалы (эмоционально настраивающая КС) и КТ генерализации (КС аргументации), которые характеризуются высокой частотностью использования соответствующих вербальных конструкций.

Вместе с тем при вполне соотносимой общей картине существуют некие тактико-стратегические предпочтения речевого «обрамления» инаугурационных обращений: в выступлениях лидеров КНР побуждающая КС представлена большим количеством КТ (отсутствие КТ поручения в РФ); КС компромисса (КТ согласия) актуализируется только в высказываниях глав РФ; КТ выбора предмета речи, фиксирующая особую значимость процесса инаугурации, используется лидерами РФ, но отсутствует в обращениях председателей КНР. Очевидно расхождение в способах экземплификации конфронтационной КС: в выступлениях лидеров РФ она представлена 3 КТ – осуждения, упрека и иронического замечания, тогда как главы КНР используют только самый «мягкий» вариант вербализации –

осуждение, при этом частотность данных конструкций существенно ниже, что в совокупности можно считать лингвокультурными спецификаторами инаугурационного дискурса России и Китая.

Принципиально важен и тот факт, что *одинаковое именование* ряда КС не свидетельствует об их идентичном семасиологическом воплощении в разнокодовых инаугурационных дискурсивных практиках, поскольку вариативность их реализация обуславливается и особенностями конкретной лингвокультуры (русской/китайской), и геополитическими/историческими обстоятельствами выборной кампании (например, условия жестких социально-экономических потрясений в момент избрания Б.Н. Ельцина), и, бесспорно, идиостилем речевого поведения лидера страны.

Самым же интересным оказывается перлокутивный эффект использования дезинтегративных КС: смысловое наполнение 4 КТ, выявленных в инаугурационных речах (отрицания, абсолютизации, оценивания, осуждения), организовано в рамках «классической» для политики дуальной модели ‘свои-чужие’, где в рамках по внешней политики ‘свои’ – граждане страны, ‘чужие’ – представители других государств, в контексте внутренней политики ‘свои’ – поддерживающие, ‘чужие’ – оппозиционеры. Соответственно, главы государства укрепляют внутреннее единство, акцентируя внимание на внешних угрозах и выставляя в качестве «общих мнимых врагов» факторы, тормозящие развитие страны и наносящие ущерб интересам народа. Умелое сочетание дезинтегративных и интегративных КС не только особым образом актуализирует основную идеологему инаугурационного дискурса – необходимость политического сплочения, общегражданского сотрудничества, объединения усилий всех членов социума для достижения главенствующей цели – завоевания победы над «врагом» – и укрепления национальной идентичности, но и является вербальным «базисом» положительного имиджа лидера государства.

Используемые в российских и китайских инаугурационных дискурсивных практика КС и КТ способствуют эффективной реализации следующих, как нам

представляется, прагматических функций – фатической, презентационной, кумулятивной, интеграционной и апеллятивной.

Реализация фатической функции достигается употреблением КТ благодарности (КС вежливости) и КТ обращения (побуждающая КС), которые способствуют привлечению внимания слушателей, их подготовке к восприятию информации и созданию дружеской коммуникативной атмосферы. Кроме этого, создание положительного имиджа глав государств реализуется посредством КС самопрезентации и КС сотрудничества: лидеры России и Китая, активно используя КТ позитивной характеристики и КТ предложения сотрудничества, передают международному сообществу в первых выступлениях дружественные сигналы. Интенсивная используемая информативная КС, выполняющая кумулятивную функцию, дает четкое представление об историческом развитии страны и о многих важных событиях в политической, экономической, культурной, научно-технической сферах. Социокультурная интеграционная функция эксплицируется в использовании руководителями стран КТ демонстрации участия, КТ предложения решения (КС сотрудничества) и КТ генерализации (интегративная КС), а также КТ отрицания и КТ осуждения (дезинтегративная КС), чтобы реализовать внутреннюю координацию общества посредством конкретизации и интернализации идей и ценностей общества. Апеллятивная функция выражается в мотивации людей с помощью побуждающей КС и КС аргументации, при этом главы государств призывают народ к объединению и совместному преодолению трудностей, а также укрепляют национальную уверенность и гордость КТ призыва и КТ описания позитивной перспективы.

3.2 Лингвостилистические особенности инаугурационного дискурса РФ и КНР

Как уже было описано, торжественная церемония вступления нового лидера во власть в силу своей специфики, с одной стороны, носит ярко выраженную театрализованную «окрашенность», с другой же – реализует важнейшие идеологические смыслы, в целях чего активно используется весь многообразный

спектр стилистических средств. В самом процессе инаугурации внушающее (даже суггестивное) влияние на аудиторию преобладает над рациональным восприятием действительности, когда убеждение связывается преимущественно с воздействием на эмоции и подсознание, а не на разум [Михальская, 1996, с. 150]. Поэтому при подготовке инаугурационных выступлений государственные руководители предпочитают запоминающиеся, броские, остроумные, экспрессивные выражения.

Общеизвестно, что русский и китайский язык относятся к разным языковым семьям – индоевропейской и китайско-тибетской. Согласно одной из самых распространенных классификации языков – морфологической классификации [Солнцев, 1995], китайский язык принадлежит к изолирующим языкам агглютинативного типа, в то время как русский язык относится к неизолирующим флективным языкам. В связи с разными типологическими характеристиками русского и китайского языков в таких критериях, как уровни языка и соответствующие им языковые единицы, части речи, грамматические категории [Васильевич, 2018, с. 149-152], русско- и китайскоязычные инаугурационные дискурсивные практики явно отличаются лингвостилистическими особенностями, однако стандартизированность интенционального «посыла» лидеров позволяет выявить широкий ряд языковых средств (стилистических фигур, тропов, композиционных приемов), обеспечивающих эффективное речевое воздействие на аудиторию в ходе инаугурационного выступления.

Стилистические средства инаугурационного дискурса РФ

Самая распространенная фигура в инаугурационных речах представляет собой различный вариант повторов. Традиционно (согласно типу повторяющихся элементов) выделяют повторы звуковые, морфемные, лексические, синтаксические; в основе данной классификации лежит принцип повторяемости одних и тех же элементов, относящихся к различным языковым уровням [Боженкова, 1998]. В зависимости от места положения относительно друг друга в речевой цепи позиции повторов можно разделить на контактные и дистантные повторы, к первой группе относятся *анафора, эпифора, симплока, анаэпифора*; к дистантной – *анадиплозис* [Копнина, 2012, с. 363-365]; по количеству повторяющихся единиц – *редупликация*,

геминация. На основе данных таксономий можно выделить интенсивно встречающиеся виды повторов на фонетическом, морфемном и лексическом уровнях.

На фонетическом уровне наиболее частотными приемами в инаугурационных речах российских президентов являются *ассонанс* и *аллитерация*, которые способствуют формированию дополнительного музыкально-мелодического звучания высказывания. См.: *наш народ; вызовы времени; особенно остро осознаю свою колоссальную ответственность перед каждым из вас* (В.В. Путин, 2018); *...впервые верховная власть в стране передается ... по воле народа; Считаю своей святой обязанностью сплотить народ России, собрать граждан* (В.В. Путин, 2000); *Только что мной принесена президентская присяга. (Д.А. Медведев, 2008); Они сохранили стремление к свободе, к справедливости и достойны лучшей жизни* (Б.Н. Ельцин, 1991). Отметим также интенсивное использование сочетание звуков [ра], [ре] [ро]: *Чтобы в стране развивалась реальная многопартийность, укреплялись личные свободы граждан; Мы наследники России. Родины выдающихся сынов и дочерей* (В.В. Путин, 2004) – такой набор созвучий делает фрагмент речи ритмичным и энергичным.

На морфемном уровне выделим *гомеологию* – повторение одинаковых или однотипных приставок, корней и суффиксов: *...будем наращивать гуманитарные, культурные, научные связи* (В.В. Путин, 2018); *преобразовать и преобразить страну; ... я взял огромную ответственность, глава ... отвечает за все* (В.В. Путин, 2000), а также *гомеотелевтон* – повторение окончаний: *Родины выдающихся сынов и дочерей: тружеников, воинов, творцов* (В.В. Путин, 2004); *Но история не прощает ... непоследовательности, расслабленности и самоуспокоенности* (В.В. Путин, 2018); *отказываться от своего прошлого, настоящего и будущего; в основе прогресса – собственность, законность, открытость миру; не утратили умения и желания трудиться и жить в мире* (Б.Н. Ельцин, 1991).

На лексическом уровне выделяются *геминация* и *редупликация* (повтор слов или словосочетаний, использующих одинаковую грамматическую форму): многократно употребляется в инаугурационных речах российских лидеров для акцентирования повторных лексем: *Смена власти – всегда проверка конституционного строя, всегда проверка его на прочность* (В.В. Путин, 2000); *...и впредь будут для меня святы, и впредь будут для меня превыше всего; ... не должны зависеть от одного человека или от одной политической партии, одной политической силы* (В.В. Путин, 2004); *И сейчас мой долг – служить ему каждый день и каждый час* (Д.А. Медведев, 2008); *... служение Отечеству, служение нашему народу; Мы готовы к грядущим испытаниям и грядущим свершениям* (В.В. Путин, 2012); *Приветствую всех граждан нашей великой Родины, всех, кто смотрит или слушает трансляцию этой торжественной церемонии, всех, кто ...; ... далеко не все восстановлено, не все исторические раны залечены, не все сложности преодолены, а жизнь ставит... новые вызовы, новые непростые задачи...* (В.В. Путин, 2018); *подхват: Это мы вместе сделали нашу Родину открытой страной. Страной, готовой к широкому, равноправному сотрудничеству с другими государствами; Это величие должно быть подкреплено. Подкреплено новыми делами сегодняшних поколений граждан нашей страны* (В.В. Путин, 2004) и *полиптон: ... я могу обещать и обещаю; я ее отстаивал и намерен отстаивать в будущем* (В.В. Путин, 2000); *в России глава государства отвечал и будет отвечать за все* (В.В. Путин, 2004).

В последних примерах В.В. Путин использует одинаковый глагол в разных формах – прошедшего времени и настоящего времени, что выражает преемственность политической линии. В случае, когда одинаковые имена прилагательные или имена числительные «украшают» разные «предметы»¹, лидеры делают акцент на общее качество этих предметов, например: *Россия – это родной дом, родная земля* (Д.А. Медведев, 2008); *Только свободные люди в свободной стране могут быть по настоящему успешными* (В.В. Путин, 2004);

¹ То есть являются знаками-квалификативами.

каждый день и *каждую* минуту помнить, что у нас *одна* Родина, *один* народ, у нас с вами *одно* общее будущее (В.В. Путин, 2000).

Главными приемами-повторами, способствующими усилению выразительности выступления, конечно, являются *анафора, эпифора*¹, *градация, синтаксический параллелизм*. См. примеры анафоры и эпифоры: *Нет выше чести ... Нет выше должности; Веками в нашей стране ... Веками государственный интерес...* (Б.Н. Ельцин, 1991); *Именно они признаны высшей ценностью ... и именно они определяют смысл* (Д.А. Медведев, 2008); *Мы сохраним эту память, мы сохраним эту связь времен* (В.В. Путин, 2000); ... *фундамент для долгосрочного развития, для стабильного развития* (Д.А. Медведев, 2008).

Градация определяет «эмоциональный накал» инаугурационного обращения: *Мы будем добиваться внедрения инновационных подходов во все сферы жизни, строить самые передовые производства, модернизировать промышленность и сельское хозяйство, создавать мощные стимулы для частных инвестиций и в целом стремиться к тому, чтобы Россия прочно утвердилась среди лидеров технологического и интеллектуального развития* (Д.А. Медведев, 2008); *Их мужество, неустанный труд, непобедимое единство, священное отношение к родной земле – вечный пример преданности Отчизне; Он волновался, тревожился, сходил с ума; Мы обязательно достигнем наших целей, добьемся прорывов в науке и технологиях, вместе реализуем масштабные планы обновления городов и сел, развития всех наших регионов* (В.В. Путин, 2018).

Параллельные синтаксические конструкции (*макропараллелизм* и *микропараллелизм*) в совокупности образуют «жесткий каркас» инаугурационного выступления российских лидеров и, «усиливаясь» другими типами повторов, определяют пафос речи в целом. Так, структурный повтор самостоятельных (или придаточных) предложений создает макропараллелизм;

¹ Однако частотность эпифоры меньше, она служит, как правило, усилению звукового тождества предложения.

синтаксическая тождественность членов предложения является основой микропараллелизма.

Например, многократное использование номинации прямого объекта вносит большую ясность в фрагмент выступления и создает замедленный темп его произнесения [Сатюкова, 2015, с. 478]: *Я верю в силу наших общих целей и идеалов, в силу нашей решимости преобразить страну, в силу объединённых действий граждан, в наше общее стремление к свободе, к правде, к справедливости*¹ (В.В. Путин, 2012); повторяющийся предлог *для* в предложении выражает многоаспектные намерения и (отчасти) придает описанию стройность и логичность: *Считаю своим долгом ... сделать все для России, для ее настоящего и будущего – мирного и процветающего, для сбережения и продолжения нашего великого народа, для благополучия в каждой российской семье*² (Б.Н. Ельцин, 1991); *Нам еще многое, очень многое предстоит сделать – и для страны, и для себя, и для наших детей*³ (В.В. Путин, 2004); *мы должны использовать все имеющиеся у нас возможности для решения внутренних задач развития, для экономического, технологического прорыва, для повышения конкурентоспособности*⁴ (В.В. Путин, 2018). Отметим, что повтор предлогов не только играет структурную роль в предложении, но и содействует сочетанию однородных членов, не имеющих лексико-семантической соотнесенности [Пешковский, 2001, с. 401], например: *Рассчитываю здесь на новые идеи и подходы, на дерзновенность нашей молодежи, на ее способность стать настоящими лидерами перемен* (В.В. Путин, 2018).

Макропараллелизм нередко детерминирует агитационный характер инаугурационных выступлений, что проявляется в интенсивном использовании однотипных синтаксических конструкций, в совокупности создающих сложный градационный ряд и обеспечивающих патетику высказывания, например: *Люди справедливо хотят, чтобы проблемы, которые их беспокоят, решались без проволочек, чтобы к их предложениям, замечаниям и требованиям относились с*

¹ Конструкция «осложнена» трехэлементной градацией.

² Здесь выделяется гомеотелевтон.

³ В данном высказывании актуализируется и нисходящая трехэлементная градация, полисиндетон и ассонанс.

⁴ Здесь также микропараллелизм сочетается с градационным рядом.

должным вниманием, **чтобы** такие понятия, как репутация, честь, отзывчивость, открытость стали нормой жизни для представителей всех уровней власти (В.В. Путин, 2018); *Россия должна быть современной и динамичной... в тех сферах, где мы традиционно сильны, и уверенно, кропотливо, собрав волю в кулак, работать там, где мы еще должны будем добиться нужных для нас результатов, там, где сделано еще явно недостаточно* (В.В. Путин, 2018). См. также примеры полного синтаксического параллелизма: **Мы добьёмся** наших целей, **если будем** единым, сплочённым народом, **если будем** дорожить нашим Отечеством, укреплять **российскую демократию, конституционные права и свободы... Мы обязательно добьёмся** успеха, **если будем** опираться на прочный фундамент культурных и духовных традиций нашего многонационального народа (В.В. Путин, 2012); **Мы справились** с труднейшими экономическими, социальными проблемами. **Мы осознали, что,** меняясь вместе с миром, нельзя отрываться **от своих собственных корней, от своей истории, от своей многонациональной культуры. Мы поняли, что** вся красота и вся сила – в нашей самобытности и единстве. **Мы научились отстаивать** свои интересы, **возродили** гордость за **Отечество, за наши традиционные ценности, за великую Россию** (В.В. Путин, 2018).

Таким образом, все описанные речевые средства (в терминологии Л.К. Граудиной и Н.Н. Васильковой¹ – суггестивные фигуры) объединены принципом соразмерности звуковых, смысловых и ритмичных повторов, которые оказывают эстетическое воздействие и обеспечивают гармоничное движение фразы.

Не менее интересным оказывается класс языковых приемов, базирующихся на взаимодействии понятийных обозначений в синтагме и названных теми же авторами эмфатическими фигурами.

Антитеза как семантическая фигура, подчеркивающая контраст между сопоставляемыми явлениями, реализуется в инаугурационных речах российских лидеров в формах **акротезы**: *Мы возвращаемся в мировое сообщество..., чтобы обрести друзей, а не врагов* (Б.Н. Ельцин, 1991); **коррекцию**: *Президент - не Бог, не новый монарх, не всемогущий чудотворец, он гражданин, облеченный*

¹ См. подробнее [Василькова, 2019, с. 130].

огромной ответственностью за судьбу России (Б.Н. Ельцин, 1991); *амфитезы: ... жизнь будущих поколений... зависит .. от нашей настойчивости в обустройстве огромных российских пространств от Балтики до Тихого океана* (В.В. Путин, 2012)¹.

Хиазм не только делает предложение более целостным синтаксически, но и демонстрирует взаимообусловленность важных идеологических смыслов: *Государственная власть ответственна перед народом, который ее избрал, народ ответствен перед государством, которое поставил над собой* (Б.Н. Ельцин, 1991).

Пассивные конструкции, используемые в инаугурационных обращениях российских президентов, создают «фантомный образ адресантов и происходят его исключение из личной сферы говорящего» и тем самым выполняют манипулятивную функцию с помощью «перекладывания ответственности на “чужого”» [Михалёва, 2009, с. 91]. Пассивные конструкции представлены двумя разновидностями: (1) со сказуемым, выраженным глаголом с постфиксом *-ся* в страдательном значении: *Сегодня ... нам потребуется решать задачи принципиально иного уровня, иного качества и масштаба* (В.В. Путин, 2012); *В радикальном обновлении нуждается и Российская Федерация* (Б.Н. Ельцин, 1991); (2) со сказуемым, выраженным кратким страдательным причастием: *Построение демократического государства еще далеко не завершено, но много уже сделано* (В.В. Путин, 2000); *За последние восемь лет был создан мощный фундамент для долгосрочного развития...* (Д.А. Медведев, 2008).

Конструкции с номинализацией обеспечивают возможность «представить ситуацию как такую, которая не контролируется адресантом» [Михалёва, 2009, с. 90]. По мнению П. Серию, субъект предложения с этой конструкцией называется «универсальным субъектом» (в отличие от «я»), что может снимать ответственность с адресанта [Серию, 1999. с. 360-370]. Например: *Но сейчас мы*

¹ Так, Б.Н. Ельцин объясняет обязанность президента – новое название главы государства – посредством коррекции, где предыдущие компоненты семантически усиливают значение последнего, с целью избежания недоразумений со стороны народа, столкнувшегося с политическими потрясениями; В.В. Путин описывает огромную территорию России путём указания на крайние точки.

должны использовать все имеющиеся у нас возможности ... для **решения** внутренних задач развития, ... для **повышения** конкурентоспособности... (В.В. Путин, 2018); *Сегодня у нас есть всё для движения вперёд, для созидания: дееспособное и развивающееся государство, прочная экономическая и социальная база, активное и ответственное гражданское общество*¹ (В.В. Путин, 2012).

Сравнительные конструкции обеспечивают «демонстрацию связи» настоящего с историческим прошлым, что отражает преемственность и устойчивость политики: *Она [Россия], как и прежде, стремится постичь таинства человеческой души, связь времен и судеб* (Б.Н. Ельцин, 1991); *Как и раньше, буду исходить из того, что помощь и поддержка граждан Российской Федерации являются самой главной и самой надежной опорой в деятельности ее Президента* (В.В. Путин, 2004); *Как и в предыдущие годы, буду работать активно, открыто и честно, сделаю все, что смогу, все, что в моих силах, чтобы оправдать надежды миллионов людей* (В.В. Путин, 2012); *Заверяю вас: целью моей жизни, работы будет, как и прежде, служение людям, нашему Отечеству* (В.В. Путин, 2018).

Риторическое восклицание интенсивно используется в заключительной части выступления: *Пройдя через столько испытаний, ясно представляя свои цели, мы можем быть твердо уверены – Россия возродится!* (Б.Н. Ельцин, 1991). *Мы обязательно добьемся успеха! Верю, так и будет! Сделаю для этого все, что в моих силах!* (В.В. Путин, 2018).

Цитация: *Первый Президент России Борис Николаевич Ельцин, покидая Кремль, сегодня вспомнил об этом – произнес слова, которые многим запомнились. Он сегодня повторил в этом зале: «Берегите Россию»* (В.В. Путин, 2000); *В последние месяцы и в Москве, и на встречах в российских регионах я чувствовал ваше понимание и вашу поддержку, и очень часто от людей, от самых простых людей на площадях и улицах наших городов слышал очень простые, но очень важные для меня слова – мне говорили: «Мы вам верим, мы надеемся на вас, вы нас*

¹ Идеологический посыл обращения вновь «усиливается» трехэлементной градацией.

только не обманите» (В.В. Путин, 2000). В.В. Путин, цитируя слова как предыдущего президента, так и народа в целом, подтверждает свой огромный долг перед ожиданием со стороны государства и общества.

Инаугурационная речь президентов РФ также наполнена тропеическими средствами – **эпитетами, метафорами, фразеологизмами, прецедентными единицами**. Так, *Россия, страна, Родина, государство, общество* описываются следующими художественно-образными определениями: *Россия – динамичная, сильная, активная, влиятельная, богатая, открытая, миролюбивая; государство – процветающее, миролюбивое; нация / народ единый, талантливый, великий*, благодаря чему президенты подчеркивают достоинства этноса и тем самым устанавливают доверительные отношения с публикой.

Метафора: *Но я понимаю, что ваша поддержка – это только аванс власти в целом и, разумеется, мне, вступающему сегодня в должность Президента страны* (В.В. Путин, 2000) – ‘аванс’ как бухгалтерский термин метафоризируется путем конкретного обозначения абстрактных сущностей, способствует упрощению понимания широкой аудиторией сложных политических понятий и демонстрирует уважение президента к праву избирателей. **Олицетворение** повышает выразительность посредством перенесения человеческих черт на неодушевленные предметы: *Но история не прощает только одного – безразличия и непоследовательности, расслабленности и самоуспокоенности* (В.В. Путин, 2018). **Метонимия:** *Вместе с нашими партнерами будем активно продвигать интеграционные проекты, наращивать деловые, гуманитарные, культурные, научные связи* (В.В. Путин, 2018). Вместо именованного одного предмета дается название другого, которые находятся в отношении «ассоциации по смежности» [Ахманова, с. 608]. Представляется, что подобные формы метонимии используются аппаратом Правительства в тех случаях, когда статус отношений необходимо подчеркнуть (одновременно эта лексема может выражать и недружественные отношения стран). **Фразеологические выражения:** *Здесь, в Кремле, – средоточие нашей национальной памяти, здесь, в стенах Кремля, веками вершилась история*

нашей страны¹, и у нас нет **права быть Иванами, не помнящими родства** (В.В. Путин, 2000). В 2018 году В.В. Путин упомянул *птицу феникс*. Он говорил так: *Но все мы хорошо помним, что за более чем тысячелетнюю историю Россия не раз сталкивалась с эпохами смут и испытаний, и всегда возрождалась, как птица феникс, достигала таких высот, которые другим были не под силу...* (В.В. Путин, 2018). Феникс, как «мифологическая долгоживущая птица, возрождающаяся после гибели» [Суриков, 2009, с. 695], в современном языке символизирует возрождение и вечность: несмотря на то, что Россия пережила ряд таких крупных и сложных событий, как распад Советского Союза и экономические реформы, как бы ни менялись внутренние и внешние условия, она всегда возрождается в процессе истории, придерживается модели самостоятельного развития и укрепляет свои позиции на международной арене. Выступающий и слушатели «резонируют» в общей культурной ассоциации символа феникса, культурное познание феникса адресатами проецируется на развитие страны, вместе с этим стимулируются позитивные ожидания и вера в будущее страны. Использование прецедентных культурных знаков делает инаугурационную речь более «многопластовой» и привлекающей внимание, как будто два хорошо знающих друг друга человека ведут молчаливый диалог и достигают консенсуса. Такие вербальные конструкции, известные в картине мире определенной национальности, способствуют сплочению этноса и достижению перлокутивного эффекта.

На это же направлено и включение ряда слов высокого стиля – *святое место, святая обязанность, отечество, потомки, верховная власть*. Одновременно используются и обиходно-бытовые единицы и конструкции, например: *Возможно, не удастся избежать ошибок, но что я могу обещать и обещаю – это то, что буду работать открыто и честно* (В.В. Путин, 2000); *Мы часто повторяем: в России глава государства отвечал и будет отвечать за все* (В.В. Путин, 2004). Общедоступность высказываний в сочетании с патетической лексикой обеспечивает эффективность восприятия и уяснение смысла инаугурационных речей для самого широкого круга слушателей.

¹ Здесь можно выделить прием генерализации.

Таким образом, эмоциональность и эмотивность высказывания достигается включением в инаугурационные речи различных стилистических средств (от языковых приемов суггестии до прецедентных высказываний), вербализирующих актуальные для слушателей ценностные смыслы с целью формирования желаемых когнитивных образов в сознании аудитории.

Результаты проведенного анализа можно представить в виде диаграммы (см. диаграмму 6).

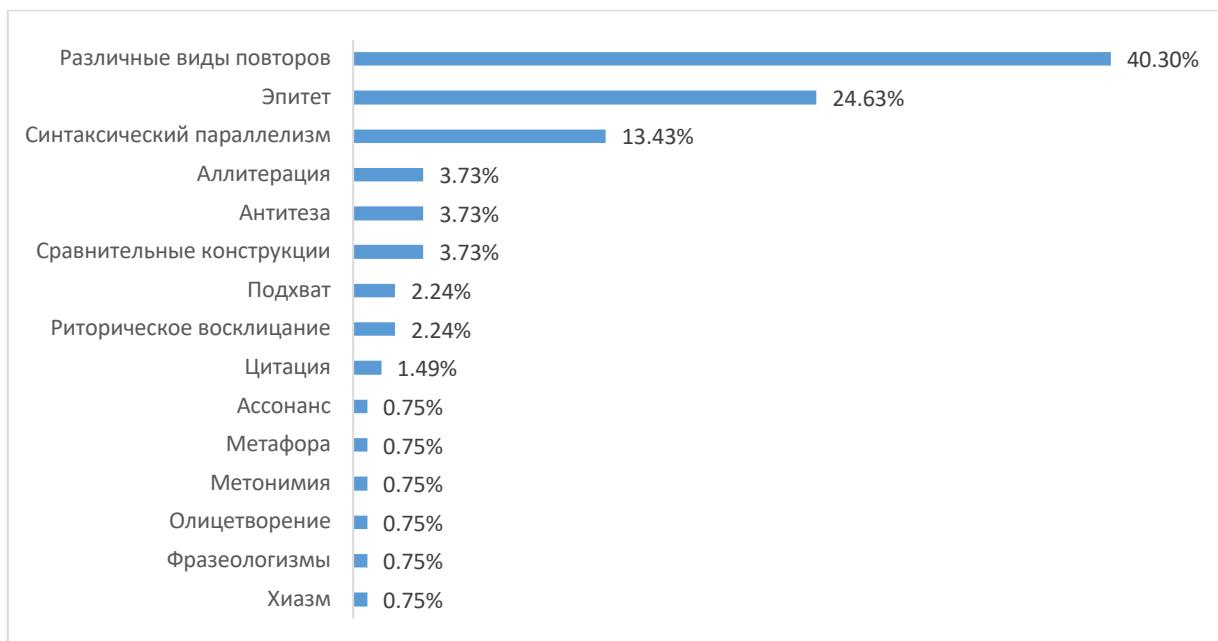

Диаграмма 6. Частотность использования лингвостилистических средств в инаугурационных дискурсивных практиках РФ

Стилистические средства инаугурационного дискурса КНР

В связи с тональным характером и сложившимися правилами ритмической организации текста китайского языка в инаугурационных речах китайских лидеров используются следующие фонетические средства.

Ровные и ломаные тоны придают текстам фонетическую мелодичность и благозвучность. В китайском языке количество иероглифов фразеологизма в основном равно четырем. Например, «万众一心/ сплотиться как один человек»; «自强不息 / постоянно обновляться и самосовершенствоваться» – этим фразеологизмам присуще возвышенное, торжественное звучание. По тонам (万众

一心↘↘↘→ / 自强不息↘↗↘→¹) видно, что между ними одинаковое чередование ровных и ломаных тонов последних двух иероглифов. Кроме этого, Си Цзиньпин цитирует знаменитые стихотворения «*等闲识得东风面, 万紫千红总是春*»/ *Я в воздухе свежем привольно подставил восточному ветру лицо. Там сотни багряных и тысячи алых цветов – и кругом весна*), отличающиеся чередованием ровных и ломаных тонов (平仄), при этом чередование тонов имеет свою последовательность: ломаный – ровный – ломаный – ломаный – ровный – ровный – ломаный, ломаный – ломаный – ровный – ровный – ломаный – ломаный – ровный (仄平仄仄平平仄, 仄仄平平仄仄平). Китайский лидер использует прецедентный текст, известный китайцам, выражает уверенность в будущее и придает выступлению ритмичную красоту.

Рифма придает выступлению звуковую гармонию и повышает его привлекательность, что увеличивает эффективность воздействия. Например, «*抓住有利时机, 集中力量发展自己*»/ *Воспользоваться благоприятным случаем и сосредоточить наши усилия на саморазвитии* (Цзян Цзэминь, 1993); «*要奋斗要发, 就会有困难有风险*»/ *Чтобы бороться и развиваться, будут трудности и риски* (Цзян Цзэминь, 1998), последние слова словосочетаний «机» и «己», «展» и «险» рифмуются. Фразеологии с формой «ААББ», характеризующиеся таким парным звуком, как «*兢兢业业/ проявлять усердие и осмотрительность*», «*干干净净/ совершенно чистый*», формируют ритмический метр.

В инаугурационных речах китайских лидеров доля **фразеологизмов**, как устойчивых привычных лексических единств, составляет 49%. Особенно, интенсивно употребляются фразеологизмы, имеющие положительное эмоционально-оценочное значение, такие как *雄心壮志/ великие устремления и сильная воля, 再接再厉、一往无前/ не останавливаться на достигнутом, а стремиться вперед, 万众一心/ сплотимся как один человек, 革故鼎新、自强不息/*

¹ Это тоны в слове путунхуа (манدارинского китайского языка): знак → обозначает первый тон, ↗ второй тон, ↘ ↗ – третий тон, ↘ – четвертый тон.

остоянно обновлялся и самосовершенствовался, *自强不息/ неустанно крепить свои силы*, *不骄不躁/ быть скромными и осмотрительными*, *同心同德/ работать с единым сердцем и единым умом*. Фразеологизм в краткой форме с глубокой идеей придает эмоциональную окраску высказыванию, более того, вызывает общие ассоциации с национальной культурой, так как происхождение фразеологизма тесно связано с историей, культурой и традицией Китая.

Большинство **афоризмов**, используемых китайскими лидерами – это цитаты из Конфуцианской классики, например, «*功崇惟志, 业广惟勤*»/ *Для великого подвига необходимы великие устремления, а для великого дела - упорный труд* (Си Цзиньпин, 2013); «*任重而道远*»/ *Ноша тяжелая, а путь далёк* (Си Цзиньпин, 2013). Эти известные китайскому народу афоризмы, с их помощью осуществляются преподнесение информации как неопровержимой истины и использование общеизвестных фактов перед внедрением в сознание адресатов необходимой информации [Копнина, 2010].

Один из самых распространенных тропов в инаугурационных выступлениях китайских представителей является **сравнение**, включающее **явное сравнение**, **скрытое сравнение** и **метафора**. По сравнению с явными сравнениями, китайские лидеры предпочитают использовать скрытое сравнение и метафору. Си Цзиньпин подчеркнет огромное значение природы посредством **скрытого сравнения**, то есть косвенное опосредованное сравнение психологических особенностей одного субъекта с особенностями другого: «*绿水青山就是金山银山*»/ *Зеленые горы и чистые воды — это несметные сокровища*. (Си Цзиньпин, 2018). **Метафора** состоит в употреблении слова, обозначающего некоторый класс объектов (предметов, лиц, явлений, действий или признаков), для обозначения другого, сходного с данным класса объектов или единичного объекта, например, «*要全面推进国防和军队现代化建设, 把人民军队建设成为有效维护国家主权、安全、发展利益的钢铁长城*»/ *Следует всесторонне способствовать модернизации национальной обороны и вооруженных сил, прилагать усилия по превращению народной армии Китая в "стальную Великую стену", способную эффективно*

защищать суверенитет, безопасность и интересы развития страны (Си Цзиньпин, 2023). Сравнение армии через Великую стену используется для описания особенностей надежности и твердости, можно вызвать глубокое впечатление об описываемом субъекте: *«把蓝图变为现实, 是一场新的长征。路虽然还很长, 但时间不等人, 容不得有半点懈怠»*/ *Воплощение этой схемы в жизнь - процесс, являющийся не иначе как "новым Великим походом"* (Си Цзиньпин, 2018); *«让承载着 13 亿多中国人民伟大梦想的中华巨轮继续劈波斩浪、扬帆远航, 胜利驶向充满希望的明天»*/ *Пусть гигантский корабль Китая, несущий великие мечты более чем 1,3 миллиарда китайцев, продолжит рассекать волны и плывет победоносно к светлому завтрашнему дню* (Си Цзиньпин, 2018). Метафорическое сравнение позволяет более глубоко описать развитие страны, сменить абстрактное на конкретное, сложное на простое, что также помогает аудитории лучше уяснить сущность субъекта. Кроме того, метафорическое сравнение оживляет и обогащает речь.

Олицетворение – прием, состоящий в переносе качеств человека на предмет. В силу того, что люди внимательно относятся к человеческим характеристикам, для достижения эффекта передачи информации и усиления доходчивости при описании страны или политики можно перенести основные характеристики человека на них, и тогда описание страны и политики станет более живым, интересным, тонким и чувственным. Например, *«今天, 我们的人民共和国正以昂扬的姿态屹立在世界东方»*/ *Сегодня наша Народная Республика гордо и величаво встала на Востоке мира* (Си Цзиньпин, 2013) *«中国特色社会主义道路、理论、制度、文化焕发出强大生机活力»*/ *Путь, теория, система и культура социализма с китайской спецификой светятся большой жизненной силой* (Си Цзиньпин, 2018).

Среди композиционных приемов организации инаугурационных обращений доминируют отношения конструкции, основанные на параллелизме, представляющем собой расположение тождественных или сходных по грамматической и семантической структуре элементов речи, такие как **антитеза**,

парное построение, последовательное построение, повторение, присоединение и наложение.

Антитеза используется в таком случае, когда прямое противопоставление мыслей или образов усиливает убедительность и выразительность аргументов. Например, «*团结就是力量, 团结才能前进, 一个四分五裂的国家不可能发展进步*»/ *Единство - это сила, единство позволяет двигаться вперед. Страна, которая раздроблена и разделена, не может развиваться и прогрессировать* (Си Цзиньпин, 2018); «*弘扬党的光荣传统和优良作风, 坚决反对形式主义、官僚主义*»/ *Развивать славные традиции партии и её лучший стиль работы, решительно выступать против формализма бюрократизма* (Си Цзиньпин, 2013). Противопоставление различных характеристик позволяет привлечь внимание слушателей.

Парное построение – это сочетание двух синтаксических единиц, соотносительных по смыслу и симметричных по своей структуре, который активно используется в речах китайских лидеров: «*纵观历经沧桑的过去, 展望充满希望的未来*»/ *Оглядываясь на превратности прошлого и заглядывая в обнадеживающее будущее* (Цзян Цзэминь, 1998); «*响应时代的召唤、顺应人民的意愿*»/ *Откликнуться на зов времени, идти навстречу пожеланиям народа* (Ху Цзиньтао, 2008); «*山再高, 往上攀, 总能登顶; 路再长, 走下去, 定能到达*»/ *Китайский народ верит, что какими бы высокими ни были горы, нужно продолжать двигаться вверх и тогда можно достичь вершины; каким бы долгим ни был путь, нужно продолжать двигаться вперед и тогда можно достигнуть цели* (Си Цзиньпин, 2018); «*心往一处想, 劲往一处使*»/ *Всем народам страны нужно следовать своей миссии, единодушно стремиться к достижению общей цели* (Си Цзиньпин, 2013); «*光荣属于祖国, 成就归功于人民*»/ *Слава принадлежит Родине, а достижения – народу* (Ху Цзиньтао, 2008). По смыслу две части парного построения тесно связаны друг с другом, по форме две части сходны грамматически, синтаксически, соответственно, парное построение аудитивно мелодично и музыкально, а мысль лаконична и сконцентрирована.

Последовательное построение является одной из важнейших фигур стилистического синтаксиса и реализуется в четырех вариантах: (1) **компонентное последовательное построение**: «**有梦想，有机会，有奋斗，一切美好的东西都能够创造出来**»/ *Имея мечту, возможности и желание бороться, мы, безусловно, в состоянии создать все прекрасное* (Си Цзиньпин, 2013); «**不断实现好、维护好、发展好最广大人民根本利益**»/ *Нам нужно непрерывно реализовывать, защищать и развивать коренные интересы широчайших народных слоев* (Си Цзиньпин, 2013); (2) **последовательное построение частей сложного предложения**: «**胜利地完成本次大会确定的各项任务，我们就能在建立社会主义市场经济体制方面迈出重大步伐，就能提前实现国民生产总值翻两番的目标，就能在社会主义民主法制建设和精神文明建设方面取得重要进展**»/ *Если мы успешно выполним задачи, поставленные этим собранием, мы сможем сделать крупный шаг вперед в создании социалистической рыночной системы хозяйства, реализовать цель четырехкратного досрочного увеличения валового национального продукта, достигнуть значительный прогресс в построении социалистической демократической, правовой системы и духовной цивилизации* (Цзян Цзэминь, 1993); (3) **последовательное построение простых предложений**: «**中国人民是具有伟大创造精神的人民。中国人民是具有伟大奋斗精神的人民。中国人民是具有伟大团结精神的人民。中国人民是具有伟大梦想精神的人民**»/ *Китайский народ - это народ с великим творческим духом. Китайский народ – это народ, преисполненный великим духом борьбы. Китайский народ – это народ с великим духом солидарности. Китайский народ - это народ, преисполненный великими мечтами* (Си Цзиньпин, 2018); «**只要我们坚定不移地高举邓小平理论伟大旗帜，坚定不移地贯彻“三个代表”重要思想，坚定不移地走中国特色社会主义道路，我们就一定能够胜利到达现代化的光辉彼岸，一代又一代中国人梦寐以求的中华民族的伟大复兴就一定能够实现，中华民族就一定能够对人类作出更大的贡献**»/ *Пока мы непоколебимо высоко держим великое знамя теории Дэн Сяопина, неуклонно претворяем в жизнь важную мысль о «трех представительствах», неуклонно*

*следуем по пути социализма с китайской спецификой, объединяемся как одно целое, стремимся к самосовершенствованию и усердно работаем, мы сможем успешно достичь славной другой стороны модернизации, великое омоложение китайской нации, о котором мечтали поколения китайцев, несомненно, будет реализовано, и китайская нация обязательно сможет внести большой вклад в человечество (Ху Цзиньтао, 2003); (4) **последовательное построение сложных предложений**: «**我相信, 只要 13 亿多中国人民始终发扬这种伟大创造精神, 我们就一定能够创造出一个人又一个奇迹! 我相信, 只要 13 亿多中国人民始终发扬这种伟大奋斗精神, 我们就一定能够达到创造人民更加美好生活的宏伟目标! 我相信, 只要 13 亿多中国人民始终发扬这种伟大团结精神, 我们就一定能够形成勇往直前、无坚不摧的强大力量! 我相信, 只要 13 亿多中国人民始终发扬这种伟大梦想精神, 我们就一定能够实现中华民族伟大复兴»/ Я верю, если более 1,3 млрд представителей китайского народа продолжают постоянно продвигать этот великий творческий дух, мы, несомненно, сможем одно за другим творить новые чудеса на Земле! Я верю, если более 1,3 млрд представителей китайского народа продолжают поддерживать этот дух великой борьбы, мы, несомненно, сможем достичь великой цели - создать более прекрасную жизнь для народа! Я верю, если более 1,3 млрд представителей китайского народа продолжают поддерживать этот великий дух солидарности, мы, несомненно, сможем сформировать мощную силу, которая поможет нам смело идти вперед и оставаться непобедимыми! Я верю в то, если более 1,3 млрд представителей китайского народа продолжают продвигать этот великий дух мечты, мы, несомненно, сможем осуществить великое возрождение китайской нации (Си Цзиньпин, 2018). Уместное использование последовательного построения в инаугурационных текстах может объяснить мысль максимально полно и исчерпывающе, подробно и четко описать сложные явления, выражать глубокие чувства и эмоции.***

Последовательное повторение (повтор) в качестве одного из самых употребительных приемов создания синтаксической выразительности, реализуется в форме повтора слова и повтора словосочетания или предложения: (1) **повтор**

слова: «**这个雄心壮志不仅一定要实现，也一定能够实现**»/ Это стремление не просто нужно реализовать, но и обязательно может реализовать (Цзян Цзэминь, 1998); «**要不断巩固发展全国各族人民大团结、海内外中华儿女大团结**»/ Необходимо непрерывно укреплять и развивать великую сплоченность многонационального народа страны и великую сплоченность всех сынов и дочерей китайской нации как в стране (Си Цзиньпин, 2023); «**为世界贡献更多中国智慧、中国方案、中国力量**»/ Китай готов привнести в мир больше китайской мудрости, китайских вариантов и китайской силы (Си Цзиньпин, 2018), в том числе и повтор предложения: «**同所有国家保持和发展友好合作关系，同世界各国人民一道...**»/ Поддерживать и развивать дружеские отношения и отношения сотрудничества со всеми странами, вместе со всеми народами мира... (Ху Цзиньтао, 2003); (2) **повтор словосочетания или предложения:** «**我们已经朝着这个光辉目标迈出了伟大的步伐，我们必将迈出更加伟大的步伐**»/ Мы уже сделали большие шаги к этой славной цели и, несомненно, сделаем еще большие шаги (Ху Цзиньтао, 2003); «**当今世界正在发生广泛而深刻的变化，当代中国正在发生广泛而深刻的变革**»/ Сегодня мир претерпевает масштабные и глубокие изменения, и современный Китай претерпевает масштабные и глубокие изменения (Ху Цзиньтао, 2008); «**中国永远不称霸、永远不搞扩张**»/ Китай никогда не будет претендовать на положение гегемона, никогда не будет проводить политику экспансии (Си Цзиньпин, 2018). Акцент делается на повторяемое слово или словосочетание с целью усиления эмоции или сконцентрирования внимания на мысли.

Последовательное присоединение (подхват) состоит в том, что иероглифы в конце предложения используются для того, чтобы начать следующее предложение, который позволяет не только усилить модальность и сделать предложение синтаксически более целостным и законченным, но и подчеркнуть отдельные части предложения, показав связи между ними. Например, «**新时代属于每一个人，每一个人都是新时代的见证者、开创者、建设者**»/ Новая эпоха – это

будущее каждого человека. Каждый человек – свидетель, создатель и строитель новой эпохи (Си Цзиньпин, 2018).

Последовательное наслоение (градация) основывается на том, что три и более конструкции, предложения или абзаца сопоставляются на основе логики по принципу проявления признака, количеству, размеру и другие. «*中华民族迎来了从站起来、富起来到强起来的伟大飞跃是中国人民奋斗出来的*»/ Китайская нация, поднявшись на ноги и став жить достойной жизнью, встречает колоссальный прорыв к процветанию, и это результат борьбы китайского народа (Си Цзиньпин, 2018); «*这条道路来之不易，它是在改革开放 30 多年的伟大实践中走出来的，是在中华人民共和国成立 60 多年的持续探索中走出来的，是在对近代以来 170 多年中华民族发展历程的深刻总结中走出来的，是在对中华民族 5000 多年悠久文明的传承中走出来的*»/ Найти этот путь нелегко, он является результатом более чем 30-летней великой практики, проведенной в свете политики реформ и открытости, результатом более чем 60-лених неустанных поисков со дня образования КНР, результатом углубленного подведения итогов более чем 170-летнего развития китайской нации, начиная с периода Нового времени, а также результатом наследования и развития древней китайской цивилизации с более чем 5000-летней историей (Си Цзиньпин, 2013). Использование градации способствует тому, что содержательные стороны предмета речи расставляются в упорядоченном виде, что позволяет сопоставить признаки и усиливает убедительность инаугурационного обращения.

В инаугурационных речах китайских лидеров наблюдается интенсивное использование *политических штампов (обобщенно-абстрактной лексики и терминов), клишированных конструкций и эмоционально окрашенных языковых единиц.*

Так, одной из важных черт является широкое употребление *обобщающих слов*, специальных для политических выступлений на китайском языке (при этом избыточных в аспекте семантики) например: «*目标/ цель*», «*任务/ задача*», «*方向/ направление*», «*路线/ линия*», «*事业/ дело*», «*方面/ сфера*». Например, «*我们就能在*

建立社会主义市场经济体制方面迈出重大步伐»/ Мы сможем сделать крупный шаг вперед в сфере создании социалистической рыночной системы хозяйства (Цзян Цзэминь, 1993). В переводе на русский язык данного примера смысловая избыточность очевидна, но такие слова облегчают восприятие передаваемой информации о политике для китайских слушателей.

Кроме этого, в речах китайских лидеров широко употребляются **абстрактные существительные**, образующиеся с помощью суффиксов – 性 (-ость, -ство), 主义(-изм), 化(-ция). Например, «积极性/ активность», «优越性/ преимущество», «主动性/ инициативность», «创造性/ созидательность», «现代化 / модернизация», «低碳化/ декарбонизация», «形式主义/ формализм», «官僚主义/ бюрократизм», «享乐主义/ гедонизм», эти абстрактные существительные обладают более широкой семантикой и выступают в экспрессивной функции.

В целях выделения конкретных частей предложения и придания им более эмоционального значения в речах активно используются различные **клишированные конструкции**. Рассмотрим некоторые примеры:

(1) Конструкция: «只有...才...» (только при условии... можно), которая используется для эмпазы подлежащего: «只有社会主义才能救中国, 只有建设有中国特色社会主义才能发展中国»/ *Только социализм может спасти Китай, и только построение социализма с китайской спецификой может привести к развитию Китая (Цзян Цзэминь, 1998).*

(2) Конструкция: «以...为...» (принимать (что-л.) в качестве (кого-л. / чего-л.)), которая позволяет выделить главное: «坚持以经济建设为中心»/ *Центральное звено необходимо видеть экономическом строительстве (Си Цзиньпин, 2013); «香港特别行政区同胞、澳门特别行政区同胞, 要以国家和香港、澳门整体利益为重»/ Нашим соотечественникам из Специальных административных районов Сянган и Аомэнь нужно, ставя на первое место интересы государства и своих районов в целом (Си Цзиньпин, 2013).*

(3) Устойчивые рамочные конструкции: «在...上/中» (на основе, в процесс...), которые выражают основу, процесс проведения действия, такие как «*在和平共处五项原则的基础上*»/ на основе пяти принципов мирного сосуществования; «*在新征程上*»/ в новом походе достижений; «*在经济社会不断发展的基础上*»/ на основе непрерывного социально-экономического развития; «*在经济社会发展中*»/ в экономическом и социальном развитии.

(4) Конструкции с полуслужебными глаголами: в некоторых случаях такие глаголы с точки зрения информации можно считать избыточными, чаще всего среди них выделяют следующие: «实现/осуществлять», «作, 搞/ сделать». Например, «*集中力量把经济建设搞上去*»/ Сосредоточение внимания на экономическом развитии (Цзян Цзэминь, 1993); «*不断夯实实现中国梦的物质文化基础*»/ Непрерывно упрочивать материально-культурные основы для осуществления китайской мечты (Си Цзиньпин, 2013).

(5) Китайские председатели также прибегают к использованию конструкций категоричного отрицания, обладая эмоционально окрашенными. Среди слов, оформляющих категоричное отрицание действия, выраженного сказуемым, в тексте встречается «决不/ ни в коем случае не»: Си Цзиньпин и Ху Цзиньтао в начальной части выступления выражают твёрдое решение посредством использованию одинаковой конструкций: «*决不辜负各位代表和全国各族人民的信任和重托*»/ Мы ни в коем случае не подведем доверие и большое доверие всех представителей и людей всех национальностей в стране.

Описанные политические штампы и клише, будучи средствами формирования стереотипов в массовом сознании, усиливают чувство принадлежности к политической группе, а также создают условия для определенной фильтрации сообщений и их восприятия. Штампы и клише становятся речевым паттерном, транслирующим некий опыт средствами языка [Чернявская, 2005, с. 53], поэтому стереотипность как важнейший прием

манипулятивного воздействия распространена в инаугурационных речах руководителей КНР.

Вместе с тем главной целью инаугурационного выступления служит передача настроения «гордости за достигнутые правительством результаты» и пропаганда курса на следующие пять лет правления новой власти. По этой причине лидеры предпочитают использовать лексику «высокого стилистического тона» или «книжные языковые единицы», среди них можно выделить следующие: «*历史性飞跃/ исторический стремительный подъем*», «*宏伟蓝图/ грандиозный проект*», «*伟大复兴/ великий расцвет*», «*磅礴力量/ грандиозные силы*», «*崇高事业/ благородное дело*». Особенно отметим, что в инаугурационных речах китайских лидеров наблюдается большое количество штампов с политической публицистической стилистикой, устойчивые словосочетания преобладают положительную окраску. По статистике типичный штамп «*坚定不移/ непоколебимо*» используется 22 раз в целях акцентирования на негибкой воле в осуществлении курса политики; «*高举旗帜 / высоко нести знамя*» употребляется 11 раз для изложения политической теории, например, «*我们将高举和平、发展、合作、共赢的旗帜，始终不渝走和平发展道路*»/ Мы будем, высоко поднимая знамя мира, развития, сотрудничества и общего выигрыша, неизменно идти по пути мирного развития (Си Цзиньпин, 2013).

Результаты проведенного анализа можно представить в виде диаграммы (см. диаграмму 7).

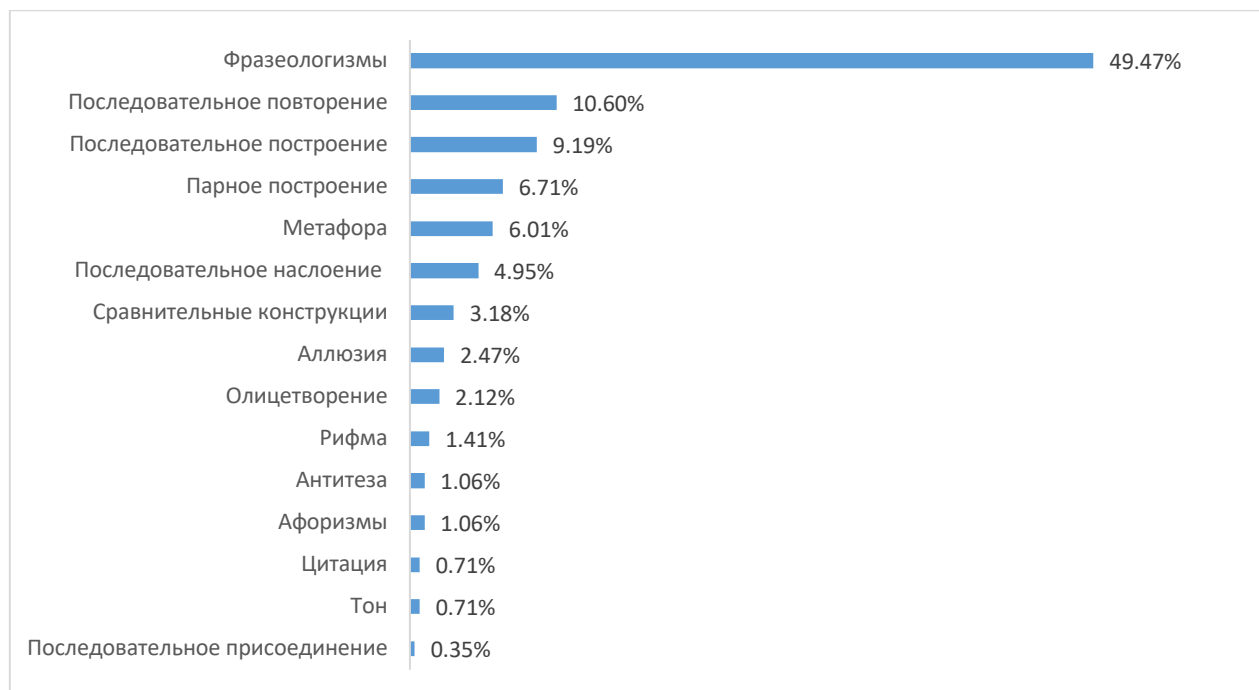

Диаграмма 7. Частотность использования лингвостилистических средств в инаугурационных дискурсивных практиках КНР

Таким образом, в речах лидеров РФ и КНР употребляются многообразные стилистические средства, характеризующие как общность, так и специфичность организации русско- и китайскоязычных инаугурационных дискурсивных практик (см. рис. 22). Самыми распространенными средствами выразительности, характерными для инаугурационных обращений лидеров обеих стран, являются различные параллельные синтаксические конструкции и разноуровневые повторы (РФ – 58,2%, КНР – 31,8%). Вместе с тем существуют некие лингвостилистические предпочтения руководителей стран с различной этнической культурой: в речах председателей КНР активно употребляется типичные для китайской традиционности фразеологизмы (49,5%), политические штампы и клишированные конструкции, тогда как президенты РФ предпочитают использовать эпитеты (24,6%), конструкции с универсальным субъектом, высказывания с семантикой противопоставления и лексику «высокого» стиля, включенную в синтаксические конструкции обиходно-бытового регистра.

Рисунок 22. Стилистические средства инаугурационного дискурса РФ и КНР

Представляется, что кластер лингвостилистических средств инаугурационного дискурса в целом позволяет упорядочить внутреннюю логику обращения и выстроить последовательную систему доказательств, что можно рассматривать не только как средство придания речам политических лидеров выразительности и убедительности, но и как некую стратегическую технологию, так как такие конструкции способны «преодолеть сопротивление новому и представить новое как известное и полезное» [Далецкий, 2004, с. 394], чтобы в сознании аудиторий утверждались заданные идеи, а также возводился барьер против иных идей [Московичи, 2011]. В этой связи, с нашей точки зрения, можно говорить об определенной технологизации «идеолого-манипулятивного» вектора инаугурационных обращений, что напрямую связано с аксиологическими доминантами конкретной лингвокультуры.

3.3 Ценностно-культурные маркеры инаугурационного дискурса РФ и КНР

Как известно, основные принципы политического взаимодействия вырабатываются и «кристаллизуются» в процессе культурно-исторического и этноментального развития определенной нации. Инаугурационный дискурс, характеризуясь «исторической изменчивостью, культурно-национальной

обусловленностью и индивидуальными предпочтениями» [Гаврилова, 2005, с. 8], воплощает типичные модели социальной интеракции конкретного этнического сообщества [Боженкова, 2014, с. 48], то есть отражает сформированные и отшлифованные столетиями правила политического общения, идеологическую позицию лидера, ценностные потребности, национальные традиции и историю и т.д. [Маслова, 2008, с. 44].

Ценности, безусловно, относятся к «невидимым программам» в нашем сознании. Когда мы говорим о них, кажется, что мы задаемся вопросом о наших мотивах, эмоциях и табуированных областях действий и коммуникации [Hofstede, 2010, p. 23]. Соответственно, ценностное пространство сообщества (в том числе – и страны в целом) представляет собой фундаментальный «вход» для глубокого понимания культурно-аксиологических закономерностей жизни определенного народа. Соответственно, определенное изменение «стабильной» структуры инаугурационного дискурса в стране с тысячелетней традиционной культурой (в нашем случае – КНР и РФ), с нашей точки зрения, не только дает возможность выявить некие маркеры ценностной трансформации политических процессов в конкретном лингвокультурном универсуме, но и свидетельствует о неких макропроцессах, затрагивающих аксиологическую устроенность мирового социетального пространства.

Так, в соответствии с теорией Г. Хофстеде [Hofstede, 2001, 2010] различные национальные культуры имеют разные индикаторы соотношенности с 4 значимыми параметрами: *дистанция власти; индивидуализм / коллективизм; маскулинность / феминность; долгосрочная / краткосрочная ориентация.*

Дистанция власти. Данный критерий характеризует степень принятия людьми неравного распределения власти между членами общества, при этом *высокая дистанция власти* означает, что члены социума обществе признают правильность и необходимость иерархических различий.

Начиная с V в. до н.э. и до последних лет основным философско-социально-политическим учением (и даже образом жизни!) в Китае было конфуцианство: оно рассматривается как этическая моральная система правления многочисленных

императоров, с помощью которой можно упорядочить отношения в семье и во всем обществе. Конфуций обосновал необходимость власти существования как механизма регулирующего отношения управляющих и управляемых. В древнем Китае выделяли пять значимых отношений: отношения между правителями и подданными, между старшими и младшими, между друзьями, между женами и мужьями, между отцами и детьми. Согласно патриархальному пониманию иерархической власти, Конфуций уподоблял власть императора над подданными отеческой власти старшего главы рода над младшими его членами. Можно утверждать, что «сыновняя почтительность» распространилась на государственный уровень и стала доминирующей формой отношений между народом и властью.

В современном китайском обществе нет определенной иерархической системы, но концепция иерархии сохраняется безукоризненно: китайцы склонны проявлять уважение к авторитетам; в обществе существуют эмоциональная и социальная дистанция между людьми, занимающими разное социальное положение и т.д. В этой связи мелодический рисунок речи китайского лидера тщательно продуман: темп речи Си Цзиньпина нарочито замедлен, интоника «мягкая», при этом артикулирование очень четкое и точное. Такое сочетание обеспечивает минимизацию недоразумений / ошибок в устном высказывании и одновременно формирует образ «человечного», но ответственного политика, что, бесспорно, создает хорошее впечатление и помогает завоевывать авторитет масс.

В аспекте вербальных предпочтений обращает на себя частотность использования *знаков-персоналий*, *знаков-интегративов* и *знаков-ресурсов*, означающих политические основы КНР. Так, китайские лидеры произносят *мы*-коллективное и *мы*-метонимическое много раз, под *нами* подразумеваются члены КПК, которые являются ядром руководства. Используя *мы*, председатели демонстрируют неотделимость от всей КПК (тем самым умышленно нивелируется его особый статус) и усиливает коллективную ответственность партии за руководство китайской нацией. Далее значение *мы* расширяется (преобразуясь в притяжательное местоимение), при этом подчеркивается особая важность

работы народа: «全国各族人民一定要牢记使命, 心往一处想, 劲往一处使, 用 13 亿人的智慧和力量汇集起不可战胜的磅礴力量/ Всему населению страны нужно следовать своей миссии, единодушно стремится к достижению общей цели, чтобы **наше** мудрое и талантливое 1,3-миллиардное население превратилось в мощную, неодолимую силу» (Си Цзиньпин, 2013) и актуализируется тесная связь между партией и народом: «中国梦归根到底是人民的梦, 必须紧紧依靠人民来实现, 必须不断为人民造福/ Китайская мечта - это мечта сугубо народная, которую возможно осуществить только тесно опираясь на **наш** народ и которая должна идти на благо **нашего** народа» (Си Цзиньпин, 2013). Через многократную повторяемость концепта ‘свой’ в различной языковой оболочке до слушателей доносится мысль о том, что осуществление китайской мечты (за которую лидер несет ответственность!) предполагает объединение сил всего Китая – сил, рожденных великой сплоченностью всех народов страны. Подчеркивая значимость партии и выражая решимость вместе с партией вести страну к созданию лучшего Китая, глава государства «подводит» социум к оценке себя как демократичного и одновременно сохраняющего традиционные ценности страны лидера.

Знаки-ресурсы одновременно «подкрепляются» *знаками-процессивами*, в семантике которых актуализируются ее характерные признаки: ‘организовывать’, ‘руководить’, ‘служить’, ‘развивать’ – такие глаголы отражает право управления над государством и право принимать решения по государственным вопросам.

С целью осуществления вышеуказанных политических действий необходимо посредством КТ поручения (Побуждающая КС) привлечь участников, поэтому появляются *знаки-персоналии*, номинирующие людей в соответствии с их основным общественным статусом, с помощью которых лидеры убеждают людей разных социальных групп действовать в интересах государства. Особенно значимо, что только в речах лидеров КНР встречается номинация людей по политическому принадлежности, которая составляет 33% от общего количества знаков-персоналий. Китайские лидеры обращают внимание на тех адресатов, которые находятся близко к центру власти и являются непосредственными участниками в процессе

выполнения политических задач нового правительства, тем самым имплицитно акцентируется руководящая роль правящей партии в коллективе. Кроме этого, в инаугурационном дискурсе КНР интенсивно используются фразеологические единицы, клишированные конструкции и политические штампы, что придает инаугурационной речи особую идеологическую «тональность».

В РФ, как известно, в разные периоды российской истории взаимоотношения между властью и обществом различались. С одной стороны, многие отечественные культурологи отмечают традиционно сильную власть в России, оказывающую неизгладимое влияние на общество, с другой же – российская культура характеризуется устойчивостью «европейских корней», западные формальные институты восприняты общественным сознанием россиян. В 90-е годы в связи с реформами государственного строя отношения между властью и обществом также изменились, что способствовала уменьшению дистанции власти.

Выявленные нами *знаки-персоналии*, номинирующие представителей верховной власти, свидетельствуют о принятии должности президента и отражают видение политической ситуации и задачи. Российские президенты обращают внимание на статус главы государства как ядра руководящего страной органа, поэтому многократно упоминают о своих обязанностях. Однако поскольку «нет прав без обязанностей и нет обязанностей без прав» [Малько, 2008, с. 109], российские лидеры на самом деле выражают свое право на «построение» страны. Семантика номинаций адресантов коррелирует с семантикой глагольных лексем (*знаков-процессивов*), репрезентирующих признаки ‘организовывать’, ‘верить’, ‘контролировать’, ‘направлять’. В то же время в инаугурационных речах акцент делается на равенстве акторов: гражданин имеет право голосовать на выборах Президента РФ вне зависимости от статуса, при этом активно используются номинации, выделяющие людей по полу, возрасту и социальной роли.

Идеологическая ориентация отражается в инаугурационном дискурсе на основе провозглашаемых президентом ценностей и включением значительного числа *знаков-квалификативов*. Так, знак-идеологема *демократия* эксплицируется в речах российских президентов через существительное ‘демократия’ и

прилагательное 'демократический' и может иметь четыре варианта значения: (1) в значении 'установление современного устройства и управления государства, характеризующееся рядом признаков, таких как «утверждение народа как источника власти, обеспечение свободных выборов как способа формирования властных институтов; гарантирование равноправия граждан и др.» [Мухаев, 2010, с. 630]'; (2) в значении 'цель и достижение развития страны'; (3) в юридическом значении 'равное право граждан вне зависимости от социального статуса'; (4) в значении 'политические ценности, касающиеся ответственности государства перед народом'. Использование пейоративно-оценочных конструкций (например, *великая, современная, динамичная, сильная, активная, влиятельная, свободная, процветающая, богатая, цивилизованная, тысячелетняя, возрождённая Россия*), образующих, как правило, градационный ряд, усиливает значимость страны и тем самым – ее лидера.

Кластер невербальных компонентов и в РФ, и в КНР также подчеркивает особое положение лидера: *проксеимические знаки* маркируют пространственные отграничения аудитории от облеченного властью лица, поскольку место адресанта (лидера страны) выделено и четко противопоставлено адресатам (подвластными членами социума); *кинестические знаки* отражают переход власти (рукопожатие между новоизбранным лидером и предшественником), легитимность власти (жест принесения присяги), место в политической иерархии (рукопожатие с ключевыми высокопоставленными лицами) и «согласие» с принятой ролью (поклон перед публикой); *артефактные знаки* (включающие знаки-колоремы) и *аудитивные знаки* демонстрируют «государственность» процедуры, что в совокупность подтверждает высокую степень принятия людьми неравного распределения власти между членами общества.

Таким образом, несмотря на сознательное сокращение «психологического расстояния» между правителем и народом, вербальные и невербальные знаки, стилистическая специфика и коммуникативные стратегии воплощают высокую дистанцию власти в инаугурационных дискурсивных практиках КНР и РФ.

Индивидуализм / коллективизм, характеризующие, по Хофстеде, степень социальной связи между личностью и обществом, или степень социального одобрения индивидуальных достижений. Согласно данному критерию, различаются индивидуалистские и коллективистские сообщества: в первых из них подчеркивается важность индивидуальности и личной власти, ценятся индивидуальные достижения и наблюдается тяготение к созданию свободной структуры организационных отношений, тогда как во вторых доминируют коллективные интересы и организационное единство, здесь ценят социальную направленность действий и выступают за «*семейную концепцию*» организационного управления.

Как известно, значительную роль в формировании нации играют общее этническое происхождение людей, их общий исторический опыт, ощущение общей судьбы, поскольку «наиболее устойчивой является общность национального самосознания <...>. Назначение национальной идеологии состоит в формировании связей солидарности между индивидами и социальными классами» [Ризоев, 2010, с. 101].

Применительно к такому государству, как Китай, где понятие *гармонии* имеет глубокие корни, коллективные интересы превалируют над индивидуальными. Это совсем неслучайно: (1) ценностные компоненты китайского социума отражают *общую* склонность людей отдавать предпочтение определенным положениям вещей; (2) главным источником идентичности человека и его защитой против опасностей окружающего мира становится принадлежность к группе, поэтому верность ей является главной ценностью.

Философская идея «Хэ Се/ 和谐» – гармонии рассматривается как основная норма регулирования отношений между людьми, между человеком и обществом, между государствами. С древности много китайских философов, таких как Конфуций, Мэн-цзы, Лао-цзы, обращали особое внимание на социальную гармонию. В конфуцианстве было сформулировано системное понимание гармонии, которое подразумевает гармоничные отношения внутри семьи, что отчетливо прослеживается в инаугурационных обращениях лидеров КНР.

Так, в выступлениях Си Цзиньпина, предложившего идеологическую концепцию «сообщества единой судьбы человечества / 人类命运共同体» и развивающего концепцию «гармоничного мира / 和谐社会» Ху Цзиньтао, гармония понимается в двух аспектах. Во-первых, подчеркивается необходимость достижения гармонии внутри страны: *«我们要...使发展成果更多更公平惠及全体人民, 在经济社会不断发展的基础上, 朝着共同富裕方向稳步前进/ Нам нужно...добиваться того, чтобы **весь народ** мог в большем объеме и на более справедливой основе пользоваться плодами развития страны, чтобы можно было идти вперед к всеобщему достатку и довольству»* (Си Цзиньпин, 2013). Для партии и ее лидера конечной целью является достаток всеобщий, а не немногих избранных. Иначе – гармоничный Китай – это страна, где все люди будут богаты и счастливы. Во-вторых, Си Цзиньпин явно выражает свое желание внести вклад в развитие человечества и достичь гармонии глобальной: *«中国人民历来富有正义感和同情心, 历来把自己的前途命运同各国人民的前途命运紧密联系在一起, 始终密切关注和无私帮助仍然生活在战火、动荡、饥饿、贫困中的有关国家的人民, 始终愿意尽最大努力为人类和平与发展作出贡献/ Китайский народ всегда отличался чувством справедливости и сочувствия, всегда тесно связывал свое будущее и судьбу с судьбами народов всех стран, всегда уделял пристальное внимание и бескорыстно помогал народам соответствующих стран, которые все еще живущих в условиях войны, беспорядков, голода и нищеты, всегда готовых сделать все возможное, чтобы способствовать миру и **развитию человечества»*** (Си Цзиньпин, 2018). Здесь отчетливо видно, что руководитель страны ставит коллективные интересы выше своих личных: *«Я, как всегда, буду добросовестно выполнять возложенные на меня Конституцией обязанности, буду верным Родине, буду верным народу, буду тщательно исполнять свой долг, прилагать все усилия, усердно трудиться, служить народу»*. Чтобы ярко выразить свою решимость оправдать ожидания людей и миссию, которую они на него возложили, он использует различные паремиологические единицы, например: *夙夜在公 / Работать днем и ночью не покладая рук; 夙兴夜寐 / Рано вставать и поздно*

ложиться; 精卫填海/ Цзинвэй носит камни в клюве, чтобы заполнить Восточное море; 愚公移山/ Юйгун передвигает горы.

В своих выступлениях Си Цзиньпин многократно использует *знаки-процессивы и знаки-хронотопы*, демонстрируя «включенность» в коллективное сознание общества. Он сравнивает страну с большой семьей, все члены которой должны действовать в соответствии с социальными нормами и выполнять свои обязанности перед группой: *«在几千年历史长河中, 中国人民始终团结一心、同舟共济, 建立了统一的多民族国家, 发展了56个民族多元一体、交织交融的融洽民族关系, 形成了守望相助的中华民族大家庭/ На протяжении нескольких тысячелетий китайский народ всегда объединялся в одном сердце, сформировал гармоничные этнические отношения, при которых 56 этнических групп взаимно сливаются и объединяются в большую семью китайских народностей, которые помогают друг другу»* (Си Цзиньпин, 2018). По мнению китайцев, единство – это основная сила, только единство позволяет двигаться вперед, поэтому они стремятся сотрудничать, выполнять обязанности и нести ответственность. При возникновении конфликта между индивидуальным и коллективным люди склонны (и будут) жертвовать собственными интересами ради интересов группы, чтобы сохранить социальную гармонию. Многие выражения со *знаками-интегративами*, встречающиеся в инаугурационном дискурсе КНР, несомненно, связаны со стремлением к единству, разумной середине и в этом аспекте аксиологический «посыл» лидера нации оказывается чрезвычайно значимым и необходимым.

Для РФ, в отличие от Китая, «центральным» концептом является *соборность*. См: «В Евразии политическая культура выработала свое оригинальное видение путей и целей развития. На Руси этот принцип воплотился в концепции соборности и соблюдался совершенно неукоснительно» [Гумилев, 2002. с. 255].

Соборность – это особое слово, не поддающееся переводу на другие языки, выражает органическое единство общего и единичного в российской культуре. В.Н. Сагатовский пишет, что «этим словом можно предельно кратко выразить сущность русской идеи, соборность является его первой характеристикой исторически,

логически, мировоззренчески» [Сагатовский, 1994, с. 104]. Неслучайно славянофилы утверждали, что наиболее адекватно выразить сочетание имманентного единства, основанного на свободе и любви, может только данная лексема, которая «подчеркивает не только внешнее, видимое соединение людей в каком-либо месте, но и постоянную возможность такого соединения, иными словами, это “единство во множестве”» [Хомяков, 2004, с. 312]. Российская соборность представляет собой не только растворение «я» в «мы», что очевидно наблюдается в инаугурационных речах российских лидеров, но и такая социальную общинность, которая проявляется в доверии и взаимопомощи, регламентированности общественных отношений моралью и нравственностью.

Следует отметить, что российская соборность отличается от коммунистической соборности-коллективизма, в соответствии с которой личность подавляется в ущерб навязанной извне «общей воле»¹. Соборное единство поднимается как гармоническое сочетание личных и общественных интересов, не означает подавления личности человека, а ориентирует на единство человека и мира при сохранении взаимной самостоятельности и самооценности.

В этой связи наблюдаем, что российские президенты подчеркивают интересы страны в целом и в то же время ставят на важное место личностное право, выстраивая баланс между коллективизмом и индивидуализмом. Соответственно, российские лидеры часто употребляют *знаки-персоналии*, номинирующие на людей по национальности, однако они также обращают внимание на значение каждого гражданина, используя *знаки-персоналии*, обозначающие людей по полу и возрасту. По сравнению с КНР, российские президенты употребляют значительно больше *знаков-процессивов*, выражающих эмоции и познавательные действия, актуализируя *собственное* мнение и взгляды, что отсутствует в речах лидеров КНР.

Характерными для инаугурационного дискурса РФ оказываются рецессия субъекта и лексико-синтаксические способы деперсонализации (например, пассивные конструкции), что очень интересно. Несмотря на то, что адресант как

¹ Н.А. Бердяев отмечает, что доминирование черт русского национального характера – коллективизм или индивидуализм – меняется в зависимости от конкретной ситуации [Морозова, 2007].

профессиональный политик выражает личные взгляды на философию управления страной, он стремится минимизировать использование местоимения первого лица единственного числа (при этом остаются глаголы в форме 1 лица единственного числа). Местоимение *я* в речи лидеров встречается в случае выражения своей благодарности, обозначения решимости и верности стране¹. Манифестируемый отказ от *я* приводит к подчеркнутой деперсонификации: такой стилистический прием используется в целях усиления эффективности восприятия информации адресатами в психологическом аспекте: «деперсонификация субъекта вызывает у адресата представление о действии не субъектном, а объективно заданном» [Резникова, 2012, с. 182].

Использование *знаков-интегративов* в инаугурационных дискурсах как в КНР, так и в РФ интенсивно и многообразно (см. главу 2). Среди *знаков-ресурсов*, содействующих выполнению политических действий, большую долю составляют вербальные единицы, репрезентирующие семантику ‘моральной поддержки’ – *забота, доверие, поддержка, вера и любовь к Родине, искренние и чистые помысли, надежда, патриотизм* и др., так как в китайской и российской культуре ценность солидарности занимает особое место.

В аспекте невербальной специфики к общим используемым артефактным знакам, символизирующим национальное единство и коллективизм, относятся государственные и законодательные знаки. Разница в том, что инаугурация Китая, состоящая из фиксированных, шаблонных и стабильных частей в Большом зале народных собраний с символами политической системы, исключительными для КНР, отражает явный коллективизм, в то время как церемония инаугурации Президента России, наполненная президентскими символами, характерными для РФ, отличается структурными частями в разный период, отражая «нейтрализацию» индивидуализма и коллективизма.

¹ В речах китайских лидеров даже в таких случаях используется местоимение *мы* и форма глагола третьего лица от имени нации – ‘народ / 人民’, а в стилистическом аспекте отсутствуют явные признаки индивидуального стиля. Представляется, что такие приемы также отражают коллективизм Китая, мировоззренческое ориентирование «социоцентризм» и идеологему – «социализм».

Маскулинность / феминность, понимаемые как доминирующее в обществе представление о социальных гендерных ролях, а также как тенденция членов социума стремиться к *количеству* или *качеству* жизни. В соответствии с этим параметром маскулинное (мужественное) общество обладает высокосоревновательной культурой, поощряет людей к конкуренции и конфронтации и придаёт большое значение количественному фактору жизни. В противовес феминное (женственное) общество характеризуется низкосоревновательной культурой, где высоко ценят качество жизни и культивируют гармоничные межличностные отношения, поощряя скромность, уравновешенность и дружелюбие.

Социальный тип древнего Китая имеет явные характеристики маскулинности, однако национальный образ современного Китая, эксплицирующийся на международном политическом арене, имеет отчетливую тенденцию к феминности: несмотря на значимость прогресса, общество придает большее значение гармонии, чем конкуренции.

Так, внешняя политика Китая заключается не в стремлении к гегемонии или экспансии, а в приверженности пути мирного развития и реализации взаимовыгодной и общевыигрышной стратегии открытости: «*中国人民爱好和平。我们将高举和平、发展、合作、共赢的旗帜，始终不渝走和平发展道路/ Китайский народ любит мир. Мы будем, высоко поднимая знамя мира, развития, сотрудничества и общего выигрыша, неизменно идти по пути мирного развития*» (Си Цзиньпин, 2013); «*对中国人民为人类和平与发展作贡献的真诚愿望和实际行动，任何人都应该误读，更不应该曲解/ Никто не должен неправильно понимать искреннее желание и практические действия китайского народа способствовать миру и развитию человечества*» (Си Цзиньпин, 2018). В целом в инаугурационных речах председателей КНР лексема *мир* используется многопланово: (1) в значении ‘дружеские согласные отношения между кем-нибудь, отсутствие разногласий, вражды или ссоры’; (2) в значении ‘отсутствие войны, вооруженной борьбы в международных отношениях’; (3) в значении ‘земной шар

вместе со всем существующим на нем»; (4) в значении 'люди, население земного шара'.

Во время инаугурации китайские лидеры акцентируют внимание аудитории на *скромном* и *мягком* характере китайского народа, что полностью отражает классическую конфуцианскую мысль о скромности, вежливости и заботе, стоящих на первом месте в традиционной китайской культуре. Важно, что и само речевое поведение лидеров КНР в инаугурационной интеракции полностью соответствует китайским культурным канонам: например, приветствие Си Цзиньпина в адрес слушателей было охарактеризовано обществом как «теплое и искреннее», а общая стратегия коммуникативного взаимодействия – как кооперативная (см. общую оценку: «Лидер говорит вежливо, улыбается, ведет себя скромно и спокойно»), при этом ритуальный жест-эмблема, впервые продемонстрированный Си Цзиньпином, свидетельствовал о внутренней уверенности в правильной идеологической линии КПК.

Социальный тип России характеризуется маскулинностью, в культурах такого типа приветствуются конкурентная борьба и стремление победить, национальный образ проявляет жёсткость и мужественность в международном обществе, что неслучайно. Так, частые войны за территориальную целостность с момента основания России оказали глубокое влияние на формирование высокосоревновательной культуры; влияние самодержавия в имперской России и централизованной власти государства в советской России обусловили приверженность русского человека «сильной руке» и уверенность в необходимости «твердого» управления страной; политические факторы (влияние реформ Александра II в эпоху имперской России, социальные революции и войны 20 века) способствовали появлению таких качеств, как готовность защищать свою родину, патриотизм, массовый энтузиазм, героизм в экстремальных ситуациях и т.д.

В инаугурационных дискурсивных практиках российские президенты демонстрируют открытые позы, уверенные движения, иллюстративные жесты для выражения эмоций и фиксации контроля над ситуацией (которые отсутствуют у речей лидеров КНР), пафосно-утвердительную интонацию, активное паузирование

и др. В данном ракурсе, бесспорно, самым ярким образцом мужественности, решительности и силы является В.В. Путин, чье вербальное и невербальное поведение полностью соответствует российским культурным канонам: он транслирует ценности отечественной культуры, выражает готовность защищать Родину, уверенно берет на себя ответственность за будущее страны. Эту убежденность В.В. Путин усиливает, подчеркивая в своих речах силу, процветание России. С помощью *знаков-квалификативов* описывается сегодняшняя и завтрашняя России, где многократно встречается прилагательное *сильный* (почти отсутствующее в речах лидеров КНР), что обуславливает частотность разнообразных *знаков-идеологем* – сохранение статуса мощной державы, защита геополитических интересов страны и развитие по собственному пути.

Этим же объясняется и некое расхождение (при общности интегративных коммуникативных стратегий) в способах экземплификации конфронтационной коммуникативной стратегии: в выступлениях лидеров РФ она представлена 3 коммуникативными тактиками – осуждения, упрека и иронического замечания, тогда как главы КНР используют только самый «мягкий» вариант вербализации – осуждение, что тоже отражает маскулинность РФ и феминность КНР.

Таким образом, в современном российском обществе сохраняется и проявляется мировоззрение маскулинности, образ президента выступает символом политической состоятельности, характеризуя В.В. Путина как «настоящего мужика», что подтверждают как данные контент-анализа СМИ, так и результаты опросов общественного мнения [Рябова, 2008, с. 166-172].

Долгосрочная / краткосрочная ориентация, что определяется как степень готовности общества придерживаться традиционных идей и ценностей в долгосрочной перспективе. Сообщества с долгосрочной ориентацией демонстрируют уважение к традициям, стабильность вектора развития и заботу о будущем социума; сообщества с краткосрочной ориентацией делают акцент на «сиюминутных» успехах и результатах и готовность к радикальным изменениям, которые могут произойти в любой момент. Соответственно, культура долгосрочной ориентации ценит прошлое, настоящее и будущее как

взаимосвязанные и одинаково важные, а культура краткосрочной ориентации ценит настоящее и считает прошлое, настоящее и будущее независимыми друг от друга.

Китай, бесспорно, – это страна с типичной долгосрочной ориентацией, которая проистекает из культуры «стремления к долголетию» и «ценности традиций». Неслучайно, в инаугурационных речах лидеры КНР неоднократно используют *знаки-хронотопы*, через которые упоминают тысячелетнюю китайскую цивилизацию, подчеркивают необходимость ценить историю и хранить традиции (особенностью КНР являются упоминания об определенных китайских политических событиях).

В российской культуре также преобладает ориентация на долгосрочные проекты, актуализируется характерны уважение к традиционной культуре и историческому развитию страны в целом (например, см. описание Андреевского зала Московского Кремля в главе 2). *Знаки-хронотопы* и *знаки-квалификативы* (*святая Русь*, например) позволяют главам государства сделать акцент на связи настоящего с историческим прошлым, что способствует укреплению чувства национальной идентичности.

И российские, и китайские лидеры, умело подытоживая прошлое, опираясь на настоящее и предвидя будущее, выступают за неделимость временных периодов в аксиологическом значении для своего государства. В своих выступлениях китайские и российские руководители описывают будущие цели и конкретные задачи, а также призывают народ упорно трудиться для достижения общих целей. Интересно, что в инаугурационных дискурсивных практиках двух стран *будущее* не рассматривается как нечто неизведанное, оно *уже* определено и несет в себе дальнейшее благополучие и процветание, что является основанием абсолютной уверенности адресатов в президенте/председателе и правительстве.

Можно утверждать, что инаугурационные обращения первых лиц РФ и КНР и стратегии коммуникативного (в широком смысле) взаимодействия свидетельствуют об опыте из исторической практики, отражают нацеленность на установление и поддержание долгосрочных отношений внутри страны и во вне ее.

Главы государства, активно используя лингвостилистические ресурсы – от метафор, паремий до прецедентных для аудитории высказываний и цитат своих предшественников, транслируют ценностные константы, сформированные в этнокультуре, тем самым вызывают рациональный и эмоциональный резонанс аудитории и незатруднительно добиваются общественного консенсуса.

Результаты проведенного анализа можно представить следующим образом (см. рис.23):

Рисунок 23. Ценностно-культурные маркеры инаугурационного дискурса РФ и КНР

Выводы по главе 3

1. Инаугурационный дискурс как отдельный вид социальной коммуникации наглядно демонстрирует институциональное устройство отдельного общества с его идеологическими установками, аксиологическими законами, этическими правилами, ментальными символами и др. Предъявляемый обществу

стратегический курс нового правительства в области внутренней и внешней политики детерминирует вектор исторического развития нации, а избранный лидер наделяется персонифицированной ответственностью за успешность реализации выбранного пути.

2. Коммуникативные стратегии и тактики, организующие «каркас» инаугурационного дискурса и эксплицитно/имплицитно реализующие интенции лидеров РФ и КНР, способствуют выполнению базисных функций инаугурационного обращения (кумулятивной, социокультурной, апеллятивной, фатической и презентационной), тем самым обеспечивают создание конвенциональных ценностей страны и символизированной государственной роли ее руководителя. В этой связи оказывается очевидной некая технологизация инаугурационных дискурсивных практик, подтверждающаяся как корреляцией кластера КС и КТ (включая использование лидерами обеих стран дезинтегративных КС/КТ), так и «пересечением» лингвопрагматического инструментария инаугурационного дискурса в целом.

3. В речах лидеров РФ и КНР употребляются многообразные стилистические средства, характеризующие общность / специфичность организации инаугурационных дискурсивных практик в русскоязычной и китайской лингвокультуре. Особо частотными средствами выразительности являются различные параллельные синтаксические конструкции, разноуровневые повторы, метафоры, сравнительные конструкции, цитация, антитеза, которые позволяют выстроить и упорядочить систему идеологем и аксиологем российского / китайского социумов. Вместе с тем существуют некие лингвостилистические особенности инаугурационных обращений, обусловленные этнокультурной спецификой универсума: в инаугурационных речах китайских лидеров наблюдается интенсивное использование фразеологических единиц и политических клише, для инаугурационных выступлений российских лидеров характерно сочетание патетической и повседневной лексики, эпитетов, хииастических конструкций и риторического восклицания, что может рассматриваться как вербальная репрезентация традиционной философии

китайской культуры и более демократичного (с элементами индивидуализма) российского характера.

4. Лингвостилистический инструментарий инаугурационных дискурсивных практик имеет мощный агитационный «заряд»: вербальные средства, относящиеся разным ярусам русской / китайской языковой системы не только реализуют фатическую, экспрессивную и логическую функции, но и характеризуются суггестивной силой и манипулятивным потенциалом. Фигурированные и тропеические конструкции очевидно становятся языковой рамкой коммуникативных стратегий и тактик лидеров государств: антитеза есть способ реализации конфронтационной стратегии, эпитеты – эмоционально настраивающей стратегии, синтаксический параллелизм – информативной стратегии, повторы – побуждающей стратегии, метафора и сравнение – стратегии аргументации и т.д.

5. Инаугурационные речи как текстовое «ядро» инаугурационного дискурса отражают российские и китайские культурные ориентации. Проведенный анализ свидетельствует, что в инаугурационных дискурсивных практиках китайских лидеров демонстрируется высокая степень дистанции власти и коллективизма, присущая китайскому обществу, а в речах президентов РФ акцент делается на баланс между коллективизмом и индивидуализмом. Уважение к историческому прошлому этноса, стремление придерживаться традиционных идей в долгосрочной перспективе воплощается как в политических идеях российских президентов, так и в философии управления государством председателей КНР. Идея гармонии вкупе с новой ориентацией на «феминные» социальные предпочтения является основанием внутренних и международных политических установок лидера КНР, а маскулинность явно проявляется в внешнем курсе политики РФ. Представляется, что специфичность инаугурационных дискурсивных практиках есть прямое отражение аксиологических констант этнокультурного пространства РФ и КНР: соборность и приверженность «сильной руке» русских и идея коллективизма и «Хэ Се/ 和谐» (гармонии) китайцев.

6. Инаугурационный дискурс, являясь отражением языковых и национально-специфических особенностей стран, демонстрирует нравственно-этические идеалы и ценностные доминанты в конкретном лингвокультурном пространстве РФ и КНР. В свою очередь, аксиологические воззрения этнического сообщества во многом определяют «тональность» церемонии инаугурации, формируют когнитивное пространство взаимодействия между новоизбранным лидером и аудиторией и придают акту инаугурации в обеих странах статус социально значимого продукта культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая диссертация, содержание которой составил процесс выявления и компаративной характеристики системы знаковых средств, маркирующих лингвокультурное пространство РФ и КНР в акте инаугурации, представляет собой опыт комплексного лингвосемиотического анализа различных конструктов, репрезентирующих национально-культурную, аксиологическую и социально-политическую специфику русскоязычных и китайскоязычных дискурсивных практиках.

Дискурс на основании ряда мультидисциплинарных направлений в его изучении рассматривается в данной работе как некое «сверхфразовое» единство в его текстовом / речевом воплощении наряду с другими знаково-символическими образованиями, создаваемые социальным, культурным, психологическим и историческим контекстами. Дискурс, оказывающий значительное влияние на человеческую действительность, с одной стороны, регламентирует социальную и культурную жизнь, с другой же – реагирует на социальные запросы и находится под их влиянием. Значимая его разновидность – политический дискурс, несомненно, выполняет функции конструирования и реконструирования политической деятельности.

По мере изменения политической системы и развития политической деятельности жанры политического дискурса становятся все более разнообразными. Среди многочисленных классификационных параметров особый интерес составляет лингвопрагматическое членение, дифференцирующее информационный и ритуальный жанр. Основываясь на функциях политического дискурса, ориентированных на фатику или передачу информации, мы выделили следующие характеристики, представленные в виде определенных антиномий: ритуальность и информативность; театральность и стандартизированность; преемственность и динамичность; дистантность и близость; эзотеричность и общедоступность; фантомность и реальность; стандартность и экспрессивность; институциональность и индивидуальность; монологичность и диалогичность; толерантность и агрессивность; смысловая неопределенность и точность, что

особым образом преломляется в политических интеракциях представителей верховной власти – *инаугурационном дискурсе*.

В ходе проведенного анализа мы атрибутировали инаугурационный дискурс как институционально-персонального, юридическое и политическое коммуникативное поведение, который формально организуется и реализуется в процедуре вступления в должность главы государства в знаково-символическом социокультурном пространстве и фиксирует переход и легитимизацию государственной власти, содержательно же – обеспечивает порождение и восприятие смыслов, манифестирующих конвенционально неизменную систему ценностей, ориентированную на поддержание стабильности определенного лингвокультурного универсума. Мы констатировали такие характерологические признаки инаугурационного дискурса, как *ритуальность / стандартность, идеологичность, общедоступность, институциональность / индивидуальность, диалогичность, театральность, оценочность, законность и вневременность*, вытекающих из его главных прагматических функций – *кумулятивной, фатической, социокультурной интеграционной, апеллятивной и презентационной*.

С учетом предложенной трактовки и сообразно цели исследования была разработана модель структурно-содержательной характеристики инаугурационного дискурса, имеющая иерархическую устроенность:

- конституенты, задающие формальную рамку инаугурационного дискурса и придающие «орнаменту» процедуры инаугурации символичность и театральность;
- конституенты, формирующие / транслирующие идеологемы политической коммуникации;
- конституенты, маркирующие российскую / китайскую ценностно-культурную специфику;
- конституенты, репрезентирующие идиопредпочтения актора инаугурационного дискурса – избранного лидера страны.

Эти конституенты отражают как типичные черты инаугурационного дискурса (в качестве подвида политического дискурса), так и уникальную культурную и политическую специфику в инаугурационных дискурсивных практиках РФ и КНР.

Таким образом, поэтапное, последовательное изучение инаугурационных дискурсивных практик по модели потребовало синхронического и диахронического экскурса, предполагающего изучение культурно-исторических и социально-политических факторов становления инаугурационного дискурса РФ и КНР; систематизацию формальных, стилистических, прагматических и аксиологических конститuentов политических инаугурационных интеракций; фиксации внимания на специфичности знаковых (в широком смысле) кодов, эксплицирующих ценности российской и китайской лингвокультур.

В результате мы пришли к выводу, что синергетическое единство знаковых элементов обусловлено интенцией инаугурационного дискурса, детерминирующей, с одной стороны, легитимизацию высшей политической власти главы государства, с другой стороны – укрепление национальной идентичности и завоевание признания обществом. При этом все невербальные знаки (пространственные, проксемические, артефактные, аудитивные и кинесические знаки) и вербальные знаки (знаки-персоналии, знаки-процессивы, знаки-ресурсы, знаки-хронотопы, знаки-квалификативы, знаки-интегрatивы), отличающиеся двойственностью природы, символизируют наивысший статус новоизбранной руководители и единство страны, соответственно, они позволяют семиотически репрезентировать некий политический «оксюморон» – отграничение облеченного властью лица от народа и одновременное сокращение дистанции между ними.

Было выявлено, что в инаугурационных речах активно используются вербальные знаки (многообразные знаки-интегрatивы и знаки-ресурсы, знаки-персоналии, номинирующие членов общества, рассматриваемых как ‘свой’, знаки-хронотопы, номинирующие историю и традиции, знаки-квалификативы, выражающие положительную оценку стране и народу, знаки-процессивы со значением ‘повышения уровня’, ‘продвижения вперед’, ‘улучшения’), которые транслируют основную идеологему инаугурационного дискурса – необходимость политического сплочения, общегражданского сотрудничества, объединения усилий всех членов социума для достижения главенствующей цели – завоевания победы над «врагом» – и укрепления национальной идентичности. В то же время

такие вербальные знаки, как знаки-идеологемы, знаки-персоналии, именующие лидера страны, знаки-процессивы, номинирующие деятельность политика с признаками 'организовать', 'решать', 'руководить', репрезентируют основные стремления глав государств – завоевание власти, получение одобрения от общества, пропаганда политической философии.

Совокупность знаков, характеризующихся общедоступностью и политизированностью, обеспечивает создание, трансляцию и сохранение «вневременности» пресуппозиционного фонда инаугурационного дискурса и его интенциональную направленность. Тем самым инаугурационный дискурс отражает и определяется уникальностью(ю) политической реальности, в контексте которой осуществляется социально-политическая и национально-культурная экспликация важнейших аксиологических констант России и Китая.

Было показано, что в ритуалах инаугурации обыгрывается определенный мифосценарий, «обрамляющий» акт легитимизации власти, который характеризуется строгой формой и фиксированной последовательностью этапов протокола и одновременно находится в процессе своего становления. В связи с различными особенностями государственного строя (РФ – демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления; КНР – социалистическое государство демократической диктатуры народа), института главы государства (РФ – институт президентства; КНР – институт председателя), инаугурация РФ отличается торжественностью и индивидуальностью, инаугурации КНР характеризуется упорядоченной, стандартизированной формой и простотой содержания.

Проведение комплексного лингвосемиотического анализа русскоязычных и китайскоязычных инаугурационных дискурсивных практик дало возможность описать лингвопрагматический инструментарий экспликации идеологем инаугурационных речей, который демонстрирует корреляцию кластера как вербальных и невербальных знаков, так и тактико-стратегических средств (*интегративные и дезинтегративные КС*); широкий ряд стилистических средств, представленных разнообразными единицами, относящимися ко всем ярусам

русской/китайской языковой системы: фонетико-фонологическому (*специфическое просодическое оформление*), лексико-семантическому (*антитеза, метафоры, сравнение, олицетворение, фразеологизмы, штампы и др.*), лексико-синтаксическому (*синтаксический параллелизм, разнообразные повторы, хиазм, цитация, риторические восклицания и др.*), лексико-грамматическому (*пассивные конструкции, конструкции с номинализацией, клишированные конструкция и др.*). Фигурированные и тропеические конструкции становятся языковой рамкой коммуникативных стратегий и тактик лидеров государств: антитеза есть способ реализации конфронтационной стратегии, эпитеты – эмоционально настраивающей стратегии, синтаксический параллелизм – информативной стратегии, повторы – побуждающей стратегии, метафора и сравнение – стратегии аргументации и т.д.

Было выявлено, что инаугурационные речи как текстовое «ядро» инаугурационного дискурса отражают российские и китайские культурные ориентации. Сопоставление русскоязычных и китайскоязычных инаугурационных дискурсивных практик позволило выявить аксиологические константы в лингвокультурном пространстве РФ и КНР в соотнесенности с 4 значимыми параметрами (по теории Г. Хофстеде): высокая дистанция власти в РФ и КНР; коллективизм, присущий китайскому обществу, баланс между коллективизмом и индивидуализмом в российском социуме; маскулинность в внешнем курсе политики РФ и «феминные» социальные предпочтения КНР; долгосрочная ориентация в РФ и КНР. Представляется, что специфичность инаугурационных дискурсивных практиках есть прямое отражение аксиологических констант этнокультурного пространства РФ и КНР: соборность и приверженность «сильной руке» русских и идея коллективизма и «Хэ Се/ 和谐» (гармонии) китайцев. Выявление ценностно-культурных доминант инаугурационного дискурса в странах с тысячелетней традиционной культурой, с нашей точки зрения, не только дает возможность выявить некие маркеры аксиологической трансформации политических процессов в конкретном лингвокультурном универсуме (в нашем

случае – КНР и РФ), но и свидетельствует о неких макропроцессах, затрагивающих нравственную устроенность мирового социетального пространства.

Дальнейшие перспективы исследования видятся в компаративном описании иных жанровых разновидностей политического дискурса РФ и КНР. В этой связи представляется актуальным комплексное изучение и сравнение семиотических компонентов русскоязычных и китайскоязычных дискурсивных интеракций других руководителей двух стран (например, отвечающих за внутреннюю или внешнюю политику, глав военных или социальных ведомств и др.), поскольку вектор такого исследования будет направлен на анализ не только собственно сходств и различий знаковых элементов, но и на выявление способов реализации идеолого-программных компонентов инаугурационных обращений глав государств, на характеристики конвенциональных ценностей, социально-политических проблем и национально-культурных «запросов» современного российского и китайского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Научная и учебно-методическая литература**

1. Акинина П.С. Лингвопрагматические особенности американского политического дискурса: на материале выступлений президента США Барака Обамы: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Акинина Полина Сергеевна. – Тверь, 2019. – 20 с.
2. Андреева Е.Д. Звуковой ландшафт как реальный объект и исследовательская проблема / Е.Д. Андреева // Экология культуры. – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 76–85.
3. Анисимова Т.В. Типология жанров деловой речи: Риторический аспект: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Анисимова Татьяна Валентиновна. – Краснодар, 2000. – 45 с.
4. Асланова М.Г. Средства создания позитивного имиджа в речи политика (на материале текста второго инаугурационного обращения Барака Обамы) / М.Г. Асланова // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1(51). – С. 74–82.
5. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст / Т.Н. Астафурова, А.В. Олянич. – Волгоград: Нива, 2008. – 244 с.
6. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Раздел «Лингвосемиотика»: 7-1. Лингвосемиотика витальных потребностей (С. 246-250). 7.2. Семиотика глуттонического дискурса (С. 250-262) // Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: монография / Т.Н. Астафурова, А.В. Олянич. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. – 389 с.
7. Бабайцев А.В. Знак, символ, эмблема: дифференциация понятий / А.В. Бабайцев // Вестник Донского государственного технического университета. – 2010. – № 6(49). – С. 991–1000.
8. Баранов А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
9. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом / А.Н. Баранов // Человек. – 1997. – № 6. – С. 108–117.

10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

11. Бейлинсон Л.С. Функции институционального дискурса / Л.С. Бейлинсон // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 3. – С. 142–147.

12. Белинцева И.В. Русский кремль и прусский замок: опыт сравнения / И.В. Белинцева // Кремли России. – М., 2003. – С. 65–72.

13. Боженкова Н.А. Лингвосомиотический анализ конститутивных признаков политического и религиозного дискурса: сопоставительный аспект / Н.А. Боженкова, Р.К. Боженкова // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Калининград, 17–19 мая 2018 года. – Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2018. – С. 39–41.

14. Боженкова Н.А. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений / Н.А. Боженкова, Р.К. Боженкова, А.М. Боженкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2017. – Т. 15, № 3. – С. 255–284.

15. Боженкова Н.А. Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Боженкова Наталья Александровна. – Москва, 1998. – 258 с.

16. Боженкова Р.К. Экспликация лингвокультурных смыслов институционального дискурса (на материале русско- и англоязычных религиозной и политической коммуникативных практик): к постановке проблемы / Р.К. Боженкова, Н.А. Боженкова, Д.В. Атанова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2014. – № 1. – С. 46–52.

17. Бочарова Э.А. Политический дискурс как средство манипуляции сознанием (на материале президентских предвыборных кампаний в России и США

2007- 2008 гг.): дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. / Бочарова Эмилия Александровна. – Белгород, 2013. – 232 с.

18. Бугаева И.В. Кремль и кремли: лингвокультурный и ономаσιологический аспекты / И.В. Бугаева // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей II Международного симпозиума. В 2-х томах, Ялта, 08–12 июня 2018 года / Ответственный редактор Е.Я. Титаренко. Том 1. – Ялта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 96–102.

19. Будаев Э.В. Основные этапы развития и направления политической лингвистики / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. Г. Н. Манаенко. – 2007. – № 5. – С. 89–99.

20. Васильевич В.К., Леонидовна Г.Т. Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков / В.К. Васильевич, Г.Т. Леонидовна // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 8 (131). – С. 148–154.

21. Василькова Н.Н. Категориальная сущность фигуры как объекта стилистического исследования / Н.Н. Василькова // Актуальные проблемы стилистики. – 2019. – № 5. – С. 127–131.

22. Вдовина Т.В. Дискурс-анализ: методологические основания и перспективы применения в социологических исследованиях: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.01 / Вдовина Татьяна Витальевна. – Москва, 2012. – 23 с.

23. Верещагин Е.М., Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

24. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: Методическое руководство / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.

25. Гаврилова М.В. Инаугурационная речь / М.В. Гаврилова // Дискурс-Пи. – 2013. – № 3. – С.115–116.

26. Гаврилова М.В. Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике / М.В. Гаврилова. – СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 2003. – 24 с.

27. Гаврилова М.В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Гаврилова Марина Владимировна. – Санкт-Петербург, 2005. – 38 с.

28. Гаврилова М.В. Социальная семиотика: Опыт систематизации терминологической системы / М. В. Гаврилова // Метод. – 2018. – № 8. – С. 404–417.

29. Гаврилова М.В. Социальная семиотика: Теоретические основания и принципы анализа мультимодальных текстов / М.В. Гаврилова // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 101–117.

30. Гаврилова М.Н. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Гаврилова Марина Владимировна. – СПб., – 2005. – 38 с.

31. Гарифуллина Д.Б. Речевой портрет политического лидера (на материале инаугурационных речей президентов России и США) / Д.Б. Гарифуллина // Международные отношения и общество. – 2019. – Т. 1, № 1. – С. 106–111.

32. Гришнова Е.Е. О некоторых аспектах развития политической системы России / Е.Е. Гришнова // Социально-политические науки. – 2016. – № 3. – С. 59–62.

33. Гуз Ю.В. Экспериментальное исследование бызовых концептов цвета (на материале русского, английского, немецкого и китайского языков): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Гуз Юлия Владиславовна. – Бийск, 2010. – 487 с.

34. Гумилев Л.Н. От Руси к России / Л.Н. Гумилев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 392 с.

35. Далецкий Ч.Б. Риторика: заговоры, и я скажу, кто ты: учебное пособие / Ч.Б. Далецкий. – М.: Омега-Л, 2004. – 488 с.

36. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк; Пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А.М. Амадова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
37. Дейк Т.А. ван. К определению дискурса / Т.А. ван Дейк. – Лондон, 1998. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>, свободный.
38. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
39. Делитц Х. Архитектура в социальном измерении / Х. Делитц // Социологические исследования. – 2008. – № 10(294). – С. 113–121.
40. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический проект, 2008. – С. 374–393.
41. Демьянков В.З. Нарратив и дискурс / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – № 4. – С. 5–16.
42. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 31–44.
43. Дутлова Е. История строительства Кремлёвского Дворца Съездов (Государственного Кремлёвского Дворца) // The Soviet Heritage and European Modernism. Heritage at Risk / Е. Дутлова. – Berlin, 2007. – С. 166–171.
44. Желтухина М.Р. Особенности медиатизации современного политического дискурса / М.Р. Желтухина, И.П. Спорова // Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, Москва, 29 марта – 2022 года / Редколлегия: Л.Г. Викулова (отв. ред.) [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2022. – С. 120–124.
45. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М.: Издательство московского университета, 1976. – 307 с.

46. Извекова М.Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Извекова Марина Геннадьевна. – Волгоград, 2006. – 21 с.

47. Ильичева В.В. Инаугурационная речь как инструмент формирования политического имиджа в контексте русской риторической традиции: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Ильичева Валерия Владимировна. – Москва, 2015. – 207 с.

48. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Изд. 6-е, доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2012. – 304 с.

49. Карасик В.И. Аксиология власти в русской лингвокультуре / В.И. Карасик, Э.А. Китанина // Русистика. – 2023. – Т. 21, № 1. – С. 97–110.

50. Карасик В.И. Высказывание, жанр, дискурс: семиотическое моделирование / В.И. Карасик // Жанры речи. – 2020. – № 2(26). – С. 90-99.

51. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.

52. Карасик В.И. Религиозный дискурс / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5–19.

53. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

54. Кашпур В.В. Миромоделирующая функция жанров российского политического дискурса: автореферат дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Кашпур Валерия Викторовна. – Москва, 2011. – 23 с.

55. Ким Л.Г. Образ автора и адресата в инаугурационном дискурсе / Л.Г. Ким, Е.С. Беляева // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1 (73). – С. 72–80.

56. Кириченко Е.И. О двух концепциях императорской резиденции: Зимний Дворец в Петербурге после пожара 1837 г. И Большой Кремлевский дворец в Москве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/04/10/zimnij_dvorec_v_peterburge_posle_poz

hara 1837 g i ordenskie zaly bol shogo kremlevskogo dvorca v moskve,
свободный.

57. Киров Е.Ф. Цепь событий – дискурс / текст – концепт / Е.Ф. Киров // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК: материалы науч. сессии факта ЛиМК ВолГУ. – Волгоград, апрель 2003: сб. науч. ст. – Волгоград: Изд-во «Волгоград», 2004. – Вып. 2. – С. 29–41.

58. Князев Д.А. Современные формы легитимации государственной власти: монография / Д.А. Князев. – Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2010. – 155 с.

59. Кожемякин Е.А. Лингвистические стратегии институциональных дискурсов / Е.А. Кожемякин // Современный дискурс-анализ. – 2011. – № 3. – С. 62–69.

60. Колесова И.С. Философия соборности в ее развитии / И.С. Колесова. – Екатеринбург: Изд-во УрГСХА, 2007. – 397 с.

61. Комарова З.И. Лингвополитология как частная парадигма современной лингвистики: методологический аспект / З.И. Комарова // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4(42). – С. 23–33.

62. Конституционное право России в вопросах и ответах: учеб.-метод. пособие / [Малько А. В. и др.]; под ред. А. В. Малько. – Изд. третье, перераб. и доп.. – Москва: Юристъ, 2008. – 301 с.

63. Копнина Г.А. Речевое манипулирование / Г.А. Копнина. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2010. – 176 с.

64. Копнина Г.А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания / Г.А. Копнина. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2012. – 576 с.

65. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. – 319 с.

66. Кочетков В.В. Международно-политический символизм архитектуры правительственных зданий / В.В. Кочетков // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2015. – №1. – С. 109–126.

67. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

68. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности / Г. Кресс // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 77–100.

69. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: Рос. Гуманит. Ун-т, 1995. – С. 144–238.

70. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках / В.Г. Кульпина. – М.: Моск. лицей, 2001. – 470 с.

71. Лазутина Т.В. Колокольность как выражение национального своеобразия русской музыки / Т.В. Лазутина // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 314. – С. 68–70.

72. Лайонз. Лингвистическая семантика. Введение: Монография / Лайонз, В. В. Морозов, И. Б. Шатуновский. – Москва: Языки славянской культуры, 2003. – 398 с.

73. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

74. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство–СПБ», 2000. – 704 с.

75. Лубченков Ю.Н. Кремль / Ю.Н. Лубченков, И.А. Богатская, А.Б. Тихомирова. – Москва: Белый город, 2009. – 416 с.

76. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 276 с.

77. Малышева О.П. Коммуникативные стратегии и тактики в публичных выступлениях (на материале речей американских и британских политических лидеров) / О.П. Малышева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 96. – С. 206–209.

78. Мамычев А.Ю. Современные формы легитимации исполнительной власти: монографии / А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев, С.С. Стародубцев. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 152 с.

79. Марьянчик В.А. Оценка как категория текста / В.А. Марьянчик // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 100–103.

80. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 24. – С. 43–47.

81. Маслова Т.Ф. Социокультурная интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество на рубеже XX-XXI веков: на примере Ставропольского края: автореферат дис. ... доктора социологических наук: 22.00.06 / Маслова Татьяна Федоровна. – Ставрополь, 2009. – 44 с.

82. Махлина С.С. Семиотика культуры повседневности / С.С. Махлина. – СПб.: Алетейя, 2009. – 230 с.

83. Меринова В.Н. Особенности интеграции в общество лиц с ограниченными возможностями здоровья: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Меринова Валентина Николаевна. – Иркутск, 2007. – 21 с.

84. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: Учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. Заведений / Н.Б. Мечковская. – М.: Издат. Центр «Академия», 2004. – 432 с.

85. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалёва. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.

86. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике / А.К. Михальская. – М.: Изд. центр «Академия», 1996. – 192 с.

87. Моргун Е.А. Инаугурационный дискурс: понятийно-терминологические и когнитивно-прагматические основания (на материале инаугурационных речей американских президентов) / Е.А. Моргун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 2(4). – С. 192–194.

88. Морозова О.М. "Эгалитаризм", "коллективизм" и "трудолюбие" русского народа: неочевидная очевидность / О.М. Морозова // Cogito. Альманах истории идей / Редколлегия: А.В. Кореневский, П.А. Аваков, А.Е. Иванеско, В.С. Савчук, А.А. Харченко. Том Выпуск 2. – Ростов-на-Дону: Научно-методический центр "Логос", 2007. – С. 407–427.

89. Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи; Пер. с франц. Т. Емельяновой. – М.: Академический Проект, 2011. – 396 с.

90. Мухаев Р.Т. Политология: учеб. пособие / Р.Т. Мухаев. – М.: Проспект, 2010. – 640 с.

91. Никитина Е.С. Семиотика / Е.С. Никитина. – М.: Академический Проект, 2006. – 528 с.

92. Норман Б.Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии / Б.Ю. Норман // Язык и культура: Третья междунар. конф. – Киев, 1994. – С. 53–60.

93. Оленев С.В. К вопросу о ценностной национальной картине мира казахстанского интернет-комментатора / С.В. Оленев, М.А. Уайханова, К.С. Ергалиев // Вестник Карагандинского университета. Серия: Филология. – 2022. – № 3(107). – С. 101–108.

94. Ольшанский И.Г. Лингвокультурология в конце XX века: итоги, тенденции, перспективы / И.Г. Ольшанский // Лингвистические исследования в конце XX века. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 26–55.

95. Олянич А.В. Невербальные презентемы как дискурсивные единицы воздействия / А.В. Олянич // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 4. – С. 109–118.

96. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса / А.В. Олянич. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.

97. Олянич А.В., Распаев А.А. Лингвосемиотика театральности в англоязычном политическом общении / А.В. Олянич, А.А. Распаев. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2015. – 212 с.

98. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике / А.Б. Пеньковский. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.
99. Переверзев Е.В. Политический дискурс: многопараметральная модель / Е.В. Переверзев, Е.А. Кожемякин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 2. – С. 74–79.
100. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пешё; Пер. с франц. Л.А. Илюшечкиной // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Под ред. П. Серио. – М.: Прогресс, 1999. – С. 225–290.
101. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
102. Пильгун Е.В. Лингвистические и социокультурные особенности политического дискурса американского варианта английского языка / Е.В. Пильгун. – Минск: РИВШ, 2016. – 75 с.
103. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. / Ч.С. Пирс; пер. с англ. К. Голубовича, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриевой. – М: Логос, 2000. – 448с.
104. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме / С.П. Поцелуев // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 62–75.
105. Привалова В.М. Знаково-символический контекст культуры / В.М. Привалова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2016. – Т. 18, № 1-2. – С. 247–251.
106. Пухначев Ю.В. Колокол / Ю.В. Пухначев // Наше наследие. – 1991. – № 3. – С. 5–21. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/puhnachev1.htm>, свободный.
107. Равочкин Н.Н. Особенности политического дискурса / Н.Н. Равочкин // Вестник КГУ. – 2018. – № 3. – С. 244–250.
108. Резникова Е.В. Личные местоимения в политическом дискурсе / Е.В. Резникова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1, № 1. – С. 180–183.

109. Ризоев Б.М. Сущность и роль государства как первичного субъекта международных отношений / Б.М. Ризоев, Р.А. Мирмаматова // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – 2010. – № 3(43). – С. 99–105.

110. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход / А.А. Романов. – М.: Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. – 191 с.

111. Романов А.А. Семиотическое пространство актов политической дискурсии / А.А. Романов, Л.А. Романова, П.Б. Царьков // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2007. – № 6. – С. 34–41.

112. Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: Коллективная монография / Т.Н. Астафурова, Е.В. Брысина, Я.А. Волкова [и др.]. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью "Волгоградское научное издательство", 2012. – 389 с.

113. Рябова Т.Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике / Т.Б. Рябова. – М.: Иван. гос. ун-т, 2008. – 246 с.

114. Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? / В.Н. Сагатовский. – СПб., 1994. – 217 с.

115. Сатюкова Д.Н. О повторе предлогов перед однородными определениями в современном русском языке: опыт корпусного анализа / Д.Н. Сатюкова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2015. – Т. 11, № 1. – С. 469–512.

116. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серио. – М.: Прогресс, 1999. – С. 337–383.

117. Сескутова И.К. Непрямая коммуникация в дискурсивном пространстве инаугурационного обращения / И.К. Сескутова, А.Е. Устьянцева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 8(863). – С. 99–104.

118. Синельникова Л.Н. Дискурс власти: от легитимизации до манипуляции / Л.Н. Синельникова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – № 4. – С. 10–15.

119. Сиразиева З.Н. Специфика инспиративной и декларативной функций в текстах речевого жанра "клятва" в русском и английском языках / З.Н. Сиразиева // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 8-3. – С. 68–70.

120. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. – М.: изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – с. 352.

121. Спиридовский О.В. Фатическая составляющая политической коммуникации (на материале президентского дискурса) / О.В. Спиридовский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 116–121.

122. Стегний В.Н. Политология: учебное пособие / В.Н. Стегний, Н.Н. Целищев, В. И. Шерпаев. – Пермь: Изд-во Пермского гос. технического ун-та, 2011. – 346 с.

123. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35–73. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov.htm?ysclid=lob4ex8p2y181139771>, свободный.

124. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 24–32.

125. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: Шк. “Языки рус. культуры”, 1999. – С.13–24.

126. Тернер В. Символ и ритуал / В. Тернер. – М.: Наука, 1983. – 277 с.

127. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура / АН СССР, Институт славяноведения и балканистики; ответственный редактор Т.В. Цивьян. – Москва: Академический научно-издательский,

производственно-полиграфический центр РАН "Издательство "Наука", 1983. – С. 227–284.

128. Уайт Л.А. Понятие культуры. Антология исследований культуры. – Т. 1. Интерпретация культуры / Л.А. Уайт. Санкт-Петербург. – Университетская книга, 1997. – 728 с.

129. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – Киев: «Ника-Центр», 1996а. – 208 с.

130. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления: Пер. с нем. / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

131. Хамрина Ю.А. Способы и пути трансформации ритуалов в современном обществе / Ю.А. Хамрина // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 347. – С. 53–56.

132. Хомяков А.С. Церковь одна; Семирамида / А.С. Хомяков; сост. и прим. В.М. Гуминского; вступ. ст. Б.Н. Тарасова; Союз писателей России. – М.: ИХТИОС, 2004. – 495 с.

133. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 134 с.

134. Чесноков И.И. Речевой акт "клятва": истоки и первичные формы объективации / И.И. Чесноков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 9(84). – С. 4–7.

135. Чжоу Цзюньянь. Архитектура Китая в период с 1949 по 1959 год: тенденции, направления, стили / Чжоу Цзюньянь // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 76-1. – С. 381–387.

136. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.

137. Шабалин Д.Н. Ритуал как форма существования и развития социальных ценностей / Д.Н. Шабалин // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира: материалы Всероссийской

научной конференции 21-22 октября 2008 года. – Великий Новгород, 2008. – С.370–372.

138. Швырков А.И. Политическая теория, дискурс и реальность: предварительный анализ взаимоотношений / А.И. Швырков // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 66–79.

139. Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса / Е.И. Шейгал // Жанры речи: Сборник научных статей. Том Выпуск 3. – Саратов: Государственный учебно-научный центр “Колледж”, 2002. – С. 205–214.

140. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.00 / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 431 с.

141. Шелестюк Е.В. Семиотика: Учеб. пособие / Е.В. Шелестюк. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. – 147 с.

142. Шпетный К.И. Когнитивные и лингвостилистические параметры инаугурационного дискурса президентов США Дональда Джона Трампа и Джона Фитцджеральда Кеннеди / К.И. Шпетный // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2019. – № 2. – С. 160–171.

143. Шумихина Л.А. Колокола - символы русской культуры / Л.А. Шумихина // Судьба России: национальная идея и ее исторические модификации. Доклады Пятой Всероссийской конференции: Екатеринбург, 14–15 октября 2003 г. – Екатеринбург: УрГУ, 2003. – С. 149–164.

144. Якобсон Р.О. Избранные работы: Пер. с англ., нем., фр. яз. / Р.О. Якобсон; Предисл. В.В. Иванова; Сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1985. – 455 с.

145. Якобсон Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Семиотика. Хрестоматия / под ред. Л.Л. Федоровой. – М.: Изд-во Ипполитова, 2005. – С. 133–144.

146. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.

147. Altikriti S. Persuasive speech acts in Barack Obama's inaugural speeches (2009, 2013) and the last state of the union address (2016) / S. Altikriti // *International Journal of Linguistics*. – 2016. – Vol. 8(2). – P. 47–66.

148. Barber J. *The Presidential Character: Predicting Performance in the White House, With a Revised and Updated Foreword by George C. Edwards III* (5th ed.) / J. Barber. – L.: Routledge, 2019. – 522 p.

149. Bell C.M. *Ritual: Perspectives and Dimensions* / C.M. Bell. – Oxford University Press, 1997. – 351 p.

150. Campbell K.K., Jamieson K.H. Inaugurating the presidency / K.K. Campbell, K.H. Jamieson // *Presidential studies quarterly*. – 1985. – Vol. 15(2). – P. 394–411.

151. Campbell K.K., Jamieson K.H. *Deeds done in words: Presidential rhetoric and the genres of governance* / K.K. Campbell, K.H. Jamieson. – University of Chicago Press, 1990. – 275 p.

152. Chilton P., Schaffner C. *Discourse and politics* / P. Chilton, C. Schaffner // *Discourse as social interaction*. – 1997. – Vol. 2. – P. 206–230.

153. Coe K., Domke D. Petitioners or prophets? Presidential discourse, God, and the ascendancy of religious conservatives / K. Coe, D. Domke // *Journal of Communication*. – 2006. – Vol. 56(2). – P. 309–330.

154. Dijk T.A. van. *Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach* / T. A. van Dijk. – London: Cambridge University Press, 2014. – 400 p.

155. Dijk T.A. van. *Discourse and Power* / T. A. van Dijk. – New York: Palgrave Macmillan, 2008. – 308 p.

156. Dijk T.A. van. *Elite Discourse and Racism* / T.A. van Dijk. – London: Sage Publications, Inc., 1993. – 323 p.

157. Dijk T.A. van. What is political discourse analysis / T.A. van Dijk // *Belgian journal of linguistics*. – 1997. – Vol. 11(1). – P. 11–52.

158. Douglas M. *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo* / M. Douglas. – Routledge, 2003. – 193 p.

159. Efron D. *Gesture, Race and Culture* / D. Efron. – The Hague: Mouton and Co, 1972. – 335 p.

160. Fairclough N. *Discourse and social change* / N. Fairclough. – Cambridge: Polity, 1992. – 259 p.
161. Fairclough N. *Genres in political discourse* / N. Fairclough // *Encyclopedia of language and linguistics*. – 2006. – Vol. 5. – P. 32–38.
162. Frank D.A. *Obama's rhetorical signature: Cosmopolitan civil religion in the presidential inaugural address, January 20, 2009* / D.A. Frank // *Rhetoric and Public Affairs*. – 2011. – Vol. 14(4). – P. 605–630.
163. Gee J.P. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*, 4th edn / J.P. Gee. – London: Routledge, 2014. – 248 p.
164. Goldman A. *The Word of God: Presidential Inaugural Address* / A. Goldman // *America*. – 1996. – Vol. 15. – P. 10–14.
165. Graber D.A. *Political language* // *Handbook of political communication* / D.A. Graber; ed. By D.D. Nimmo, K.R. Sanders. – Beverly Hills: Sage Publications, Inc., 1982. – P. 195–224.
166. Green D. *The Language of Politics in America: Shaping the Political Consciousness from McKinley to Reagan* / D. Green. – Ithaca: Cornell Univ. Pr., 1987. – 277 p.
167. Habermas J. *The theory of communicative action: Volume 1: Reason and the rationalization of society* / J. Habermas. – Beacon press, 1984. – 562 p.
168. Hall E.T. *The Hidden Dimension: Man's Use of Space in Public and Private* / E.T. Hall. – Bodley Head, 1969. – 201 p.
169. Halliday M.A.K. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning* / M.A.K. Halliday. – L.: Edward Arnold, 1978. – 256 p.
170. Harris Z. *Discourse analysis* / Z. Harris // *Language*. – 1952. – Vol. 28(1). – P. 1–30.
171. Hofstede G.H. *Cultures and Organizations: Software of the Mind* / G.H. Hofstede, G.J. Hofstede, M. Minkov. – London: Mc Graw-Hill, 2010. – 576 p.
172. Hofstede G.H. *Culture's consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations* / G.H. Hofstede. – 2nd ed. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. – 596 p.

173. Horvath J. Critical discourse analysis of Obama's political discourse / J. Horvath // Language, literature and culture in a changing transatlantic world, International conference proceedings. Presov: University of Presov. – 2009. – P. 45–56.
174. Hymes D. Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach / D. Hymes. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1974. – 260 p.
175. Jordan K.N., Sterling J., Pennebaker J.W., Boyd R.L. Examining long-term trends in politics and culture through language of political leaders and cultural institutions / K.N. Jordan, J. Sterling, J.W. Pennebaker, R.L. Boyd // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2019. – Vol. 116(9). – P. 3476–3481.
176. Joslyn R. Keeping Politics in the Study of Political Discourse / R. Joslyn // Columbia (S. Car.), 1986. – 316 p.
177. Kendon A. Gesture. Visible Action as Utterance / A. Kendon. – Cambridge University Press, 2004. – 400 p.
178. Kertzer D. Ritual, Politics, and Power / D. Kertzer. – New Haven: Yale University Press, 1988. – 235 p.
179. Lakoff R.T. Talking Power. The Politics of Language in Our Lives / R.T. Lakoff. – Glasgow: Harper Collins, 1990. – 324 c.
180. Leeuwen T.J. van. Introducing social semiotics / T.J. van Leeuwen. – L.: Routledge, 2005. – 314 p.
181. Leith S. Words like loaded pistols: Rhetoric from Aristotle to Obama / S. Leith. – Hachette UK, 2016. – 336 p.
182. Lim E.T. Five trends in presidential rhetoric: An analysis of rhetoric from George Washington to Bill Clinton / E. T. Lim // Presidential Studies Quarterly. – 2002. – Vol. 32(2). – P. 328–348.
183. Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific / B. Malinowski. – London: Routledge, 1922. – 527 p.
184. Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages. Supplement I (1923) // Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning (A Study of the Influence of Language Upon Thought and of the Science of Symbolism). – London: Paul, Trench, Trubner & Co, 1936. – 336 p.

185. McNair B. *An Introduction to Political Communication (2nd)* / B. McNair. – London: Routledge, 1999. – 272 p.
186. Paltridge B. *Genre, Frames and Writing in Research Settings* / B. Paltridge. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997. – 191 p.
187. Rorty R. *The linguistic turn: Essays in philosophical method* / R. Rorty. – University of Chicago Press, 1992. – 407 p.
188. Rowland R.C. *The populist and nationalist roots of Trump's rhetoric* / R.C. Rowland // *Rhetoric and Public Affairs*. – 2019. – Vol. 22(3). – P. 343–388.
189. Savoy J. *Analysis of the Style and the Rhetoric of the American Presidents Over Two Centurie* / J. Savoy // *Glottometrics*. – 2017. – Vol. 38(1). – P. 55–76.
190. Shapiro R.Y., Kumar M.J., Jacobs L.R. *Presidential Power: Forging the Presidency for the Twenty-First Century* / R.Y. Shapiro, M.J. Kumar, L.R. Jacobs. – Columbia University Press, 2000. – 544 p.
191. Sigelman L. *Presidential inaugurals: The modernization of a genre* / L. Sigelman // *Political communication*. – 1996. – Vol. 13(1). – P. 81–92.
192. Stubbs M. *Discourse analysis: The sociolinguistic analysis of natural language* / M. Stubbs. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 272 c.
193. Swales J. *Genre analysis: English in academic and research settings* / J. Swales. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 274 p.
194. Vigil T.R., George W. *Bush's first three inaugural addresses: Testing the utility of the inaugural genre* / T.R. Vigil, W. George // *Southern Communication Journal*. – 2013. – Vol. 78(5). – P. 427–446.
195. Whissell C., Sigelman L. *The times and the man as predictors of emotion and style in the inaugural addresses of U.S. presidents.* / C. Whissell, L. Sigelman // *Computers and the Humanities*. – 2001. – Vol. 3. – P. 255–272.
196. Whitehead G., Smith S.H. *Self-presentational strategies of modern and presidents* / G. Whitehead, S.H. Smith // *Journal of Social Behavior & Personality*. – 1999. – Vol.14(4). – P. 479–49.
197. Wilson J. *Politically Speaking: the Pragmatic Analysis of Political Language* / J. Wilson. – Oxford: Blackwell, 1990. – 203 p.

198. Wodak R. Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. / R. Wodak. – Amsterdam: John Benjamins, 1989. – 288 p.

199. 于水山. 长安街与中国建筑的现代化. –生活·读书·新知三联书店, 2016. – 379 с. (Юй Шуйшань. Проспект Чанъань и модернизация китайской архитектуры / Юй Шуйшань. – г. Шанхай: Жизнь·Чтение·Новые знания Книжный магазин Саньянь, 2016. – 379 с.)

200. 孙毅, 李全. 政治隐喻与隐喻政治—基于特朗普总统就职演讲的隐喻图景分析. 山东外语教学. – 2019. – № 40(05). – С. 35–47. (Сунь И, Ли Цюань. Политическая метафора и метафорическая политика – анализ метафорических картин на основе инаугурационной речи президента Трампа / Сунь И, Ли Цюань // Преподавание иностранных языков Шаньдун. – 2019. – № 40 (05). – С. 35–47.)

201. 孙玉华, 彭文钊, 刘宏. 语言的政治 vs. 政治的语言—政治语言学的理论与方法. 外语与外语教学. – 2015. – № 1. – С. 1–7. (Сунь Юхуа, Пэн Вэньчжао, Лю Хун. Политика языка vs. язык политики – теория и методы политической лингвистики / Сунь Юхуа, Пэн Вэньчжао, Лю Хун // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. – 2015. – № 1. – С. 1–7.)

202. 施旭. 话语分析的文化转向:试论建立当代中国话语研究范式的动因、目标和策略. 浙江大学学报(人文社会科学版). – 2008. – № 1. – С. 131–140. (Ши Сюй. Культурный поворот дискурс-анализа: о мотивах, целях и стратегиях создания современной китайской парадигмы исследования дискурса / Ши Сюй // Вестник Чжэцзянского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 1. – С. 131–140.)

203. 杨家勤, 刘丹丹. 美国总统就职演讲中同一叙事研究. 北京第二外国语学院学报. – 2021. – № 4. – С. 58–71. (Ян Цзяцинь, Лю Дандань. Исследование нарратива инаугурационных речей президентов США / Ян Цзяцинь, Лю Дандань // Вестник Второго Пекинского института иностранных языков. – 2021. – № 4. – С. 58–71.)

204. 王鲁民. 中国古典建筑文化探源. –上海: 同济大学出版社, 1997. – 144 с. (Ван Луминь. Исследование происхождения китайской классической

архитектурной культуры / Ван Луминь. – г. Шанхай: Издательство Университета Тунцзи, 1997. – с. 128.)

205. 田海龙. 政治语言研究: 评述与思考, 外语教学. – 2002. – № 1. – С. 23-29. (Тянь Хайлун. Исследование политического языка: комментарии и размышления / Тянь Хайлун // Обучение иностранным языкам. – 2002. – № 1. – С. 23–29.)

206. 纪燕, 汪少华. 从奥巴马与特朗普就职演讲的架构对比分析看美国的保守主义倾向. 西安外国语大学学报. – 2019. – № 27(3). – С. 12-16. (Цзи Янь, Ван Шаохуа. Консервативная тенденция в США на основе сравнительного анализа инаугурационных речей Обамы и Трампа / Цзи Янь, Ван Шаохуа // Вестник Сианьского университета иностранных языков. – 2019. – № 27(3). – С. 12–16.

207. 维维恩·施密特, 马雪松. 认真对待观念与话语: 话语制度主义如何解释变迁. 天津社会科学. – 2016. – № 1. – С. 65–72. (Шмидт, В.А. Ма Сюэсун. Серьезное отношение к концептам и дискурсу: как институционализм дискурса объясняет изменения / В.А. Шмидт, Ма Сюэсун // Тяньцзиньские социальные науки. – 2016. – № 1. – С. 65–72.)

208. 范晓. 语言, 言语和话语. 汉语学习. 1994. – № 4. – С. 2-6. (Фань Сяо. Язык, речь и дискурс / Фань Сяо // Изучение китайского языка. – 1994. – № 4. – С. 2-6.)

209. 萨尔法蒂. 话语分析基础知识. 曲辰, 译. –天津: 天津人民出版社, 2006. – 156 с. (Сарфати, Ж.-Э. Базовые знания дискурс-анализа / Ж.-Э. Сарфати; Пер. с франц. Цюй Чен. – Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 2006. – 156 с.)

210. 赵一凡, 张中载, 李德恩. 西方文论关键词. –北京:外语教学与研究出版社, 2006. – 925 с. (Чжао Ифань, Чжан Чжунцзай, Ли Дээнъ. Ключевые слова в западной литературной теории / Чжао Ифань, Чжан Чжунцзай, Ли Дээнъ. – г. Пекин: Издательство по преподаванию и исследованию иностранных языков, 2006. – 925 с.)

211. 钟丽君. 奥巴马就职演讲的人际意义分析. 外语学刊. – 2010. – № 3. – С. 80–82. (Чжун Лицзюнь. Анализ межличностного значения инаугурационной речи Обамы / Чжун Лицзюнь // Журнал иностранных языков. – 2010. – № 3. – С. 80–82.)

212. 雷大川. 政治: 一种语言的存在—兼论政治语言学的建构. 文史哲. — 2009. — № 2. — С. 162–168. (Лэй Дачуань, Политика: существование языка — о построении политической лингвистики / Лэй Дачуань // Литература, история и философия. — 2009. — № 2. — С. 162–168.)

Словари и энциклопедические источники

213. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 136–137.

214. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. — М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1966. — 606 с.

215. Большая Российская энциклопедия. Т. 11: Излучение плазмы — Исламский фронт спасения. Т. 11 / науч.-ред. совет: пред. Ю.С. Осипов и др. — Москва, 2008, — 766 с.

216. Большой англо-русский словарь / Под общ. руководством И.Р. Гальперина, Э.М. Медниковой. — 4-е изд., испр., с доп. — Москва: Русский язык, 1987-1988. Т. 1: А-М. Т. 1 / Ю.Д. Апресян и др. — 1987. — 1037 с.

217. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17 000 слов. — Москва: Рус. слов. [и др.], 2002. — 957 с.

218. Большой социологический словарь. — М.: Вече, 1999. — Т. 2. — 544 с.

219. Гражданин // Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998. — с. 222

220. Гражданин // Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия». Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2014 — 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=Гражданин/C1-C2> (дата обращения: 17.09.22).

221. Грицанов А.Н. "Дискурс" в Новейшей философской Словарь / А.Н. Грицанов. — Минск: Книжный дом, 1999. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/422/ДИСКУРС, свободный.

222. История и культура Древней Греции: энциклопедический словарь / И.Е. Суриков [и др.]. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 790 с.
223. Левада А.Ю. Ритуал / А.Ю. Левада // Новая философская энциклопедия. – М.: 2010. – Т. 4. – С. 458.
224. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 688 с.
225. Лопухин А.П. Возложение рук / А.П. Лопухин // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907. – Т. VIa (1892): Винословие – Волан. – С. 889–890.
226. Новейший политологический словарь / Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2010. – 318 с.
227. Словарь русского языка: в 4 т. / Под. ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1 : А–Й. – 698 с. ; Т. 2 : К–О. – 736 с. ; Т. 3 : П–Р. – 749 с. ; Т. 4 : С–Я. – 795 с.
228. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. – М., 1983. – Т. X. – 232 с.
229. Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics (5th edn.) / D. Crystal. – Oxford: Blackwell Publishing, 2003. – 508 p.
230. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8th Edition. – Oxford University Press, 2010, – 1952 p.
231. Pearsall J. The New Oxford Dictionary of English / J. Pearsall. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 527 p.
232. Routledge dictionary of language and linguistics / H. Bussmann; Transl. a. ed. by G. Trauth a. K. Kazzazi. – London; New York: Routledge, 1998. – XXIV. – 530 p.
233. 中国百科大辞典. 中国百科大辞典编委会. –北京: 华夏出版社, 1990. – 1471 с. (Китайский энциклопедический словарь / Редакция Китайского энциклопедического словаря. – г. Пекин: Издательство Хуася, 1990. – 1471 с.)
234. 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. – 7版. –北京: 商务印书馆, 2016. – 1800 с. (Словарь современного китайского языка / Редакция

словаря Института лингвистики Китайской академии социальных наук. – 7-е издание. – г. Пекин: коммерческая пресса, 2016. – 1800 с.)

235. 辞海. –上海: 上海辞书出版社, 2000. – 6155 с. (Цыхай – море слов. – г. Шанхай: Издательство «Шанхайский словарь», 2000. – 6155 с.)

Приложение А

(обязательное)

Основные источники исследования

1. Церемония инаугурации Президента России 10. 07. 1991. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=КАрj6-RkLz4>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

2. Церемония инаугурации Президента России 09. 08. 1996. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YCO4mFcabng>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

3. Церемония инаугурации Президента России 07. 05. 2000. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21410/videos>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

4. Церемония инаугурации Президента России 07. 05. 2004. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/30888/videos>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

5. Церемония инаугурации Президента России 07. 05. 2008. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/3>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

6. Церемония инаугурации Президента России 07. 05. 2012. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/15224>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

7. Церемония инаугурации Президента России 07. 05. 2018. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57416>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

8. Первая сессия ВСНП 8-го созыва КНР. – URL: <http://www.npc.gov.cn/c12434/c12495/c235/c2459/index.html>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

9. Первая сессия ВСНП 9-го созыва КНР. – URL: http://www.npc.gov.cn/c12434/c12495/c235/c2458/index_3.html. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

10. Первая сессия ВСНП 10-го созыва КНР. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=v_QN0c0TrH4. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

11. Первая сессия ВСНП 11-го созыва КНР. – URL: <https://www.gov.cn/2008lh/zb/0318a/>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

12. Первая сессия ВСНП 12-го созыва КНР. – URL: <http://https://www.youtube.com/watch?v=a84AAgIpAe8>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

13. Первая сессия ВСНП 13-го созыва КНР. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/dbdhhy/13_1/node_33921_2.htm. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

14. Первая сессия ВСНП 14-го созыва КНР. – URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c2434/dbdh14j1c/>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

15. Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

16. Государство КНР. – URL: <https://www.gov.cn> – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Приложение Б

(справочное)

Артефактные знаки инаугурационного дискурса РФ и КНР

Год	РФ	Год	КНР
	<ul style="list-style-type: none"> • государственные символы (флаг РФ, герб РФ, изображение карты РФ, изображение флага РФ) • символы президентской власти (штандарт Президента РФ, знак Президента РФ) • законодательные символы (специальный экземпляр Конституции РФ) 		<ul style="list-style-type: none"> • государственные символы (флаг КНР, герб КНР) • символы управления на основе закона (специальный экземпляр Конституции КНР) • символы политической системы (полотнище с названием Всекитайского собрания народных представителей).
1991		1993	
1996		1998	
2000		2003	
2004		2008	

Окончание таблицы Б

2008	 <p>A ceremony in the Grand Kremlin Palace. A woman in a white dress is presenting a large Russian flag to a man in a dark suit. Several men in military uniforms stand nearby. The background features ornate golden architecture.</p>	2013	 <p>A wide-angle view of the National People's Congress (NPC) in session. The hall is filled with delegates seated in a semi-circle. At the front, a large red banner reads "中华人民共和国第十二届全国人民代表大会第一次会议" (12th National People's Congress, 1st Session). The Chinese national emblem is visible on the stage.</p>
2012	 <p>A ceremony in the Grand Kremlin Palace. A man in a dark suit is speaking at a podium. A large Russian flag is draped behind him. Other officials and military personnel are present.</p>	2018	 <p>A wide-angle view of the National People's Congress (NPC) in session. The hall is filled with delegates. The banner at the front reads "中华人民共和国第十三届全国人民代表大会第五次会议" (13th National People's Congress, 5th Session).</p>
2018	 <p>A ceremony in the Grand Kremlin Palace. A man in a dark suit is speaking at a podium. A woman in a white dress is standing next to him. A large Russian flag is in the background.</p>	2023	 <p>A wide-angle view of the National People's Congress (NPC) in session. The hall is filled with delegates. The banner at the front reads "中华人民共和国第十四届全国人民代表大会第一次会议" (14th National People's Congress, 1st Session).</p>

Приложение В

(справочное)

Кинесические знаки процедуры присяги глав государств РФ и КНР

Год	Жест присяги президентов РФ	
1991		Президент прикладывает правую руку к сердцу.
1996		Президент кладет правую руку на специальный экземпляр Конституции РФ.
2000		Президент кладет правую руку на специальный экземпляр Конституции РФ.
2004		Президент кладет правую руку на специальный экземпляр Конституции РФ.
2008		Президент кладет правую руку на специальный экземпляр Конституции РФ.

Окончание таблицы В

2012		Президент кладет правую руку на специальный экземпляр Конституции РФ.
2018		Президент кладет правую руку на специальный экземпляр Конституции РФ.
Год	Жест присяги председателя КНР	
2018		Председатель поднимает правую руку в кулак, кладет левую руку на специальный экземпляр Конституции КНР.
2023		Председатель поднимает правую руку в кулак, кладет левую руку на специальный экземпляр Конституции КНР.

Приложение Г

(справочное)

Общая типология кинесических знаков инаугурационного дискурса РФ и КНР

Тип жестов	Вид жестов	Жестовые движение	Выполняемые функции	Страна	Примеры
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	рукопожатие	фатическая функция	КНР 2003	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	рукопожатие	фатическая функция	КНР 2008	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	рукопожатие	фатическая функция	КНР 2013	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	рукопожатие	фатическая функция	КНР 2018	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	рукопожатие	фатическая функция	РФ 2008	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	рукопожатие	фатическая функция	РФ 2012	

Продолжение таблицы Г

Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	рукопожатие	фатическая функция	РФ 2018	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	рукопожатие	фатическая функция	РФ 2023	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	поклон	фатическая функция	РФ 2018	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	поклон	фатическая функция	КНР 2023	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	поклон	фатическая функция	КНР 2023	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	поклон	фатическая функция	КНР 2008	

Продолжение таблицы Г

Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	поклон	фатическая функция	КНР 2008	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	махать рукой	фатическая функция	РФ 2018	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	кивок	фатическая функция	РФ 2018	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	аплодисменты, поворачивается телом к местонахождению предыдущего лидера	экспрессивная функция	КНР 2003	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	аплодисменты, поворачивается телом к местонахождению предыдущего лидера	экспрессивная функция	КНР 2013	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	движение главы	экспрессивная функция	КНР 2013	
Жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	указывать на предыдущего лидера правой ладонью	экспрессивная функция	КНР 1993	

Продолжение таблицы Г

Жесты-эмблемы	ритуальные жесты-эмблемы	приложить правую руку к сердцу	презентационная функция	РФ 1991	
Жесты-эмблемы	ритуальные жесты-эмблемы	возложение правой руки на специальный экземпляр Конституции и РФ	презентационная функция	РФ 1996	
Жесты-эмблемы	ритуальные жесты-эмблемы	возложение правой руки на специальный экземпляр Конституции и РФ	презентационная функция	РФ 2000	
Жесты-эмблемы	ритуальные жесты-эмблемы	класть левую руку на специальный экземпляр Конституции и КНР и поднимать правую руку, сжав пальцы в кулак	презентационная функция	КНР 2018	
Жесты-иллюстрации	изображающие жесты	движение правой рукой (слева направо)	информативная функция	РФ 2012	

Окончание таблицы Г

Жесты-иллюстраторы	акцентирующие жесты	поднимать правую ладонь вверх	выделительная функция	РФ 2004	
Жесты-иллюстраторы	акцентирующие жесты	демонстрация открытой ладони	выделительная функция	РФ 2012	
Жесты-иллюстраторы	акцентирующие жесты	похлопать по трибуне правой рукой	выделительная функция	РФ 2018	
Жесты-иллюстраторы	акцентирующие жесты	поднимать указательный палец	выделительная функция	РФ 2018	
Жесты-иллюстраторы	акцентирующие жесты	потирать подбородок	выделительная функция	РФ 2018	
Жесты-регуляторы	способ контроля над коммуникацией или ее координации	незначительное движение руки вверх	регулятивная функция	РФ 2018	

Приложение Д

(справочное)

Сравнительно-сопоставительная характеристика инаугурационного дискурса РФ и КНР

Инаугурационный дискурс		РФ	КНР	
Конститутивные особенности	Хронотоп	время	Дата: 7 мая	Политическое собрание: 1-я сессия ВСНП
		место	Андреевский зал Большого Кремлевского дворца	Большой народный зал
	Участники	численность аудитории	1700-6000	около 3000
		прямо-адресат (в зале)	Приглашенные на инаугурацию лица	депутаты ВСНП, участники без права голоса
	прямо-адресат (на подиуме)	Президент предыдущий, Председатель Конституционного суда РФ, Председатель Совета Федерации ФС РФ, Председатель Государственной Думы ФС РФ, 6 военнослужащих	Президиум сессии ВСНП	
	Контекстуальная модель	начальная часть	Вносится флаг РФ и штандарт Президента РФ, специальный экземпляр Конституции РФ, знак Президента РФ	Выборы и объявление председателя КНР
			На подиум поднимаются официальные лица	
			Уходящий с должности президент принимает рапорт коменданта Кремля, в то же время избранный президент в сопровождении кортежа едет в Кремль	
		основная часть	После двенадцатого удара кремлёвских курантов в зал входит президент	Горнисты Военного оркестра НОАК протрубят о старте
			Выступление уходящего с должности президента	12 солдат почетного караула НОАК подходят к подиуму
Произнесение присяги избранного президента			Вносится специальный экземпляр Конституции КНР	
Объявление о вступлении Президента РФ в должность главы государства	Звучит гимн под аккомпанемент военного оркестра			

Продолжение таблицы Д

Конститутивные особенности	Контекстуальная модель	основная часть	Над куполом резиденции Президента РФ поднимается штандарт, звучит гимн РФ	Произнесение присяги Председателя
			Инаугурационное выступление	Инаугурационное выступление
		заключительная часть	Звучит хор «Славься» и производится артиллерийский салют	Звучит гимн
			Президент принимает поздравления и выходит из зала	
			Президент выходит на Соборную площадь Московского Кремля для смотра Президентского полка	
	Характеристика инаугурации	различие	торжественность и вариабельность по форме, богатство по содержанию	стандартизованность и устойчивость по форме, простота по содержанию
		сходство	строгая форма и фиксированная последовательность протокола	
Невербальные компоненты	Пространственные знаки		Московский Кремль	Большой зал народных собраний
			Андреевский зал	Зрительный зал на десять тысяч человек
	Проксемические знаки		высокая физическая дистанция между лидером и массами	высокая физическая дистанция между лидером и массами
			центральное местонахождение главы на отдалении и возвышении	центральное местонахождение главы на отдалении и возвышении
			расположение участвующих по иерархическому положению во властной структуре	расположение участвующих по иерархическому положению во властной структуре
			знаки, символизирующие владения пространством	
	Артефактные знаки	государственные символы	флаг РФ, герб РФ	флаг КНР, герб КНР
		законодательные символы	специальный экземпляр Конституции РФ	специальный экземпляр Конституции КНР
		символы президентской власти	штандарт Президента РФ, знак президента РФ	

Продолжение таблицы Д

Невербальные компоненты	Артефактные знаки	символы политической системы		полотнище с названием ВСНП	
		колоремы-знаки	бело-сине-красный	красный	
	Аудитивные знаки		государственный гимн России, военный марш, фанфара «Наш президент» и Коронационного марша, хор «Славься», артиллерийский салют из 30 залпов, колокольный звон	государственный гимн Китая, фанфара для ритуала присяги, фанфара на выход председателя	
	Кинесические знаки	жесты-эмблемы	этикетные жесты-эмблемы	поклон (обычный)	поклон (глубокий)
				рукопожатие	рукопожатие
				махать рукой	
					аплодисменты
		ритуальные жесты-эмблемы	жест присяга: возложение правой руки на Конституцию	жест присяга: возложение левой руки на Конституцию, поднимание правого сжатого кулака	
		жесты-иллюстраторы	изображающие жесты (пиктографы)		
	акцентирующие жесты (указатели)				
жесты-регуляторы	движение рукой вверх				
Вербальные компоненты	Знаки-персоналии	адресант	президент	председатель	
		адресаты	люди по гражданственной принадлежности	люди по гражданственной принадлежности	
			люди по статусу в семье и социальной группе	люди по статусу социальной группе	
			люди по полу и возрасту	люди по политическому принадлежности	
			социальные и государственные организации	социальные и государственные организации	
			люди других национальностей		
	организации других стран	организации других стран			
	Знаки-хронотопы	лексемы, выражающие прошлое	по ретроспективному признаку	по ретроспективному признаку	
			по признаку уважения к истории и сохранения традиций	по признаку уважения к истории и сохранения традиций	
				по номинации исторического / политического события	

Продолжение таблицы Д

Вербальные компоненты	Знаки-хронотопы	лексемы, выражающие настоящее время	по признакам временной протяженности	по признакам временной протяженности	
			по признаку данного момента		
		лексемы, выражающие будущее время	по признаку перспективы	по признаку перспективы	
	Знаки-процессивы	номинативные группы глаголов	‘познавательные действия’	‘познавательные действия’	‘познавательные действия’
			‘физические и умственные действия’	‘физические и умственные действия’	‘физические и умственные действия’
			‘действия, выражающие эмоции’	‘действия, выражающие эмоции’	‘действия, выражающие эмоции’
			‘волевые действия’	‘волевые действия’	‘волевые действия’
	Знаки-ресурсы	номинативные группы имени.	физические и умственные усилия	физические и умственные усилия	физические и умственные усилия
			моральная поддержка	моральная поддержка	моральная поддержка
			юридическая гарантия	юридическая гарантия	юридическая гарантия
				политическое обеспечение развития страны	
	Знаки-квалификативы	денотирующие признаки-качества, свойства, отношения	Страна	Страна	Страна
			Общество	Общество	Общество
			Народ	Народ	Народ
				Цивилизация	
	Знаки-интегративы	знаки-идеологемы	социализм	демократия	
		местоимение «МЫ»	общегражданское <i>мы</i>	общегражданское <i>мы</i>	общегражданское <i>мы</i>
			коллегиальное <i>мы</i>	коллегиальное <i>мы</i>	коллегиальное <i>мы</i>
			метонимическое <i>мы</i> , обозначающее страну	метонимическое <i>мы</i> , обозначающее страну	метонимическое <i>мы</i> , обозначающее страну
		существительные, участвующие в выражении значения совместности	существительные, обозначающие совместных участников	существительные, обозначающие совместных участников	существительные, обозначающие совместных участников
существительные, обозначающие участие в совместных действиях			существительные, обозначающие участие в совместных действиях	существительные, обозначающие участие в совместных действиях	
				фразеологическая единица	
глаголы				политические термины	
		Глаголы, участвующие в выражении значения совместности	Глаголы, участвующие в выражении значения совместности	Глаголы, участвующие в выражении значения совместности	
имена прилагательные		Имена прилагательные, выражающие качество субъектной совместности	Имена прилагательные, выражающие качество субъектной совместности	Имена прилагательные, выражающие качество субъектной совместности	

Продолжение таблицы Д

Вербальные компоненты	Знаки-интегративы	наречия и адverbиальные обороты	Наречия и адverbиальные обороты	Наречия и адverbиальные обороты
		обобщенное местоимение и числительное	Обобщенное местоимение и числительное	
		множественное значение	Национально-государственная совместность	Национально-государственная совместность
			Единство между народом и правительством	Единство между народом и правящей партией
			Международное сотрудничество	Международное сотрудничество и человеческое единство
				Воссоединение Родины
				Партийное единство
Прагмалингвистические характеристики	Информативная стратегия	тактика информирования	тактика информирования	
		тактика прямого ответа	тактика прямого ответа	
		тактика каузации	тактика каузации	
	Стратегия компромисса	тактика согласия		
	Стратегия аргументации	тактика генерализации	тактика генерализации	
		тактика проведения аналогии	тактика проведения аналогии	
		тактика приведения примера	тактика приведения примера	
		тактика противопоставления	тактика противопоставления	
		тактика ссылки на авторитет	тактика ссылки на авторитет	
		тактика описания позитивной перспективы	тактика описания позитивной перспективы	
		тактика поэтапной мотивации	тактика поэтапной мотивации	
	Стратегия самопрезентации	тактика обещания	тактика обещания	
	Стратегия самопрезентации	тактика демонстрации компетентности	тактика демонстрации компетентности	
		тактика позитивной характеристики	тактика позитивной характеристики	
	обуждающая стратегия	тактика призыва	тактика призыва	
		тактика требования	тактика требования	
			тактика поручения	
		тактика обращения	тактика обращения	

Окончание таблицы Д

	Дезинтегративные коммуникативные стратегии	Манипулятивная стратегия	тактика выбора предмета речи	
			тактика отрицания	тактика отрицания
			тактика абсолютизации	тактика абсолютизации
			тактика оценивания	тактика оценивания
		Конфронтационная стратегия	тактика осуждения	тактика осуждения
			тактика упрека	
			тактика иронии	
Лингвостилистические особенности	Стилистические средства	общие	различные виды повторов; синтаксический параллелизм; сравнительные конструкции; градация; фразеологизмы; метафоры; олицетворение; цитация; антитеза; риторическое восклицание	различные виды повторов; синтаксический параллелизм; сравнительные конструкции; градация; фразеологизмы; метафоры; олицетворение; цитация; антитеза; риторическое восклицание
		различные	аллитерация ассонанс эпитет хиазм	тон рифма афоризмы клишированные конструкции
Лингвоаксиологические особенности	Дистанция власти		высокая	высокая
	Индивидуализм / коллективизм		баланс между индивидуализмом и коллективизмом	коллективизм
	Маскулинность / феминность		маскулинность	феминность
	Долгосрочная / краткосрочная ориентация		долгосрочная ориентация	долгосрочная ориентация